

№4

06|23

литературный журнал

НАТЁ

написали текст

НАТЁ

на писали текст

Главный редактор: Мария Тухто
Заместитель главного редактора:
Ада Насуева

Редакционная коллегия:
Полина Ужгина — **корректурa**
Александра Сулова — **корректурa**
Юлия Афонина
Ирина Бондырева

Вёрстка: Мария Тухто
Портреты авторов: Николь Нисимова
Иллюстрации: Алина Кольцова
Дизайн обложки: Светлана Подаруева
Иллюстрация на обложке
(«*Девочка*»): Ксения Пройдисвет

Контакты:
+7(915)36-88-739
E-mail: nate.lit@mail.ru
Сайт: <https://nate-lit.ru/>
Мы в социальных сетях:
https://t.me/NATE_lit

Рукописи не рецензируются.
Мнения автора и редакции могут не совпадать.
При перепечатке текста ссылка на журнал обязательна.

Поэзия

Ната ПОЙРАЗ. Землетрясение в Турции.....	7
Мария ЕЖОВА.....	11
Алиса ФЕДОСЕЕВА. Элегии для.....	20
Ника ТРЕТЬЯК.....	32
Филипп МОХОВ.....	38
Александр САРАЕВ. Всё понятно.....	44

Проза

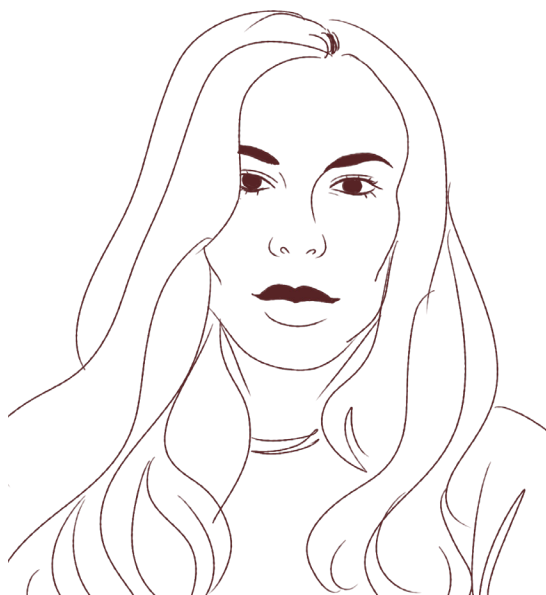
Ирина КАРТАШОВА. Просто вылитая (<i>рассказ</i>).....	47
Евгения ЛИБЕРМАН. Лёлики (<i>рассказ</i>).....	53
Ольга ДЯКИНА. Душенька (<i>рассказ</i>).....	71
Художница (<i>рассказ</i>).....	73
Юлия АФОНИНА. Души (<i>рассказ</i>).....	75
В.В. МИХАЙЛОВ. Жизнь в борьбе (<i>повесть</i>)	
Глава 5. Первые горести. Смерть Джулии.....	78
Глава 6. Зима в Вене.....	71
Глава 7. Снова дома.....	88
Глава 8. В гостях у тети Елены в Зеленом мысе.....	90
Денис СОРОКОТЯГИН. Второй слой (<i>этюды</i>).....	95

Эссе, рецензии, статьи

Кристина КУПЛЕВАЦКАЯ. Читающие в темноте.....	100
Анастасия ЛОБАЦКОВА. Мир, вывернутый наизнанку (рецензия на повесть А. Лукияновой «Это не лечится»).....	105
Елена НЕЩЕРЕТ. Зеркала и лестницы истории (рецензия на роман Х. Побяржиной «Валсарб»).....	108
Полина УГАРОВА. Всё и было иначе, чем было (рецензия на сборник Д. Веденяпина «Что Париж — бери выше»).....	112
Алевтина БОЯРИНЦЕВА. Незамкнутое кружение (рецензия на сборник А. Першина «Общий язык: Книга стихотворений»).....	115
Дарья ТОЦКАЯ. Планида постмодерниста (рецензия на сборник А. Бычкова «Лучше Ницше, чем никогда»).....	118
Илья ДУДАРЕНКО. Кар-кар. О спектакле «Ворон» в Александринском театре.....	121
Анастасия МИРОНОВА. Киноработы «Квартета И»: художественные искания 2020-х.....	126

Ната Пойраз

*Преподаватель английского
языка, копирайтер. Живёт
в Турции 13 лет.*

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В ТУРЦИИ

7

1.

дорога похожа на торт, который уронил и наспех собрал курьер,
рассыпавшиеся куски
немного не выдержал и подъел

босиком бежит девушка, кутаясь в одеяло, она не слышит свой крик,
когда рядом мягко, не спеша, будто устало
и ложится поспать какое-то здание —
девушка успевает лишь отпрыгнуть в сторону и потерять сознание

мужчина в красной каске несет младенца в руках,
он нашел его не в коляске
под куском дома из красного кирпича
дедушка семенит рядом, чуть касаясь брезентового плеча,
как зовут его? возраст какой?
Мехмет, всего два месяца
внук он мой

красная каска суёт малыша под куртку
напевая ему: бабааам
голые пяточки крепко сжимает в руку
они теперь связаны как рыба и океан
потом оглядывается вокруг:
всё утопло в слезах,
смотрит на небо, прижимает мальчишку к груди и шепчет:
ты нам нужен, Аллах...

2.

Али говорит Хатидже

Это невыносимо уже
Они всё несут и несут их как барашков в Курбан Байрам
Мне ещё их укутывать в саван
И снова опаздывает имам
Работы много — пока всех земле предам наступит рассвет, потом
закат и так много дней подряд

Хатидже говорит Али

Джаным, ты только на себя посмотри
Солнце застряло в рёбрах, ты и сам как они
Только глаза горят зажженные видом агонии
Детей пожалей — задыхаются от зловония

Али говорит Хатидже

Негоже
Роптать
Пусть в грязи, пусть вонь съела наши тела
Пусть в автобусе спим мы... среди тряпья
и едим сыр и маслины
Но на своей земле мы и живы
И дети наши бодры и игривы
Благодари Аллаха, молись, будь ему верна

Али трясётся от страха, когда читает вечерний намаз
О, Всевышний! За какие такие дела ты пожалел нас и спас?
Али смотрит на небо, трогает на булавку приколотый синий глаз
А они всё несут и несут их
В воздухе свежие души толпятся на суд
Муэдзин свою песню кричит
Али целует в лоб Хатижде... и обратно спешит

3.

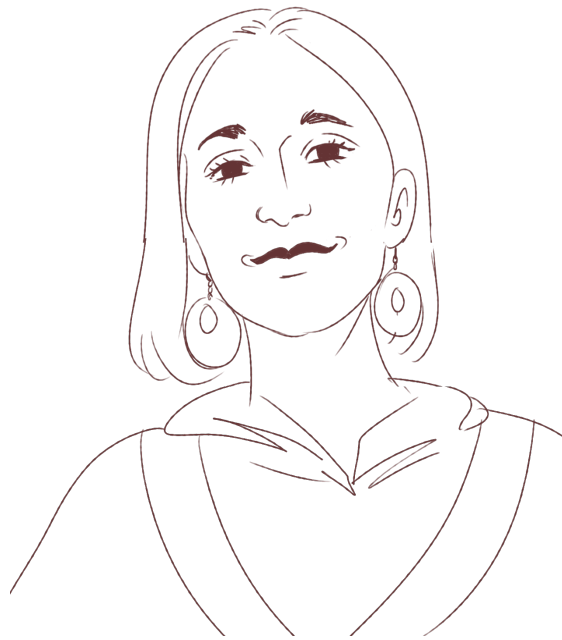
Прыгаю по сторис как по планетам
Тык
На этой планете красотка позирует в зале, хвастаясь прессом на ко-
торый свисает коса
Тык
Из крышечки синей пьёт малыш, его нашли через семьдесят два часа
Тык
На Бали идут концерты: песни, стихи — заслушалась
Тык
Пакеты, машины и много домов разрушенных
Тык
Мама празднует день рождения дочери, та кривится, не любит на ка-
меру, платье розовое блестит
Тык
Смуглая девчушка тоже в чем-то розовом возле обломка дома улыба-
ется и дрожит
Тык
Люди в костюмах цвета фельдграу
Тык
Снова в костюмах, но ярко-красных с руками из стали
копают — уже полсобачки достали
Снова Тык
С тебя последняя фотка если не трус
Палец немеет, слезы меняю на смех

Тут я смелая, через секунду боюсь
Вот показали провал, рядом успешный успех

Так проходит весь день на планетах других
Своя замерла: пыльная, слабая
Ты помнишь?
В порядок её приведи
Иначе она зарастет баобабам

10

Мария Ежова

*Поэтка, магистр религиоведения,
окончила Учебно-научный центр изучения
религий РГГУ в 2022 г.
Сотрудник Библиотеки Поэзии.*

11

* * *

как в земле хоронятся ледяные цветы
никогда не узнать
молодой мудрец
носит листочки от дверей к дверям и прибывает там
крошит зубами печати
врывается во внешнее сходство
комнаты и чертога Метатрона
метафоры
ты запутался, Оптимус,
заморгал слезу
вода
сокрушил ресницами
четверых
вошедших в пардэс

* * *

удобно ли держать коленями голову
тяжела голова мёртвого мальчика
он умер сегодня заново
обломилась веточка
мальчик утонул

удобно ли держать коленями голову
тяжела голова утопленника
полна водой
он умер сегодня заново
хлебнул степи

удобно ли держать голову коленями
тяжела голова
тело того тяжелей
повремени со слезами, выплачешь соль земли
никого не осталось, кто не в земле

удобно ли держать коленями
удобно ли
волосы — водоросли
руки в волосы проросли
(пере(р)убил
тонкое гончее молодое)

ветка ломается по волокнам, цепляется к волосам
тяжела ли теперь голова утопленника
тяжелы песочные следы по вискам
тяжела вина, не умер сам

* * *

вечер приходит в виде
сорока девяти вершин
чёрных серебряных синих
страшновато
они утыкаются в землю
тупыми носами
роют её ища
солнечного луча

с ноги на ногу
полупустые дома
тряхнут, укачивая малышей-жильцов
подмигивают угольками
сигарет на чёрных балконах
не ходи босиком

на средних фалангах мёрзнет жёлтая кожа
о бумажно-железный лист папиросной бумаги

* * *

кожа зеркала серебристая как Луна
стирает плоского человека
струпьями чёрными покрывая его лицо
из конца в конец исчезает по точкам
и в том существует
двойное событие
как щелчок по носу
звон в ушах
как зубная боль

грибные дожди прошли
простучали свою
погрибальную
так стучат и твои белые рисинки за щекой
если холодно быть нагой
не стой у зеркала
и пальцами не стучи в такт уходящим дождям
по сухим ключицам
ты уже осыпашься там
за поверхностью ртутной пыли
в этом мире
нам ещё ходить

* * *

мухи вступают в интеркорсы за ухом
туда же вцепляется клещ
тянется передними лапками к мозгам
серый клубок нервных клеточек
дай обнять тебя моими длинными передними лапками
я поцелую тебя в ум
живой ты человек
вот оно — истинное познание Другого
дай прикоснуться к тому, где ты угадал запах горелого
где рождается мысль сказать
«кто-то разжѐг костѐр»
где рождается мысль не сказать
«я хочу быть костром, я хочу кричать искрами и гудеть изнутри,
хочу, чтоб меня боялись,
расползтись, захватить,
взлететь,
я тоже хочу до вечера умереть»

* * *

"shepherd, leave decoying"

Henry Purcell

go easy on me
il parle d'amour comme il parle de voiture
мы вошли в эту воду однажды
come unto me
сице желает к тебе душа моя
there was a secret code
скажи-скажи, когда вернёшься
глазки мои, где ж вы скрылись
был дружок и тот начал забывать
ой ружице румяна
что ты рано зацвела
на крыле я спала, я крылом обняла
de moi pourquoi j'existerais
выходит среди нас ты был
historia de un amor
встань в районе двери
не выроню слезиночку
don't you cry tonight
заиграю заиграю сам заплачу
there's nobody here
it's just you and me
under my umbrella
ладо
Лель мой

* * *

московский транспорт приветствует
голубя на остановке
седого бомжа, девочку с флейтой
голубь на остановке
останется
девочка с флейтой едет домой
сегодня суббота
сегодня надо сделать уроки на всю неделю
час-полтора на флейте,
наверное, что-то для специальности,
что-то к оркестру,
общее фортепиано, сольфеджио, хор — повторить
убраться в комнате, может,
получится выйти с подружками на площадку,
но только не поздно,
а может быть, только завтра
мама должна быть дома,
наверное, пишет,
наверное, будет сегодня семейный ужин,
может, счастливый час на диване,
под кино, Гарри Поттера или Шрека,
к папе бочком,
умыться, спать
московский транспорт тряхнул
флейта из рук к ногам
мужчины без места жительства
думает
до конечной
там подремать, пару часов в вестибюле,
завтра ещё прокачусь
голубя съем

* * *

чешуйки мартовского альбиноса-неба
скребут манифест лица
кажется, в этом есть что-то личное
кроме марионетки Крэга никому не пришедшее в голову
как сустав большого пальца
противопоставление внутреннего сгорания
в первой позиции
вывернись пахом вперёд
продавай остатки механической машины
в клюквенном диалоге любовного настроения занавесок со
смертью Лоры
как теперь отнести себя на квадраты старообрядческого
старик, старик
куда ведёт, эта тропа
в некрасивой вселенной
не стану есть, не буду будить голодных
дрожь земли приводит в движение марионетку
к человеку руке простирающей, не иметь помогающего
Другой повернётся спиной и плюнет под ноги
самокрутку из стана Танеевских фуг
отражённую в талых стружках

* * *

высота десяти тысяч и копеек
сжимающая между грудью и позвоночником
раскачивает сердце из стороны в сторону
бом бом бом бом
маятник, а не мышца
рукой бы
влезла остановить
коченеющие мысли в сухом кислом тумане
авиакулинару

жестяные баночки значат будущие пустоты
значат очередь в промежутке кресел
влияние отмирает
мир исключительно самостоятельный
единичный
красный
вельветовый в грязных пятнах

жидко смелого вещества
живо вынула
жадно выела
жалко верного
жалко слабого
--

18

хрипотой голоса задержались в ситцевой памяти
как пасхальная масса
вываренные комки
оседающие в полукруг ковша

ты читал стихи боковым лицом
стоя в третьем ряду иконостаса
по правильному складывая руки покорным рыцарским жестом

немыслимо, не воздевать
цаде, оранта
в верном требовании благодати

пророческий дар разлит и распространён
против правил игры с нулевой суммой

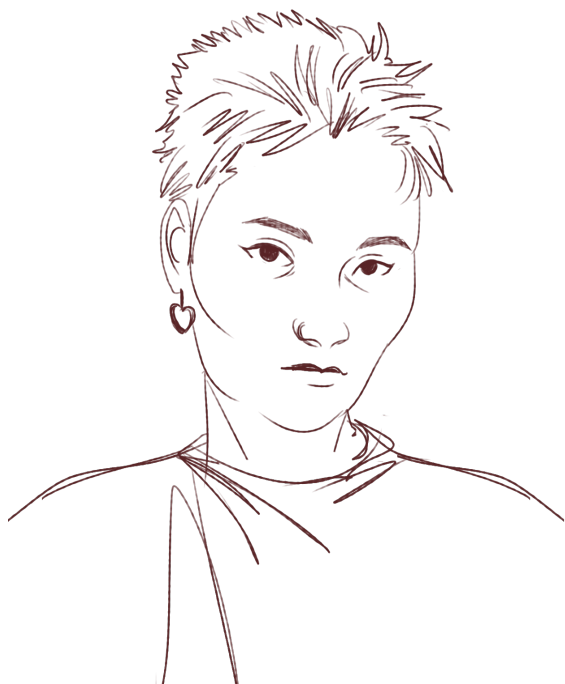
* * *

если автобусы это фантазия
они проходят мимо, как облака и птицы
они едят нас пачками на завтрак и на обед
и ведут переговоры с небесными консисториями

во мне содержится семь чинов
попроси и отдам тебе всех
я спрессую их почтовыми бандеролями на следующем повороте

если автобусы это эвтаназия
нам суждено задохнуться в одном из часов пик
в обнимку с авторитарным правителем, жующим салатные листья
на сиденье для инвалидов

Алиса Федосеева

*Поэтка, исследовательница фемпоэзии.
Родилась в 2005 г. в Москве.
Публиковалась на портале «полутона».*

20

ЦИКЛ «ЭЛЕГИИ ДЛЯ»

Элегия для Москвы

мои глаза превращались в колосья
северо-кавказской степи
они смеялись сухостью в комки
грязи, скопившей у линии век
и утро вымаливало у меня
очередное ласковое приглашение
забраться в карман и уехать в Москву

и я росла в горах, где
седые мужчины в балахонах раз-
зевали р(ты), о которой я
слипалась и высыпалась галькой между
пальцами ног
ты была моей нежной
любовницей-преемницей
снежной пустыней грязного воздуха

ты взглянула на мой
девчачий октябрьский писк
и солнцем окатилась,
выкатила яблоки глаз во двор, плюнула на
сморщенность в уголке губ, от которых
выросла новая
земля и обратилась в шестирукую
женщину, росшую в южной степи

там, где турки душили коврами,
я заламывала руки синтаксиса,
вырубала его как гнилое дерево
заворачивала в кокон востока и
шептала на уши проклятья, и
яд моих уст становился молоком на
парапете стамбульского ада
и не нужно было быть Данте, чтобы
меня поглотила эта страна

но ты варшавкой дышала в мое окно,
возвращала меня, Одиссея, домой, где
в суматохе культур и обездоленности речи, я
училась заново читать кириллицу,
не сплевывая и не проглатывая
букв, от которых небо застывало
ядерным цементом и пробиралось
эдемской змеей в мой рот, шелестя
письменами и заминая голос

где ты, Москва, целовала меня
в мочки ушей, гоготала и укрывала
бархатной нежностью мой глупый мозг
он превращался в соевое молоко
и грязное полотенце в руках ребенка
мечтавшего о тебе, когда крест поместили
у твоих волос, окрестили барыней и
вертихвосткой, чтобы я узнала о том,
как твой озон пахнет белым золотом,
дующим в нос и его зашивающим

забористостью этого письма я
буду вырезать на твоих ногах мое имя
и нам никогда не придется
расставаться или гореть или быть другими
однажды ты вспомнишь, как я любила и
станешь сонным жуком у моих маленьких
ног у приволья Кавказа

Элегия для младшей сестры

прозрачная емкость твоего не-русского
немого, не моего языка
по-южно-славянски поет мои песни
девочка — часть вечного
детства, пластиковая пленка
фруктов-консервов

я боюсь за твою кожу, по-отцовски
изогнутый нос
во снах они ускользают, текут
восходят наверх
пластилиновым фильмом меня
разрывают

—

эта элегия должна струиться, как
чёрное море из твоего окна, как
бутылка водки в руках отца, как
небо твоих карих глаз, как
стразы на этом платье

вечная ссылка в цветную деревню
запертая в машине с открытым ртом
я бы залезла в него с ножом
вырвала зудящий язык,
смахнула с него кислоту

«ржавчина проросла между телефонами»
я заперта в ностальгии по родине
пока лежу в ее лоне
как задушенный леопард
и не чувствую нашей крови

—

теперь ты, наверное,
рвешь бабочкам крылья
я хранила кузнечиков в банке
они плавали в выделениях
цвета синего сока

выход отсюда прост:
не читай новостей
не пиши стихи
и не крась лицо

Элегия для Чертаново

краеугольный локтевой сустав
заполированный позвоночник
трясется и строится в
квадратичную функцию
двусоставное предложение
кастрированное подобие
устройства заряда жизни

—

я пишу тебе:
ты, которое родина мудаков,
черно-сахарных зим и
грязно-желтых лет,
которое бедность, которое тело
города, его голеностоп
в рабстве сутенера мк(ада)

ты, которое выхолощенная и
химически загаженная,
выглаженная крахмальная
проститутка, странопародия
в силу насилия тащишь горб города

ты, о которое стучали мои
дёсны, выжигаемые острой щеткой,
кровавым ошметком воздуха газопровода
ты, которое слизь на зрачке,
повестка в почтовом ящике и
реакционная депрессия и
угольно-кислый газ

теперь ты — нецензурная брань
харчок на асфальт
пьяный муж, бьющий дверью
зато ночью ты ласково стонешь
как серый хомяк на исходе лет
давишься кормом сна
оболочкой панциря панелек

ты, которое набросало плевел
цвета заводных труб
во влагилице родины-матери —
выкидыш, прости господи,
русской изнанки
гнилепоэт, скребущий бычки

и ты, которое растило во мне
страх темноты, бессловесный ужас
почвы и ее слуг
теперь я пишу для тебя,
чтобы ты, существо-вещество,
посмотрело бездне в глаза
и ею подавилось

теперь ты — Тирей,
птица-удод, а я —
суп из твоего ребенка
финальная строчка стиха

Элегия для папы

Я попробую писать ясно,
Может даже в рифму.
Но скорее всего нет.
Оставлю это себе.
Что-то себе.

—

я давлюсь насморком от твоих
слов, от их отсутствия или
моего в них присутствия

эту элегию я не напишу
я скорее ее отхаркну
сублимирую

—

боль вырванного зуба плотность текста
его отстраненность заостренность вычурность
взаимосвязь вечности и тошноты и
разложение дыхания губ и грубость легких
исковерканность звуков их нежизнеспособность
узкая челюсть нестройный языковой ряд
сдавленная талия облучение живота холод
картофеля остатки белка прыгают и двоятся
пожалуйста пожалуйста больше меня никогда не касайся

—

томные размышления о море:
если бы я могла,
научилась плавать — не плакать

«вода как символ уязвимости», окей, давай:
лучше бы я родилась с синевой в глазах
тогда бы взглянула в твои без боли

26

—

посмертная записка:
только молчать

—

а ты стоишь и смотришь
руки липнут к бокам
подмышки-желе

что было раньше —
курица или яйцо?
твоя ненависть или
моя беспомощность?

—

прощение похоже на горную реку

кислотный дождь

—

я напишу еще проще:

мне страшно

я не знаю тебя или меня

и как складывать губы не порезавшись

—

вот бы ты верил в меня так же как в бога

Элегия для дедушки

27

ветры монгольской степи

наливали глаза песком

по-собачьи лохматые волосы

отливали блеском седины

я пыталась вглядываться в твое лицо

но в нем отражался только ты

* * *

я пожилая кора дерева

я склонюсь корнями ивы к твоим вискам

прожую горох порошков

проберусь по трубам лет

жирным слизняком усталости

твоя кожа хрустит в руках
ветками ставропольских зим
которых мне не видать и не чуют
но я по-прежнему лозой льну к ответам

* * *

Чита, нищета, снегота
ты — набитая пухом подушка
не вынуть не вставить
ты — водоканал моего незнания

чух-чух-чух-чух, чух-чух-чух-чух

я бы стала полиглотом,
чтобы говорить на твоих языках —
человеческих, ангельских

но я стану медью звенящей
или кимвалом звучащим

чух-чух-чух-чух, чух-чух-чух-чух

мой эзопов язык расщепляется на
скобки и двоеточия: рас(точит)ельность букв

* * *

эту кровь не вдохнуть и не выкачать
не просеять сквозь ситце пальцев
она скрепами раздирает жилы
слабые кости сырых потомков

если скомкать это стихотворение
положить листком в рот
оно превратится в
апрельский снег или
зеленый газон, раз он
звучит как твой кашель

* * *

хочется сказать «вы»:
вы, о которых я не узнаю от страха
узнавания и
идентификации

я бы приняла ваши щеки-скулы
и стучала о них зубами

* * *

я хочу, чтобы эта элегия пахла
созвездием овна
свежескошенной травой
революцией глаз
ровнаязычием

Элегия для бабушки

29

узловатость твоих рук
кусала меня за уши
кавказское солнце выветрилось из
лопнувших карих не-
мых глаз-рук
а на языке застывала кислотность
масла, жирности, моих
слов

—

твой мир уместился в
песочные стены кабинки
диспетчера, холодильника, телевизора
мир без зла тебя
покусал и
высосал

звук вытекал из рук
скулящим деревом
моросью дней
морщиною зуба
щетиною комнат

—

все что я помню — жар
сахар и жир
гальку наоборот —
жестянку неба

—

нужно писать тебя и о
но О кольцом возле горла —
гласными давит

около ожога-ободка
обходила твое небо «гэ»
огородами обухов топоров

О О О
О несчастная старушка О
О О О

—

нас разделила моя
неомощность и бес-
помощность, костене-
ловкость, скобки-осколки губ

грузом пищи ты
писала письма любви, а я
держала в кармане Москву и
мечтала сожрать металл

нас не видал ни Дедал,
ни дед Влад —
они бы стыдили
стыковали, стекались огнем

—

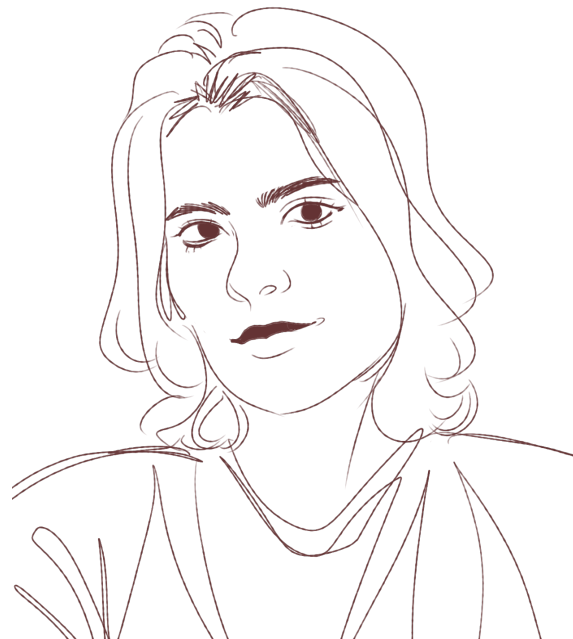
вот ты умрешь

где буду я?

каким новым страхом
успею
скрыться-
прикрыться вуалью
эго?

Ника Третьяк

Поэт, литературный критик, филолог. Студентка филологического факультета МГУ им. Ломоносова. Рецензии и заметки публиковались в журналах «Литература», «Формаслов», «Кварта», в альманахе «Воздух». Стихи – на портале «Прочтение», в журналах «Формаслов» и «Интерпоэзия», в культурном проекте «Флаги».

32

* * *

Стою у обрыва числа нумерация лестница логик
Что будет ближайшие эти минут впереди
Я придумаю дело сама себе вымысел звука секунд
Между висками закрою лагуну и темени створки
То свет мне мешает уснуть и хочет меня воспарить
И стою и стою и шагнуть жить во времени
Неуютно всё так же как жить не начать и как жить не закончить
Я гипноз размещаю в стакане и выпью зажмурясь
Раз два три — и ослеп и легко мне как камень упасть
И стою и стою у обрыва никак не решаюсь
Со спины подхожу к себе левой толкну и толкаю
С обрыва себя пока правой стакан не успею
Из распахнутых рук на земле вырываются чёрные ленты
И повязаны чёрные ленты вокруг головы на глазах
Я лежу пригвождённая собственным жить на земле
Я камень всегда тут лежал никогда не летал
И то что стою у обрыва приснилось ли мне

* * *

И входит в сад гора, не человек,
Поёт она о небесах, их пряча за собой.
Ты велика, гора, но свет не затемнишь,
Уже я вижу, сквозь тебя потрескивает луч.
Ты корнем можжевелевым полна
И распадёшься ты на сад и небеса,
И встанешь камнем посреди,
Гора, и будет так светло,
Что человек весь изнутри
Сияет плачем. Скорбь
Перед тобой, гора, смотри,
Смиренно в нём парит
Вращением себя в садах,
И перед ней смирись.

* * *

Водишь закатом по животу,
По леднику рукой. Дышит
Ребёнком в кровати песня
Об одеяле-поле обетованном,
О приходе мадонны, её поцелуе и
Несказанном тихом знании,
Что всё хорошо. И всё хорошо.
Играет оркестр-цветок
В стакане воды и в залитом светом
Зале. По старческой ладони
Сыплются зёрна звука, материя
Пляшет внутри молодого слуха,
Удар, и ещё удар — пробиться через стекло стакана зелёным
побегам.
А — растёт над собой в облаке хора,
Капли поют о падении и движутся вспять,
Парит в концерте новорождённая мандрагора,

Только зрение встало и вышло из зала.
Мы спим, как ребёнок в кровать,
И слушаем музыку, Малер!
Снег идёт над тобой, улыбнёшься
Рукам, пьющим себя; залетишь
В головы наши послушать,
Где питается наша тревога,
Почему мы иногда не слушаем музыку мира.
Густав выйдет на ветер, защёлкает песню:
Флейта свистит в камышах,
Вьёт для скрипок гнездо из невидимого тростника;
Тычинки в цветке качаются —
Замрут — качаются — ударятся
О землю ясным грохотом,
Трубы поднимутся навстречу
Всходящему солнцу, его дискам встретиться, гудит его гонг...
Затихает сонный плач ребёнка.
Повернулся ключ в двери, и мама дома.

* * *

Нас не искали в этот день,
Когда смотрели через воздух на детей
У берега реки и мидии. Насквозь
Был ветер, показывая, как
Будто проходил свободно и невесомо.
Ветер проходил по разостланным полотенцам,
Забирая их тепло для рыб и одинокой лодки.
Одна — раскрошенная в капли, шла вдали на глазах купавшихся,
Тень от неё ушла под воду и вынырнула
На другом берегу. Бродила
В медленных зарослях и мелькала
Светом фонаря в ответ на крики,

Возвращалась, влекомая плеском.
Лезвие-весло входило в щели
Между отражением и дыханием,
Но невозможно было отогнуть одно от другого.
Нельзя было дышать порознь, потому как
Снова сливались, ты — на лопасти, я — на корне крылатки;
Зелёная вода качала и видела — веткой клёна,
Но молчала — меня, толкая снизу к тебе. Тем
Тяжёлая ветвь, как ожидание сна; сшивающий берега путь,
И нас тогда не было, имена пустые забыли.
Что происходило между синеватой щетиной
Коры и впадинами воды, нельзя было объяснить.
Лодка-цветок складывала бутон после взмаха
Вёсел, ветка и отражение ветки менялись местами.
Сумерек не было, река и река над ней
Соединялись вокруг лодки в одну дорогу.
И только так она шла дальше. Память о снеге
Унесла белый перламутра, а память о темноте за стеклом погасила чёрные раковины,
Оставив только ветку клёна.
Преступления нет. Мы взяли друг друга
И шли. Отказались от времени,
Как пустые мидии на берегу.
Слепленные водой листья — никогда по отдельности,
И плывут в реке.

* * *

Невстреченный любовник на перроне
Спиной к перемещению плывёт,
Растерянный, как в бурю экипаж.
В руках часы, не снятые с руки, в глазах
Надежды — новый день под занавесом дыма.
«Возвращайся к себе» — поезд горит прибывшему,
«Ты сам себе форма выбранного тобой,
Мужчиной вмещал в себя целое сердце,
Кто понесёт тебя в носовом платке твоей матери?».
«Возвращайся к себе», — часы разбились стоящему,
«По огонькам над водой не бежит ли,
Подол приподняв, женщина в чёрном?».
«Платок проглотил лицо и взлетает, как чайка
Кричит в темноту», — тень от почтовой кареты,
Желанной, как сон, но тень — не желанна.
«Нас роднит опыт жизни, и ещё ближе мы в смерти,
А потому уходи», — поезд трогает его по плечу.
Видение любовника сжимает рукоять,
Спиной назад заходит в свой вагон
Садится на скамью и раскрывает письма,
Чернила исчезали под рукой, графин отяжелел водой,
Круги замедлились — мужчина на вокзале
Держит свой билет, как сердце, целый.
Пружина разомкнулась.
Колёса двинулись и встали, в его руках часы,
Стучит в ступени юбка-контролёр,
Платок графини взлетает горлицей в дыму,
Его протянуты глаза и руки — горлица вторая.
Приминая шепчущие тени, прочь бежит карета
От вокзала, боясь любовников тревожить,
Задумчиво она пути пересекает.
«Я вернулся», —
Приминая локоны и складки,
Целует карету подошедший поезд.

ТЫ НАПИШЕШЬ ОБО МНЕ СТИХИ? ОДА О ТЕБЕ

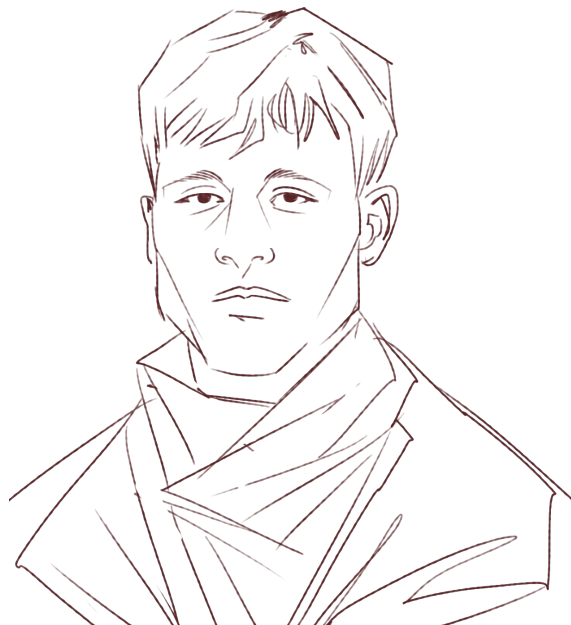
Всё же нет тишины ни в одну из ночей,
 Когда клетки и ткани бы мне не кричали
 Оставить в покое эти плоские лампочки.
 Наползать поверх друг друга, вызывать мигрень
 И мять под собой всё, что мне так нравится —
 Обратимы и старомодны, как сравнение,
 Клетки количеством самих только стихов.
 Я вот напишу тридцать семь тысяч,
 И столько же дней у времени заберу,
 Если вынесу. А так оно скажет мне:

Заяц, ты куда поскакал?	Достигать ноль-пространства	И волна инфинитива уносит в безвременное
Не знает он никогда		Всегда совершается
Я люблю Тебя		Ползёт на гору и не думает, зачем
Никогда толком не было времени подумать	И хотя в этом движении нет особого смысла	Не спрашивает, готова ли я путешествовать

Уйдя из времени, из ночной тишины.
 Тебе вовсе необязательно повторять то,
 Что было в начале. Просто двигайся дальше.
 Так вот, об этих бабочках, обручах и андрогинности —
 Сплошная выдумка заскучавших декадентов.
 Без собственной мысли что-то менять
 Или разбить, или переиначить,
 Я говорю: сохранить старое.
 Старое воплощается новой жизнью
 Через ноль-пространство и тогда
 Не нужно доказывать необязательность времени.
 И пока мы с тобой говорим, попробуй сделать то,
 Чего никогда не делал. Утрами, тишиной просыпаться,
 Соединяться с жужжанием солнечного света.
 Я и правда не знаю прекраснее ощущения,
 Чем просыпаться. Уитмен стучит в окно,
 Приветствуя тебя, и всех тебя вчера и завтра,
 И всем-всем-всем salut au monde.
 А ты плачешь, что время ушло. Вытри слёзы,
 Двигайся дальше, ты всё равно повторись.

Филипп Мохов

Студент филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (кафедра дискурса). Сфера интересов — французский постструктурализм и лакановский психоанализ. Работает над новыми поэтическими семинарами по переводу французских стихов.

38

Philippe Mot-Chauve

la met le feu à la pour un rituel des champs.
et la terre est calme, et le ciel est couvert
de l'ancre des naufragés.
l'homme est plein d'amour, l'animal de fer
s'en va au hasard dans la forêt.
le loup est un homme qui vient d'une ville,
qui trouve le pain dans une herbe.
je suis plein de vie, je suis dans le beau temps,
je suis un cheveu dans un œil.
j'ai perdu mon chevelu, j'ai poussé un cri,
mais la terre et le vide sont bons.
la terre a permis à l'homme de vivre
et les animaux ont fait des combats.

Филипп Подстриженное-письмо

здесь подожги её для ритуала полей.
и земля безмятежна и небо укрыто
якорем перетерпевших крушение.
человек переполнен любви, зверь несгибаем
наудачу отсюда уходит в леса.
волк есть человек, что из града бредет,
что в траве находит свой хлеб.
я переполнен живого, в дивную пору,
я волосок в глазу.
я утратил мою волосатость, и вытолкнул крик
но пустота и земля благосклонны.
земля человеку позволила жить
а звери затеяли битвы.

Дед №4 — посвящается деду

и в них живут, а он один.
один как в детстве он мечтал.
однажды дед решил уйти,
ушёл он в дом к себе домой.
теперь он видел свой камин,
свою квартиру, свой балкон.
все комнаты свои узнал,
ведь столько лет в них не был он.
сейчас он чувствует себя
как будто он опять со всеми.
но всё же что-то не даёт
ему покоя, что-то гложет.
ведь не бывает же чудес
и не приходит к нам погода.
не может быть, чтоб это сон.
что это всё, зачем, к чему
ответь мне, дедушка, скажи,
зачем оставил ты свой дом

•••

poly zeiss quoi катер
катет по лицам скатится в
норку
кроны вор-куют
кровать ворошит воздух
диск урсы: крадись в орбиты
diss-курсы: пророди от бруксы
рассечение посреди океана пере-
породись от кур · сыпят зер
реза нефть астаны

смывали — ссыпали стань им
die ce cours kurse
— кросс по цвету или порко росо —
сорок
марупасов по полосе
 слов на берегу значений
не находя основ доходит до снов
значение сбереженное
или сбраженное стечение знаков
не даёт покоя добраться до позвонков
не возвращает в утробу где есть слово без коннотата
ноты канта ^ итака и катана рассекающая славу на 4
стороны рассыпаны знаки записывающие различие
на все 4 стороны голова бродит куда угодно логову там находятся
слова как коммуницирующие аммуницией единицы разрывающие сознание на все 4
стороны чтобы дисциплинировать норы я работаю со словом
как с противной десницей и металлом

40

Basque country

ниже, чем кто-либо другой
шабли: пьёт рене шар
чарли паркер. шарли паркер.
наизусть или из уст или по дворам
улипо пора написать палиппы
и другие чулки, которые в
шарлевиль-мезьер
зонтики летом раскрываются
сюзен ты ли или со мной прощаются
люди из деревни
у части целые по части вариации
прибытие в отца зарисовано
порицаемо в основе своего гасіо
поцапаться в горе в зонту бестий
сад бытия без тебя не смея стевия

один листок костью крадётся пасть
ни я ни стены не досаждают ветру
без зоба без смеха
бомбы в мезозойном ожоговом центре
рецепция слов без рецепторов
перецепиться рукой чтобы сыграть вопль
прицепиться без рецепта отца

* * *

аппликация вантов на мели
целуются дикари и весла
ясон и смерть в трюме: последствия слова и цвета,
корпускулы, расп и одеревенелое
подожди дна халата – меня;
шаткие ирисы после арины среди мух и червей
парис и ио
подоспел ногой и так, что
обледеневший меж речью хотел,
летом, вето рамкам создав,
за плечи запечатлеть босые тромбы
пойманный в тогу на мели,
ток десен, мел заката и бойни?
к'уверт усеченный и сыпь,
«ностра датус дё риума дэвуар»
менестрел', стёр черты крапа и крыл везде
богами и лавинниками

* * *

В спортивном лагере
Летом
Из занятий: сон, неумелое чтение, кефир и снюс
Из спортивных игр футбол и борьба немного плавыбы
Долгий песок приветливо любит пальцы
В больших селениях есть шашлык
Когда-то привезут арбуз
После шести-десяти километров
Вкус к скалам и оловянным ступенькам
Единственный выпрыск энергии происходит
На брусках
На брус: я миша влад и может вова
С утра грибной дождь кстати
Статистика показывает, что отбой начать
Лучше в 11 позже труднее
От шишек и песка нет отбоя
От темных корпусов во все стороны тропы
Отличное солнце в обед
Невозможно сыграть в футбол
Там футбол варианта борьбы
Медпункт находится рядом но это
Вредно характеру
Рядом трещит корпус для борьбы
В нем хорошо находиться
Японский домик трещит и там в стульчике
Сидеть в положении послушника
Здесь японское искусство смыкается
С русским осевшим строением
Слушать треск кистей о крышу едва
Великое солнце в обед
Сердце справляется здорово

Восстановление в 2 часа
 Самое трудное это забеги
 За тобою гончая в 300 метров
 Самое приятное тебя зовет
 Георгий в туалет потому что ему страшно
 Идти по черному лесу в одиночку

«Эти явления вполне себе трансфор
 Мируются И там играет вдова айт- то ,
 Жанна Фриски или я

«и вы как я

Да

Конвеем то, что в конце ваши концепции
 Критерий чехова льного знаете в принст
 Вы мабстеп микс мате- или бакедино
 Вас качает думать правил ушам

Музыку к ап льного

Качает великий какую-то вы значит бесед
 Твенный 100% recycled fibre прави мож
 % de fibres recyclées

Никуда не убегут ambient ли долго

- риал философ может и мы

Что вас этой музыки насчёт ебнуться

— есть тоне с начал

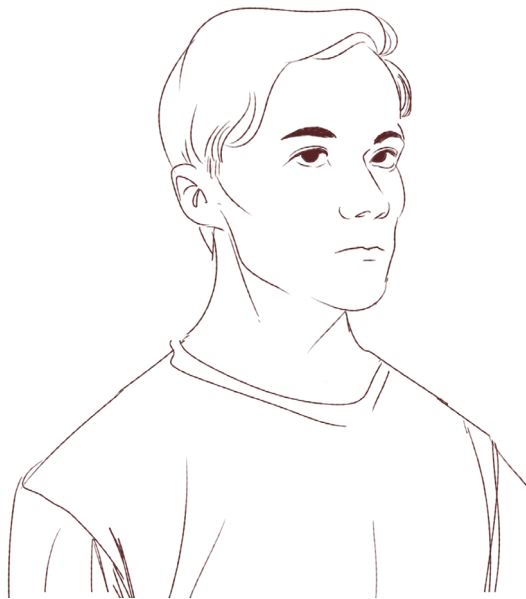
Не — прави — ключик побеседовал

Фию такой constituée à 100% и он мне

Матик ыки на такой в

Вот я ллиал тоже прально

Думайте это

Александр Сараев

Выпускник ЛИ им. Горького, поэт, прозаик, редактор. Публикации: «Прочтение», «Полутона», «Формаслов», «Учительская газета», «Знамя».

44

ВСЁ ПОНЯТНО

* * *

когда умру вернусь к своим любимым
к воде и свету к праху и волне
быть только самым не необходимым
слезить на вой (перед частицей) не

не говорить когда гремит пшеница
стереться гладким языком дождя
застывшая на стеблях жизнь-убийца
не для меня теки меня не для

* * *

что нам жизни и смерти чужие
мы и сами
не рискуем быть живы
или стать мертвецами

между да и нет
без каких-либо почестей
стелющимися голосами
нас помянут по имени-отчеству
чёрт бы с нами

пропадение пропадом
нет возврата
всё, что было целым, теперь разъято
всё, что было, нынче углы да углы
и мы тоже
мы тоже горели
и потухли

* * *

солнце упало на ладони и веки мёртвых
ничего если тени
бродят в аду в одиночку
они вечную коротают ночь
вечную гложут скорбь
лишены беспощадной надежды

живые
смотрят вперёд пока не высыхают глаза
в будущем чуда не видно
проклятье мгновения
перерубает образы обещаний
некуда отступить
прошлое кончилось
теперь

мы забудем и будем
мы забудем и будем
мы забудем и снова
и снова
и снова
будем

* * *

так думали спастись, но было глупо в
чернильницу вращать смолы
нет ничего мертвее этих букв
поднявших чёрные свои стволы

так думали закрыться на штакетник
но белизна переползала в сад
и вот глядит на нас ракит ракетник
и полые листы на пол летят

* * *

выразительней цифр и букв
паузы и пробелы
писано белым на белом:
тишины требует зв-к
умолчания б-г
так и написано: говорить
можно лишь незаветное
вот сл-во белым огнём горит
вот ничего не видно:

и всё понятно

Ирина Карташова

Родилась и выросла в Сибири. Город детства — Тулун, город юности — Иркутск. Закончила филологический факультет, работала журналистом, редактором, пресс-секретарем. Сейчас живёт в Москве, пишет прозу.

ПРОСТО ВЫЛИТАЯ

47

Двадцатый век, на исходе

Саша просыпается рано. Включает радио и начинает разговаривать — с ним и с самой собой. «Зиминский, Куйтунский и Тулунский районы перевыполнили план по молоку», — бодро вещает диктор сквозь потрескивание старого приемника. Вот и хорошо, вот и славно, будем с молоком, значит.

Она сноровисто заправляет кровать. Матрасы серые и тощие от возраста, несколько штук один на другом, чтоб было помягче (не помогает), подушки тоже уже изрядно всхуднувшие. Зато постельное белье чистое, накрахмаленное, похрустывает, любо-дорого поглядеть.

Растапливает печь. Газетная бумага, лучина, самые сухие и тонкие полешки — Господи, благослови затопить поскорее! Печка старая и с норомом, к ней подход нужен: то тяги мало, то дымит во всю ивановскую. Сегодня день удачный: огонь разгорается быстро, вот уже плита начинает краснеть, можно печь лепешки. В избушке становится теплее, Саша сбрасывает одну из трех кофт, которые надела, встав с кровати. Домик маленький, утеплен плохо — и за сибирскую весеннюю неласковую ночь успеваешь выстыть. Зато и нагревается быстро, вот и хорошо, вот и славно.

Пышные шапки гортензии в огромной жестяной банке из-под сельди приветливо переливаются сиренево-зелено-розовым.

— Тесно тебе, понимаю, тесно, моя красавица, — говорит ей Саша и ласково перебирает листочки. — Ну потерпи уж, как земля прогреется — пересажу тебя на грядку, вот там приволье будет.

И «красавица», кажется Саше, понимающе кивает. Из-за двери слышится настойчивое царапанье.

— Проходи-проходи, Феденька, — радуется Саша, с трудом открывая тугую дверь. — Угощу тебя сейчас, трудягу нашего, всю ночь не спал, работал. В избушку проскальзывает широкомордый полосатый кот. Вид у него самый боевой: уши рваные, хвост укорочен в драке с соседским наглым псом. Кот набрасывается на миску, как на зазевавшуюся мышь, урчит от удовольствия.

Саша раскладывает намащенные горячие лепешки по двум мискам, где поменьше — себе, побольше — внукам: отнесет им, как встанут. А встанут они поздно: каникулы, спи-отдыхай! Да и правильно, когда еще поспать, как не в детстве.

Она выходит открыть ставни. Окна в доме напротив, где живет старший сын с семьей, еще не светятся. Байкал, старый пес, лениво вылезает из будки и снова заползает туда, громыхая цепью: а, свои. Саша осматривает смородиновые кусты под окнами — нет даже намека на листики. «А в России уже яблони цвести начинают», — привычно думает она. Когда внуки услышали эту фразу, они дружно засмеялись: «Баба Шура, ну ты даешь — а здесь что, Германия, что ли? И какие яблони в апреле, вон снег еще не сошел!».

Двадцатый век, начало

Саша лежит в кровати, крепко закрыв глаза, чтобы не впускать в них яркий утренний свет. В комнате жарко натоплено, крашенные половицы — она это знает — блестят-отливают солнечным блеском. За окном яблоневый сад, аромат которого просачивается в комнату. Перина пуховая, подушка пышная, одеяло легкое — спи вволю! Но дадут, как же! Саша слышит, как за полуприкрытой дверью спорят родители.

— Опять разоспалась, не добудишься, — ворчит строгая мать. — Старшая же, какой пример братьям-сестрам.

— Катя, ну ладно тебе, пусть поспит немного, — мягко уговаривает отец. — Мало ли как потом жизнь сложится.

Мама — она любит, чтобы последнее слово за нею оставалось — говорит, что вот именно, мало ли, поэтому пусть приучается, нечего барыню растить. Саша со вздохом опускает ноги на гладкий пол — еще не хватало, чтобы опять из-за нее ругались.

Папа ждал первым сына, имя выбрал — а родилась она. Имя оставили. Сашка росла бойкой, смышленной, подспорьем отцу во всем и его любимицей — из-за чего им обоим то и дело доставалось от матери. «Потатчик, — сердилась мать. — Ух, допрыгаетесь у меня». Они с отцом молча перемигивались, чтоб не рассмеяться.

Бывало, садятся в дроздки — отец правит, Саша рядом — и давай стихи читать по строчке! Папа начинает, она подхватывает. Пушкина, Лермонтова, Некрасова — он много наизусть знает, и дочка не отстает! Или петь на два голоса: «Окрасился месяц багрянцем», «Степь да степь кругом». У отца красивый баритон, а Саша пока может и верхним, и нижним петь, хорошо у них получается.

Папочка-папа... Как в воду глядел, когда дочь баловал и матери не давал рано Сашу будить! Его, священника одного из воронежских приходов, арестовали, а семью отправили в Сибирь. Мать с Сашей работали в колхозе за трудодни. Вставали обе рано: надо было успевать приготовить поесть младшим, скотину обиходить и на поля не опоздать. Какое уж там высыпаться! Так с тех пор и привыкла вставать ни свет ни заря.

Двадцатый век, на исходе

Сашка лениво потягивается на диване, смотрит на будильник. Матка боска Ченстоховска, да почему уже полдень-то?! Это она недавно в книжке такое выражение вычитала. Теперь вставляет его в речь — исключительно не к месту, по мнению домашних — и очень гордится изысканностью. Медленно сползает на пол, тащится на кухню. Ага, брата нет, но есть лепешки на столе: явно, баба Шура уже у них побывала. Лепешки румяные, круглобокие — Сашка их обожает, особенно когда такие, недавно из печи! Уминает несколько штук подряд, запивая молоком из холодильника. Ну, теперь можно не есть скучную гречку, которую мама им оставила на завтрак, а с теплым набитым животом в апрельскую холодину выныривать.

Баба Шура, конечно, уже во дворе. Возится со своими кустами, чего-то им там втирает. Смешная она: все время разговаривает сама с собой или с растениями своими, стихи читает, песни поет. Сашка знает, что ее саму назвали в честь бабушки. И это еще ладно: хотелось бы, конечно, поизящней, но в целом имя нормальное, можно много сокращений придумать. Сандра, например. А не ладно то, что она якобы похожа на бабу Шуру. Дескать, и болтливая такая же, и память отличная, и учится на одни пятерки, и читает запоем, и стихов-песен наизусть сколько знает! И — железный аргумент — на детских фото Сашка просто вылитая бабушка. Ну не анекдот, а? Люди младенцев не видели, можно подумать! Они же все такие — низенькие, щекастые, нос пуговкой, глаза маленькие и круглые — как баба Шура, короче. А Сашка другая: она тонкая и высокая, с узким лицом и огромными глазами.

— День добрый, бабШур, — рявкает Сашка. — Спасибо за лепешки!

Баба Шура, вздрогнув от неожиданности, радостно разворачивается к внучке.

— Ой, Сашенька, встала уже, молодец! Я Лешу-то видела, а ты, думала, еще спишь. Ну как поспала? Как поела? Понравились лепешечки, значит? Я, знаешь, пшеничная-то мука у меня кончилась почти, а ржаная осталась, вот я смешала, просеяла на три раза...

Баба Шура в подробностях рассказывает, как она готовила лепешки, потом — без пауз, по своему обыкновению — как готовила лепешки ее мама в детстве в Воронеже («мука-то была белая, крупитчатая»), потом — чего она собирается делать со смородиной, чтоб урожай был побольше. Сашке скучно, она зыркает глазами по сторонам в поисках увесистой причины слинять. Лешка хитрый: свалил куда-то — а ей выслушивать всю эту поэму в прозе!

— БабШур, я пойду, — наконец придумывает она. — Мне это, уроки надо делать. Много так задали.

— Иди-иди, конечно, — торопливо соглашается старушка. — Учись хорошенько, ты вон какая умница, на доске почета висишь, отличных успехов тебе!

50

Довольная Сашка спешно удаляется, а баба Шура все продолжает желать ей вслед всего самого наилучшего, хвалить и восхищаться. Умница хмыкает: можно подумать, успехи неотличные бывают! Ну да ладно, что с бабки-то взять. В семье все — кроме мамы — над ней посмеиваются. Мама почему-то общается очень вежливо, уважительно. Отец — тот всегда с пренебрежением: «Эй, мать!». Ну и они с братом не прочь посмеяться. А что делать, если она то и дело поводы дает? То начнет стихи наизусть шпарить — и ходит за тобой, и твердит то про генерала, что с гор к Тифлису подъезжал, то про Москву, спаленную пожаром. Ни одна из их знакомых бабушек так не делает! Или возьмется весь репертуар любимой своей Анны Герман петь — причем, где не помнит, свои слова вставляет. Тоже ни от кого они не слышали такого концерта без заявок. А с цветами возится — сутками в сезон на клумбах пропадает! Нет бы картошки-морковки побольше посадить, с ними и хлопот меньше. А то рыхлит, ровняет, пропалывает, подвязывает, поливает... Выращивает ровно два вида: георгины и гладиолусы. Вся улица знает — красивей, чем у тети Шуры, цветов не найти. А толку от тех цветов? 31 августа понабегут вечером боевые дочки-внучки соседок: «Мама прислала спросить, не будет ли маленько гладиолусов на линейку? А меня бабушка отправила, говорит, Шура обещалась пару-тройку георгинов на букет оставить». Ну она всё и раздаст. Распускаются цветы только к середине августа, а возни с ними всю зиму и потом с весны. Ну какой прок от такой работы? А баба Шура радуется, улыбается, про каждый цветок расскажет, выходит девчонок провожать, машет им вслед. Господи...

Двадцать первый век, начало

Сашка просыпается рано. Раздвигает портьеры, впускает в спальню серый московский свет. Вспоминает, как в детстве ненавидела открывать ставни по утрам. Выходить на холод, брр. «Мам, ну зачем это придумали? Открывай-закрывай, столько времени тратить!» Сейчас она бы с радостью вышла во двор: потрепала по холке Байкала, поежилась от морозца, быстренько обежала дом, впуская в комнаты ясное сибирское утро. Каждую тяжелую ставню потянуть на себя, зацепить крючком за петлю — вот тебе и зарядка на свежем воздухе. Во дворе, конечно, встретится баба Шура с ее всегдашной улыбкой и готовностью немедленно поговорить на любую тему. Несет миску с едой Байкалу. Миска за ночь замерзла, так баба Шура разогрела ее на печи, добавила пару кусочков вечных своих лепешек — и притащила псу. Отец ругает ее за это: баловство-де, овчарка должна уметь любую пищу есть. Но баба Шура продолжает греть миску. И печь лепешки. И выращивать зелень на окне.

— Баба Шура, зачем? — удивляются они с братом. — Лето скоро, всего три месяца осталось, там зелени будет — завались!

— Глаз порадовать хочется, — непонятно объясняет она. Дети хохочут. Ну баба Шура же, одно слово, что с нее взять.

Господи Боже мой, думает Сашка, как могла она, выросшая в щедром черноземном крае, объяснить им, появившимся на свет в минус тридцать и дальше своего городка не уезжавшим вплоть до окончания школы, что три месяца до лета без единого зеленого листика — это ужасно долго? Как могла она втолковать им, зачем нужны цветы в огороде — пусть и всего на пол-месяца, для чего разговаривать с кустами и деревьями холодным апрельским днем, почему нужно рыхлить и удобрять эту тяжелую глинистую почву, рыхлить и удобрять? И всю зиму трястись над «детками» — луковичками гладиолусов и корнями георгинов — которые в деревянных ящиках спят в подполье, и надо каждое утро и каждый вечер спускаться и проверять, не холодно ли им. И не обижаться, что тебя не слушают, что прерывают, что смеются над тобой и передразнивают за спиной, думая, что ты не видишь. Все ты видишь, понимаешь, улыбаешься и прощаешь.

Сашка вспоминает, как она впервые попала в Воронеж, на родину бабы Шуры. В Сибири весной еще не пахло, а здесь — Матка боска! — начинали цвести яблони. Сашка застыла перед деревцом, на котором вот-вот развернутся розовые лепестки, и стояла, как в немом кино.

Мысль разогнал звонок. Брат, легок на помине. Сашка улыбается — она всегда рада его редким звонкам.

«Привет, Москва! — Леша, по обыкновению, настроен бодро. — Как жизнь? Слышь, гараж разобрал, нашел там бабы Шуры чемоданчик. Фотографию она тебе отправить, видать, хотела и не успела. Посмотри, я ее сфотал с обеих сторон, прислал тебе».

Сашка открывает мессенджер. На фото — баба Шура среди своих любимых георгинов. К концу жизни она похудела и как будто стала выше ростом. Лицо, обтянутое кожей, кажется узким, глаза — огромными. А на второй картинке — оборотная сторона бумажной фотографии, где все еще аккуратным почерком первой ученицы выведено «Любимой внучке Сашеньке на долгую добрую память».

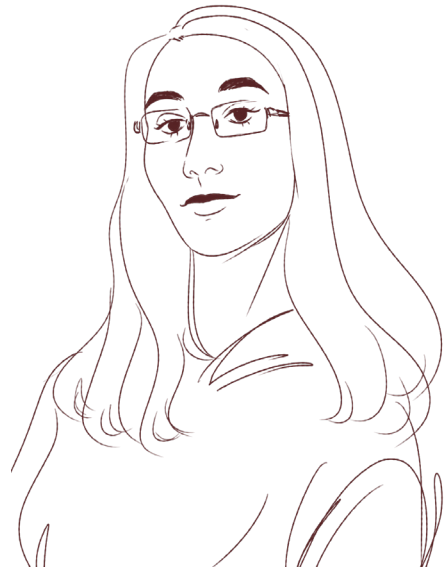
Саша плачет, уткнувшись лбом в холодное стекло. Подбородок щекочит перья зеленого лука и листики петрушки: на подоконнике у нее теперь всегда ящик с зеленью. Чтоб глаз радовался. Идет в кухню, кладет телефон на стол перед дочкой-первоклассницей.

— Это моя бабушка, — говорит. — Шурка, как ты думаешь: я хоть немного на нее похожа?

Девочка сосредоточенно моргает круглыми глазками, вглядывается в фото, переводит взгляд на мать.

— Просто вылитая, — серьезно говорит она. И забавно морщит короткий нос-пуговку.

Евгения Либерман

Окончила МОУ «СОШ №19» г.о. Подольск в 2023 г.

ЛЁЛИКИ

«Не пугайся, ты меня, надеюсь, не забыла. Не соберётся ли нам в „Номере 15“, как в старые добрые? Приходи завтра в семь, я уже всех опросил: Нахман будет, Оля Дёмина, Феруза, Лёня, даже Липавская. Мехйела молаш!».

Фамилия Гандельсман говорит мне о том, о чём не нужно. В юности я по ошибке называла так Сергея Гандлевского. И, разумеется, читала освенцимские записки Янкеля Гандельсмана. А этот... и откуда только выискался? Мало в Израиле поэтесс и писательниц?

«Лёлик? Ты?»

«Ха, не забыла. Ну, тнузег айз, жду».

* * *

В семнадцать лет, ещё не успев сдать ЕГЭ, я твёрдо верила, что после поступления в вуз организую союз молодых еврейских литераторов. Как это случится, я представляла себе плохо: руководитель из меня никудышный, подойти, спросить у кого-то, похвалить в глаза — о чём вы? Поступив на заветный филфак, в первую неделю записалась в литературный кружок.

И вот настали они, Хармсовские чтения, инициатива нашего декана, поклонника абсурдистов. Студенты на задних рядах актового зала листали заметки в телефонах, второпях отыскивая подходящие стихи — большей частью верлибры. Выходили, кто конфузясь, кто развязной походкой, застывали между зрителями и потолком, как истуканы, садились на пол поджав ноги или выставляли одну ногу вперёд, раскачивались, прищёлкивали и читали.

Больше других меня впечатлил парень в картузе местечкового еврея тридцатых годов, клетчатых штанах и потёртом пиджаке. На его груди расплывалась жёлтая звезда. Он читал долгую и жуткую поэму «Тихль¹» об изнасилованной черниговской еврейке, ночных кошмарах, травмирующем опыте Холокоста, завывая и трясаясь всем телом. Его угрюмый вид и манера чтения наводили экзистенциальный ужас. Когда он окончил, зал ещё долго молчал. Хлопать начали лишь после моего чтения: я выступала с циклом «Взгляд на Катастрофу».

— В тебе растёт еврейский писатель, — сказал странный парень, подсаживаясь ко мне. — Твои тексты только о войне и Холокосте?

— О чём ещё? В нас всех живёт трагедия. Мой дед с семьёй из Орши по шоссе уходил.

— Мою прабабушку под Черниговом расстреляли в сорок втором. Яков, — он протянул мне руку.

— Женя. И много здесь таких?

— Травмированных? Раз-два и обчёлся. Больше графоманов-слезоточителей, мусолят одни и те же темы о героизме советских воинов, немцев выставляют идиотами. Ни одного живого текста не найдёшь. О евреях мало кто пишет, но и такие отыщутся. Либерман — твоя фамилия?

— Псевдоним.

— От слова «liberty»? Или «либерал»?

— Не без этого. Но я социал-демократка.

— Не имеет значения. Маяковский, Хармс, Сапгир, Гофштейн, Дер Нистер? Соображаешь?

— Эрль, Сатуновский, Михоэлс, Хлебников, Хаим Граде, Введенский...

— Уважаю. Я не филолог, а историк. Архивное дело. Приходи в курилку второго корпуса. Пора растормошить это болото.

* * *

В курилке было не продохнуть. Передавая друг другу электронные сигареты, в клубах яблочного и виноградного дыма колыхались не то тени, не то люди. Кто-то визгливо читал на иврите в глубине, кто-то хрустел морковью. Яков, потягивая кофе через трубочку, вальяжно развалился на подоконнике и рассуждал:

¹ Тихль — платок, который носят замужние еврейки (примеч. автора).

— Что такое йидишкейт²? Идиот, не трещи, послушай умного человека, — в одну из теней полетели шкурки от мандарина, послышалась ругань. — Так вот, йидишкейт, ребятаки, это то, как мы себя здесь должны чувствовать. Я вам не предлагаю рядиться в лапсердаки³. Но еврей с непокрытой головой, не ходящий в синагогу, не знающий ни своего рода, ни своего фамильного горя, это, простите, гойская рожа. Ох, Женька!

Яков попытался слезть с подоконника, но не удержался и рухнул на пол под одобрительный хохот со всех сторон. Он был изрядно пьян.

— Шабаш ведьм, я погляжу?

— Приезжай, гусарик, в субботу на шабаш! — из-за угла девчонка затянула народную песню про корчмарку Хайку.

— Мой кагал, моя компашка! — заорал Яков. — Не хочешь? — он протянул мне стакан из ближайшей кофейни. Я осторожно отхлебнула и поморщилась: хитроумный Яков перелил туда коньяк.

— Какая гадость!

Я обратилась к девушке в дверях:

— Кто все эти люди?

— Этот надрызгавшийся шут — Гандельсман, мой одноклассник. Юдофил, невротик, болен Холокостом. Остальные... кто их знает?

Кашляя от дыма, я выбежала из курилки. Слишком свежи были воспоминания о проматерённом, замусоренном и разрисованном школьном туалете.

Следующая встреча состоялась в пустой комнате на съёмной квартире Якова. Тот был трезв, подтянут и выглажен. Картуз, не снимавшийся и в помещении, он плотно надвинул на лоб. Яков заносил пришедших в особый список

Явилась с экономического Эвелина Липавская, рыжая развязная девица с крупными кольцами в ушах. Села, закинув ноги на спинку соседнего стула, уткнулась в телефон. Пришла одноклассница Якова Оля Дёмина, та самая, что пела про Хайку, голубоглазая шатенка с редким по-армянски выразительным носом, уверявшая беспрестанно, что фамилия её деда Розенфельд и она самая что ни на есть галахическая⁴. Пришёл с журфака, болтая кистями цицит⁵, и притащил из детства прозвище Нюся Жёлтенький, в миру Наум Нахман, тщедушный малорослый еврей с пронзительным фальцетом и детски крошечной головой, как у грача. Пришла хрипатая Феруза Каракулова, дальняя родственница нашей уборщицы; так я узнала, как выглядят бухарские

² *Йидишкейт* — еврейский дух, путь, взгляд на жизнь

³ *Лапсердак* — долгополый сюртук верующих евреев

⁴ *Галахическая* — дочь еврейки, согласно иудейскому религиозному закону, галахе

⁵ *Цицит* — шёлковые шнурки по углам молитвенного облачения (талита21), которое холостые евреи надевают в качестве нижнего белья (талит катан, который носил Нахман), а женатые — на голову (талит гадоль, в котором он выступал в роли кантора).

евреи. Явился полный стеснительный бородатый человек в шляпе кнейч⁶, отрекомендовался мне по-ребячески Лёней.

Первое время эти странные люди, чьей-то волей запертые в шести квадратных метрах комнатухи, развлекались тем, что читали друг другу чужие стихи и напропалую критиковали. Феруза, например, ни за что ни про что обрабатывала Шамшада Абдуллаева, ссылаясь на то, что верлибры по плечу любому дураку, а силлабо-тоническое стихотворение сочинить талант и ум нужны.

Складывалось впечатление, что я попала в паноптикум, в сборище уродов и калек всех видов, заточенных в четырёх стенах с одной целью — вытрепать друг другу нервы. И точно, в жарком споре с Нахманом Феруза окончательно сорвала голос и теперь злилась из своего угла, издавая нечленораздельные звуки.

Яков оглядел собравшихся сверху вниз и подмигнул:

— Вечно они так: сойдутся, наорутся, перессорятся, а дальше мир и покой.

— Так ты их давно знаешь? И уже собрал?

— В смысле?

— Верить или нет, но я думала, что кружка еврейских литераторов не существует.

— Кружок? Эти дармоеды трескают и пьют за мой счёт, таскаются за мной хвостиком по синагогам и сами не понимают, что их скрепляет. Вот это Лёня, раввин на полставки. Мы его своим порядком назначили, он единственный все основные молитвы и благословения знает, сам из общины. Думаешь, просто мне было их собирать? Я родом из такой глухомани, где еврея на сто километров вокруг не найдёшь. А дома книги, и подсвечники, и прадед со своими рассказами. Он из украинского местечка, всю войну прошёл, под конец покоя захотелось, новой родины, — между делом сообщил Яков. — Привёз в Сибирь из Праги невесту Бройху, детьми обзавёлся. Тогда у нас ещё евреи в деревне были, так я и появился.

— Куда же они исчезли?

— Перемерли. Или в Томск рванули, как наши соседи. От нас до Томска ехать полсуток. Одна моя семья осталась. Вот и наслушался, понимаешь, рассказов старика про народ, про веру, про погромы. Знаешь, о ком «Тихль»? О его сестре. Это я уже из архивов узнал. Как переехал, третий год ношусь по Москве, как заполошный, веришь, сколько собрал? — он покосился на шкаф, заваленный бумагами и папками. — И на родину предков ездил. Здесь за каждого еврея цепляюсь. Слышу, кто говорит, тут и подсаживаюсь, как к тебе. Еле наскрёб вот этих чумовых.

— Что ж ты в общину не вступишь? Документы на руках.

— Скучно там. Ещё и следят за тобой, беспокоятся. Не такой я человек, чтобы

⁶ *Кнейч* — шляпа с заломом на макушке и полях

под чьим-то контролем жить. А тут? Сам себе председатель, сам себе господин. Это моя община. Только кроме меня и Лёни у нас соединяющего начала нет.

Я взобралась на стул.

— Прошу внимания! Мы с Яковом, — я подчеркнула это «мы», — созвали вас сюда, чтобы объявить о том, что отныне наша компания будет организованной группой. Я предлагаю создать еврейский литературный союз.

— А ты, собственно, кто? — подал голос из кухни Нахман.

— Какой ещё союз, ты спятила? — зашипел Яков.

— Сам жаловался, что идея нужна. Вот тебе, пожалуйста. Ребята! — я снова повысила голос. — Все вы между собой дружите и до сих пор не знаете, для чего. Пора. Пора направить нашу энергию в творческое русло!

— Творчество, говоришь? — уточнил Нахман.

— Кто здесь писатель?

Феруза, Нахман, Яков и Оля подняли руки.

— А ты чем занимаешься? — спросила я Эвелину.

— Рисую, — отозвалась она, не отрываясь от телефона. И верно, она заканчивала набросок портрета печальной молодой женщины.

— Моя прабабушка Това, — пояснила она. — Из Белостокского гетто, одна из выживших.

— Вот ты и будешь дизайнером.

В тот же вечер праздновали основание союза. Поклонник обэриутов, хеленуктов и будетлян Нахман, который давно мечтал много писать о своём народе, засел сочинять манифест. Из-под кисти Эвелины вышла нелепая вывеска, будто сошедшая с плакатов Лисицкого: прыгающие бордовые буквы «ЛЕЛИГ» и перевёрнутый твёрдый знак перед первой Л. Я предложила нам называться как «Гилель» наоборот, развивая мысль о том, что новое еврейское искусство должно радикально порвать со старыми устоями. При этом, продолжил идею Яков, мы не должны до конца забывать об опыте предтеч. Классику, в особенности Шолом-Алейхема и Башевиса-Зингера, добавил он, следует чтить и обращаться к народным и религиозным мотивам при создании текстов.

К полуночи, когда пирожные с кремом и вафли — недельный запас Якова — были съедены, Нюся поднял голову от телефона:

— Всё!

— Придумал? — наперебой загалдели мы, обступая Нахмана.

— Слушайте!

«Золотое слово ЛЕЛИГа.

Мы, молодые еврейские литераторы, умеем:

- а) стихи писать;
- б) прозу сочинять;
- в) пуримшпили⁷ играть;
- г) плясать и петь;
- д) на идиш и иврите говорить;
- е) целоваться;
- ё) критиковать так, чтобы живого места не осталось;
- ж) с независимыми журналистами договариваться;
- з) мычать и кричать;
- и) под луной гулять;
- й) гадать;
- к) до смерти работать, до полусмерти пить;
- л) молиться;
- м) кнейдлах⁸, гефилте фиш⁹ и чолнт¹⁰ готовить;
- н) мацу¹¹, халы¹² и оменташн¹³ печь;
- о) за веру и память предков стоять до гроба;
- п) плакать о нашей горькой судьбе;
- р) цитаты на стенах писать;
- с) злить всех вокруг и злиться сами;
- т) улыбаться и плевать в морду обстоятельствам;
- у) сочетать несочетаемое — оксюморонничать
- ф) нестандартно мыслить, стоя на руках;
- х) в барабаны бить, свистеть, в тарелки стучать;
- ц) чай пить, чашки бить, тараканов травить;
- ч) поговорками говорить;
- ш) любить друг друга и планету;
- щ) жалеть все народы земли;
- ъ) на гитаре играть;
- ы) Тору читать;

⁷ *Пуримшпиль* — костюмированное представление о событиях праздника Пурим, посвященного спасению евреев от истребления персами.

⁸ *Кнейдлах* — шарики из мацы, которые добавляют в суп.

⁹ *Гефилте фиш* — фаршированная рыба.

¹⁰ *Чолнт* — субботнее горячее блюдо из мяса, овощей, крупы и фасоли.

¹¹ *Маца* — пресная еврейская лепешка.

¹² *Хала* — плетёный хлеб, который едят в субботу.

¹³ *Оменташн* — «уши Амана» — треугольное печенье с начинкой из мака или варенья, которое едят на Пурим.

б) тфилин¹⁴ надевать, чтобы не свалился;
 э) беззаконие презирать;
 ю) за свободу горой стоять;
 я) всё на свете вверх ногами переворачивать, чтобы правильно вышло.
 Нема! Амен, то есть. Да будет благословен народ Израиля во веки веков!
 Нюся Жёлтенький, 27 ноября 2023 года».

— Чепуха! — скептически отрезал Яков. — Ни черта нового выдумать не можешь. Стажил манифест хеленуктов, слова поменял и доволен.

— А в чем наша концепция? Старое преобразуем, соединяем с ещё более старым, пропускаем через призму абсурдизма и готово дело, разве не так? — оправдывался Нюся.

— Наша кровь еврейская, но наше дело интернациональное, — вмешалась я. — Без шовинизма, пожалуйста. Все, кто пишет о евреях — наши братья. Не важно, полукровки они, галахические или просто заинтересованные. Чем мы лучше остальных народов? Давай я напишу по-своему.

Пока Нюся дулся на кухне, попивая чай с мёдом, мы с ребятами печатали новый вариант манифеста, преобразовывая сочинения Нахмана и добавляя свои идеи, отталкивая друг друга и возясь у ноутбука. К двум часам ночи вышло так:

«Первое и последнее Слово Союза молодых еврейских литераторов „ЛЕЛИГ“.

Волей судьбы пришедшие в мир, мы, дети разных племён, объединённые мечтой о золотом веке новой еврейской литературы, провозгласили:

אָיִן: Бороться за равенство еврейского искусства со всеми прочими

צוּרִי: Поддерживать принципы свободы слова и мысли, ценить человеческую личность превыше всего и соблюдать демократический закон

דָּרִי: Продолжать традиции прославленных мастеров, писавших о еврейском народе и на связанные с ним темы, кроме того, привносить новые веяния в каноны и не бояться экспериментов с формой и словом

פִּיר: Хранить память о трагедиях этого народа, преклоняться перед памятью жертв и давать отпор любым проявлениям расовой ненависти и вражды к другим национальным или религиозным группам, продвигать идеи гуманизма и пацифизма

פִּינֵפּ: Быть преданными своему делу, не отказываться от литературного творчества ни при каких обстоятельствах

דַּעֲקָס: Крепить дружбу и развивать отношения с представителями других литературных групп этнических меньшинств

זִיבֵן: Развивать языки, на которых создавались и создаются произведения еврейской тематики, в том числе идиш, иврит, джувври, ладино и прочие

¹⁴ Тфилин — 2 чёрные коробочки, содержащие ремешки с текстом из Торы, которые повязываются на лоб и руку.

כח: Вести активную медийную деятельность и привлекать внимание к проблемам литературного мира

יין: Быть открытыми для новых участников и контактировать с представителями других литературных групп и течений

יז: Оказывать благотворное влияние на развитие литературного процесса в современном мире.

Евгения Либерман и Яков Гандельсман, 28.11.2023».

— И самое главное: каково будет наше отношение к власти? — спросил Яков.

— Мы вне политики! — решительно заявила Оля.

— Настороженное, — перебила я. — Неясно, кого они в нас распознают. Лёня, ваши убеждения?

— Консерватор.

— Нюся?

— Бундист, идишист, — коротко ответил Нахман.

— Яков?

— Либерал.

— Оля?

— Я не знаю...

— Феруза?

— Мне всё равно.

— Эвелина?

— Аполитична.

— Что мы имеем? Четверо с устойчивой политической позицией, трое неопределившихся. Мое мнение такое: «ЛЕЛИГи» до времени молчат, но право голоса отстаивают, если пора придёт. Мы хоть и пощёчина общественному вкусу, творческая оппозиция, а законы соблюдаем, поэтому никаких провокаций и митингов. Говорить только по делу, когда справедливость потребует.

* * *

Ряды «ЛЕЛИГов» пополнялись новыми людьми, мы мягчали и превратились в «Лёликов». К нам приходили из «Гилеля» и «Граната», прочих молодёжных еврейских клубов, нам писали молодые раввины и старшекурсники иешивы¹⁵. За первые три месяца число подписчиков нашей группы «ВКонтакте» выросло до пятисот пятидесяти. По своему составу это был разнородный кружок по интересам: здесь нашлись поклонники и постмодернизма, и неореализма, и неоромантизма, и метамодерна; сюда заглядывали и поэты-концептуалисты, и консервативные приверженцы силлабо-тоники. Распространять созданное мы решили не только в интернете, но и старыми

пропагандистскими способами — клеить листы с напечатанными стихами и прозой в туалетах, подкидывать в портфели и сумки, лепить поверх объявлений на доски в коридорах и аудиториях нашего вуза и других, оставлять наклейки с QR-кодами, содержащими ссылки на наши соцсети.

Никакого единообразия в рядах «Лёликов» не было. Каждый творил как умел и что хотел. Рождались на свет и халтурные, и откровенно антисемитские тексты. Одни авторы исчезали, другие появлялись, мало кто надолго оставался с нами. Постоянная текучка происходила из-за того, что мы появлялись в разных местах и редко возвращались туда снова, успевали собрать последователей и опять растерять их. На пятый месяц существования «Лёликов» Яков сказал:

— Из-за этого бардака нас в литературном мире никогда не воспримут всерьёз. Люди есть, манифест есть, теперь нужно произведение. Всё по законам «Убей своих любимых». Мы должны написать такие тексты, чтобы все наши принципы нашли в них отражение.

Сразу встал вопрос: о чём писать?

— О Холокосте! — требовал Яков.

— О современности! — убеждала Оля.

— О вере! — настаивала я.

— О нашей идентичности! — вопил Нахман.

Кончилось это тем, что я бросила на пол два листа ватмана, склеила их и разделила на четыре сектора, каждый из которых озаглавила: «Холокост», «Современность», «Иудаизм», «Национальная идентичность».

— Делайте что хотите, хоть «Капитал» на джуури переводите, — легла на живот и приклеила распечатанный любимый рассказ.

За две недели набралось немало материала. Возникла ещё одна проблема: что отбирать? Прозу или стихи?

— Прозу, вы сами мой рассказ оценили, — говорила я.

— Даёшь верлибры! — высказывал Яков. — Попробуй-ка набери денег на тираж, если каждый, как ты, рассусоливать станет на двадцать листов.

Кто будет писать, наконец?

Нюся Нахман оказался ярым поборником чистоты крови. Он так орал, убеждая нас в том, что ашкеназам, как самой многочисленной субэтнической группе, должна отводиться ведущая роль в сборнике, а полукровкам и гоям, пишущим на еврейские темы, не место рядом с ними, что пришлось покориться. Первый сборник верлибров — тоненькая книжечка в сорок пять страниц — назывался лаконично: «Гандельсман, Либерман и Нахман».

Гои и полукровки страшно обиделись. Под руководством Оли Дёминой семь основных авторов нееврейского происхождения отсоединились от нас, собрав собственный кружок под названием «Ди найе йидише литератур¹⁶», и обсуждали на своих заседаниях, как вернуть себе законное место в «ЛЕЛИГе». Они требовали исключить Нахмана, передать Оле номинальный пост председателя союза, хоть у нас и не было этого поста как такового, отказаться от некоторых правил и писать не только о евреях, но и о других национальных меньшинствах. Некоторые из оппозиционеров награждали нас самыми отвратительными прозвищами: «узурпаторы», «подлецы», «не-легитимные».

Иную форму противостояния мы встретили со стороны соплеменников из других субэтнических групп. За последние месяцы у нас обосновались несколько бухарских, грузинских и горских евреев, которые пришли в ярость после выхода книги без их стихов. В отношении нас началась настоящая травля: разгневанные евреи преследовали нас в коридорах института, на улицах, у подъездов криками «Нет ашкеназскому засилью!» и «Репрезентация важна!». Дверь Якова облили мочой, мою порезали, в наш адрес сыпались угрозы. Тогда я взяла на себя задачу воссоединить распавшихся «Лёликов».

62

Несколько дней подряд я металась из края в край, от Ховрино до Алма-Атинской, собирая жалобы, примиряя, выслушивая оскорбления и обвинения в антисемитизме. За это время «Лёлики» обзавелись тремя вещами: структурой, номенклатурой и собственным лексиконом. Во-первых, у нас появился главный редактор — им назначили Якова — и его помощники: я, Оля и Лёня. Во-вторых, мы распределили роли заведующих отделами: над горскими евреями был поставлен Рафаэль Нагумов, над бухарскими — Феруза, над грузинскими — Этери Капанадзе, над ашкеназами — я, над русскими и другими неевреями — Оля. Мы были корректорами, редактировали, вычищали, как губкой, чужие работы, предупреждали шовинизм. Нюся договаривался с независимыми издательствами о выпуске наших книг и отвечал за рекламу. В-третьих, мы выработали особый способ говорить: многие слова произносили задом наперёд. К примеру, «мехйела молаш» вместо «шалом алейхем», «тнзег айз» вместо «зай гезунт¹⁷». Идиш подарил нам море жаргонизмов. Большинство слов, которые мы употребляли, происходило из этого языка.

Нововведения восприняли с большой охотой, особенно после того, как мы в качестве извинения издали сборник работ наших оскорблённых товарищей «Смеем ли молить?».

¹⁶ *Ди найе йидише литератур (идиш)* – новая еврейская литература.

¹⁷ *Зай гезунт (идиш)* – до свидания.

После того, как покой был восстановлен, жизнь потекла своим чередом. Скандал не выплеснулся дальше нашего небольшого круга, повода для обсуждения в СМИ и литературных кулуарах мы не дали.

Мы приняли на себя тела и мир наших предков. По пятницам ходили в синагоги на Каббалат Шаббат¹⁸, на Большой Бронной Лёня вполголоса разъяснял несведущим смысл песнопений и молитв. Так продолжалось недолго: непримиримый Нахман захотел, чтобы мы проводили собственные литургии, поскольку состав «Лёликов» оказался пёстрым и разные евреи молились в разных залах, а то и на противоположных концах Москвы. Раввин у нас был, дело оставалось за малым — найти кантора¹⁹.

Смеха ради девочки предложили назначить Нюсю. Он, гордый новой ролью, как петух, терпеливо репетировал. В первый же пятничный вечер нас ждал цирк: с первыми звуками «Вешамру бней Исраэль»²⁰ в исполнении Нюси людей одолевал неостановимый хохот: горе-кантор пыжился, пытался звучать торжественно, подражая крепкому тенору Ази Шварца, но ничего не мог сделать со своим писклявым недозрелым голосом.

Как оказалось, никто из парней в самопровозглашенной общине толком не умел петь. Меня, как бывшую выпускницу музыкальной школы по классам вокала и фортепиано, попросили поработать за бутылку вина за вечер вместо Нюси, с которого с позором содрали дешёвый талит²¹ прадеда Якова. Голос у меня эстрадный, громкий; он, казалось мне, не имел ничего общего со святостью субботы — в юности я была страшно самокритична. Дело пошло на лад: я успевала дирижировать нашим нестройным хором, обучила их некоторым нехитрым упражнениям для постановки голоса, указывала на ошибки тем, кто не имел слуха. Два шаббата мы встретили под моим руководством без проблем. Назначение пришлось мне по вкусу: от сладких венгерских вин, считала я, связки мягчают, а звук исходит из сердца. На третий раз соседи, — должно быть, ортодоксальные евреи, обозлённые моим женским своеволием, — вызвали полицию. Мы отделались только штрафом за нарушение тишины, перессорились, вдоволь обменялись нелестными эпитетами и в следующую пятницу дружно пели в Московской Хоральной синагоге. Девочки-«лёлики» занимали весь первый ряд на галерее и, окружённые толпой матерей с дочерьми и жён, выглядели примерными и праведными иудейками.

Стоило покинуть порог синагоги, как от нашего благочестия не оставалось и следа. С визгом и хохотом мы мчались на съёмную квартиру Якова, где напяливали

¹⁸ *Каббалат Шаббат* – пятничная литургия встречи субботы.

¹⁹ *Кантор* – певчий в синагоге.

²⁰ «*Вешамру бней Исраэль*» – песнопение во время Каббалат Шаббат.

²¹ *Талит* — молитвенное облачение в иудаизме, представляющее собой особым образом изготовленное прямоугольное покрывало.

примятые цилиндры, шутовские колпаки из театрального реквизита вуза, хасидские шляпы и картузы, мазались мелками, тенями, гуашью рисовали на щеках звёзды Давида, полосы, выворачивали наизнанку платья, пиджаки, наматывали палантины и парео и горластой ватагой вываливались в темень. Ночи мы проводили то в барах, где напивались до одури, до положения риз, а после вскакивали на столы и вопили стихи, цитировали взахлёб Маяковского, Граде, Давида Гофштейна, подтягивали Есенина и Владимира Эрля, то на мостах и под мостами, где раскидывали победно пледы, догонялись, катались по асфальту и в шутку и всерьёз дрались, где Яков неизменно потом выкрикивал: «Рвите! Рвите, милые, ради новой жизни! Гоните старое с нашего парохода!». По сигналу мы раздирали наши балахоны и с возгласами «За жизнь!» пускались в пляс и голосили знаменитую песню из фильма «Скрипач на крыше». Мы катили на электросамокатах в сторону Марьиной рощи, когда дикая заря только обжёвывала край неба, прятались в кустах и в минуты, когда благочестивые отцы еврейских семейств надевали тфилин и спешили предаться утренней молитве, мы выскакивали на улицы, били в барабаны, дудели в свистелки, вертели трещотки, выкрикивали бессвязную нелепицу вроде «Гуги-шуги, гуши-шуши, мимби-пимби расчуфяш! Гупи-жупи, чупи-хмюпи, гули-гули-гар-гар-гар!», а порой и попросту скандировали: «Проснись, проснись, иудей, пришла пора!». Раз старуха — впоследствии я узнала, что это была мать Мордехая — окатила нас ледяной водой из таза и пригрозила позвонить куда следует. Мы едва успели удрать от разъяренных хасидов²² дворами.

64

Сон охватывал нас, лишь только мы пересекали порог квартиры Якова. Кто на стульях, кто под столом и в ванной, кто на диване втроём или вчетвером — мы валились с ног и мгновенно засыпали. Лёня, каюсь, писал отцу, что не сможет пойти утром в синагогу. Так проходила суббота раз за разом.

* * *

— Я на встречу с друзьями, уложи детей, — такой наказ я дала Мордехая вечером.

— Учти, искать по забегаловкам не буду. Придётся на рогах — выставлю из квартиры, ночуй где знаешь.

— Нет в тебе оригинальности. Не вечно же мне кутить и гулять. Люди там будут серьёзные, писатели.

— Покройся! — крикнул муж, но я уже сбежала по лестнице, смеясь и подпрыгивая.

А к чему смех? Зачем прыжки? Есть ли причины радоваться? Двенадцать лет прошло, а юношеские ссоры надолго запоминаются. Нередко думаю, что меня окружают люди с исключительной памятью на скандалы, споры, уродливые выходки —

²² *Хасиды* – представители иудейского религиозного течения хасидизм, в котором особое значение придается эмоциональному постижению Бога.

пленники воспоминаний. За годы не отучилась всех по себе равнять, всех под одну гребёнку. Кто и позабыл, а я вот помню.

* * *

Приближался День памяти жертв политических репрессий. Однажды в двадцатых числах октября Яков пришёл на пары, не скрывая хитрой физиономии. Он сохранял молчание полдня, в ответ на расспросы улыбался, загадочно хихикал и потирал руки. На обеде мы сбежались со всех корпусов в столовую второго, чтобы наконец получить ответ. Собрав нас за столом в конце прохода, Яков заговорщически зашептал:

— Ну, ребята, такого мы ещё не проворачивали. Давайте через неделю, в ночь на четверг, у Соловецкого камня полежим?

— На кой? — отмахнулась Эвелина. — На следующей неделе дождь обещали, вымокнем, замёрзнем, извозимся в грязи.

— Совсем, что ли, сбрендил? — Феруза покрутила пальцем у виска. — На асфальте валяться? Что ещё за приколы?

— Да вы не понимаете, это ж санкционированная акция, всё согласовано!

— Акция? — насторожилась Оля. — Протеста?

— Не протеста, а памяти. У меня и у Нюси дальние родственники репрессированы были. В память о них и ляжем. Возьмём белые лёгкие одежды, напишем на них углём фамилии безвинно казнённых — хоть своих предков, хоть членов Еврейского Антифашистского Комитета — и ляжем. Можно плакаты как у отказников взять, жёлтые звёзды нарисовать.

— Да ты с ума сошёл! — Феруза замахала руками в испуге. — С кем согласовано? Кто вообще такое позволяет? Хочешь, чтобы нас в обезьянник упекли?

— Как знаешь, — Яков поправил картуз, высокомерно заложил руки за спину и вышел вон.

Чем рискует студент, участвуя в несанкционированных митингах и пикетах? Как минимум, местом в вузе. Максимум — свободой. Но недаром говорят, что пьяному море по колено. А уж тем более студентам-писателям, диссидентам по природе.

Встретившись ближе к полуночи, мы согрелись вином — холод заползал в душу мгновенно, смеясь над хлопчатобумажными рубашками, летними брюками и платьями. Затем разбрелись по площади и перекрикивались, декламируя «Мы живём, под собою не чуя страны», «Сохрани мою речь навсегда» и «За гремучую доблесть грядущих веков», скакали по ступенькам амфитеатра, играли в догонялки с полицией — накануне богатой на провокации и свободолюбие даты возле мемориала всегда с ночи дежурил автозак. Нам, ненасытным, жадным до развлечений, разгорячённым, погоня казалась забавной детской шуткой, буффонадой, и в серьёзности и трагичности мира мы видели проступающий наружу фарс. Уходили в неизвестные проулки, из света мелькали в темноту и выныривали обратно, плевались, свистели, показывали языки

и кулаки, разлетелись по дворам и не увидели, как автозак увёз Олю Дёмину, которая споткнулась на ступеньках и не успела увернуться от цепких пальцев полицейского. Лишь издали я заметила силуэт «заблудившегося трамвая» — призрака и дьявола холодной октябрьской ночи. Радость! Нас никто не станет караулить!

— Сохрани... сохрани мою речь навсегда... — позвала я в никуда.

— За привкус несчастья и дыма, — мрачно откликнулся Яков из-за угла. — Видела, Олю заграбастали?

— Вот те раз. А Нахман где?

Нюся влетел с ногами в мусорный бак и торчал там, неуместный, как тряпичный уродец. С хохотом его вытянули оттуда Эвелина и Феруза.

— П...понимаете, я, значит, завернул, а тут... ф...фараонская рожа прямо на меня, зол эр брент²³! — трясась от возбуждения и нервного напряжения, рассказывал Нюся, задыхаясь. — Я от неожиданности и прыгнул. А так нет, ничего! Чего тут бояться? — смешно бодрился он.

По дороге к мемориалу допили вино, посмеялись над Лёней, который перетрусил участвовать в нашей затее и в последний момент сбежал, проверили на одежде имена. Легли. По задумке, мы должны были изображать на асфальте звезду Давида, но поскольку теперь нас было пятеро, от идеи отказались и опустили в ряд, белея, как мертвецы, готовые к погребению в братской могиле. Час. Два.

К середине ночи ударил мороз. Иней мелко выступал на ресницах Якова и тут же таял; Эвелина и Феруза всё плотнее кутались в пиджаки, закрывая имена Давида Гофштейна и Соломона Михоэлса, написанные на их платьях, меня била дрожь: против холода мы были беззащитны.

— Люди, — хрипло шепнул Нахман, — у вас есть чего выпить?

— Поздно опомнился, — стуча зубами, ответил Яков.

— Я замёрз. Я умираю!

— Что толку от нашего лежания? — поддакнула Эвелина. — Спали бы сейчас в тёплых кроватях, утром на пары пошли бы.

— Вставайте, — отрубил я. — Напротестовались. Кончайте лавочку.

— Лежи, дура, — проскрипел Яков. — Тебе это в развлечение, у тебя прадеда не расстреливали, — он показательно расстегнул пиджак, обнажив широкую чёрную надпись «Авраам Гандельсман, 1876-1937».

— Придурок, — я нарочито громко зевнула. — Кто куда, а я спать, — перевернулась на бок и задремала. Слева тыкалась в плечо рука Ферузы, справа примостился трясущийся Нюся. Мне было так наплевать.

А утром мы проснулись в отделении.

* * *

Нюся явился в университет в тёплом свитере, хотя стояла ясная и непривычно тёплая для ноября погода, в шарфе, обмотанном вокруг шеи — вылитый вольный художник. Видно было, что он чем-то страшно взволнован. Между второй и третьей парой, найдя в коридоре нас с Яковом, ни говоря ни слова треснул Якова по лицу.

— Доигрался, революционер! — Нюсе, должно быть, чудился злобный окрик, а не извергавшееся из большого горла шипение. — Олю на пятнадцать суток арестовали, говорят, фараону в глаз дала, того и гляди из вуза попрут, Эвелина голос потеряла, Феруза в лихорадке третий день, а у меня менингит может развиваться. Я хронически больной, лёгкие нездоровые, а вы меня на асфальт в тоненькой рубашке и пиджачке! Я слабый! А вам всё хихоньки, лишь бы повыделываться, какие большие вы оригиналы. Отчислят всех, тогда узнаете. Писали бы лучше, кретины, чем над людьми издеваться. Плевал я на ваш «ЛЕЛИГ» и плевать буду!

— Уходи, — отстранённо проговорил Яков, когда Нюся пересёк коридор. — Убирайся вон! Скотина, предатель, иуда!

Нюся вернулся.

— Что ты сказал?

— Иуда ты, Нахман.

Яков стёр с глаз плевки, косясь на Нюсю у лифта. Медленно развернулся и сорвал с доски моё недавнее стихотворение.

— Провалитесь вы все с вашим союзом!

На звонки и стук в дверь Яков не отвечал долго. В соцсетях он заблокировал всех, с кем свёл его «ЛЕЛИГ». В университете, зайдя в столовую или на лестнице, поднимался и уходил или круто менял маршрут. Он надеялся переболеть предательство Нюси и кризис опротивевших идей, в которые он верил сильнее, чем в Бога. Новых стихов и рассказов никто не выпускал. Издательство разорвало с нами контракт. Некоторые из тех, кто не стал свидетелем нашего безобразия у Соловецкого камня, ещё пытались нести нам тексты, но не было редакторов, которые могли бы обработать их произведения, не было Нюси, который обеспечил бы печать. От объёмной вывески, которую мы приделали к двери Якова, отвалилась сначала буква Г, затем первая Л — Лёня в те дни порвал с нами и объявил, что будет готовиться к поступлению на теологическую аспирантуру. Последней отлетела Е: я дольше всех старалась сохранить контакты с каждым из членов союза. Любовь к литературе ветшала и покрывалась пылью.

В апреле, не окончив четвёртый курс, Яков внезапно сорвался в Израиль. Зайдя спустя год на его страницу с аккаунта мамы, я увидела фотографию в форме ЦАХАЛа — репатриант нашёл своё место. Вскоре я вышла замуж.

* * *

Взгляд, невнятное касание рук — неузнанные, мы бродили по бару, пересаживались, жалели, что выбрали эти места. Мелькали в окнах малознакомые лица товарищей прошлых лет: вот платок Ферузы, вот рыжая коса Эвелины, вот очертания Олиного носа — хотелось бы мне, чтобы он был еврейским, а не армянским. Вошли и сели не то тени, не то люди, усталые, повзрослевшие. Первым заговорил Яков:

— Мы с Женей собрали вас здесь...

— С Эстер.

— Эстер? Так и ты не осталась верной?

— А чему здесь быть верным? — вмешался невысокий худощавый еврей. — Мы изнасиловали современный литературный процесс.

— Нюся?

— Кому и Наум Ааронович.

— Так вот, собрались мы здесь на похороны. Кадиш читать не будем — кощунство. Погребать в землю не станем, не человека хороним. Сжечь бы, да не по иудейской традиции. «Лёликов» погребаем.

— Отрекаешься? — женщины подсели ближе. Принесли вина. Мне хотелось пить. Этот вечер явно был болен.

— Давно пора бы. Кто из вас писатель?

Руки подняли мы трое — Яков, я и Нюся.

— Я так и знал. Гандельсман, Либерман и Нахман. Всё как и начиналось. А для чего, собственно, начиналось? Что нового мы подарили миру? Что? — Яков вопрошающе обвёл взглядом нас, столы и потолок. — Этот чудовищный компот, эту гремучую смесь из всех возможных сочетаемых и несочетаемых направлений, веяний и приёмов вы называете новой еврейской литературой? Мы искалечили классику, пытаюсь в форме свободного стиха переводить прозу Башевиса-Зингера обратно на идиш, пародировали то Хармса, — помнишь, Оля, «Блуждающих старух»? — то Хлебникова. «Сола, Сола! Ты ли в водах плавных прячешь трупы детей Израиля?», да, Эстер? Писали ли мы хоть что-то осмысленное, поистине своё? Не пытались ли подделаться под тех, кому до нас, ничтожных, не могло быть никакого дела? Мы не титаны, не корифеи искусства, а жалкие подражатели.

Наум Ааронович — язык не поворачивался назвать его Нюсей — кивал каждому слову Якова.

— Яков Львович прав. Если бы мы ещё учились и совершенствовались, о «Лёликах» можно было говорить как о не столь посредственном явлении. Чем мы занимались? Переняли у футуристов эпатаж и стиль, поведение, устраивали есенинские кутежи и скандалы, а суть не уловили. Я не призываю вас рядиться в чужие шкуры.

Если человек называет себя писателем и надеется выжить на одних заурядных способностях, выращенных в окружении бабушек и родителей, не развивается, не меняется, плюёт на все приличия, то это, простите, графоман и бездарь. Сколько можно было мусолить одни и те же темы? Ни одного живого текста к концу эры «Лёликов»: сплошной автоматизм, на стишки, написанные на парах, тратится типографское время, бумага, картриджи, деньги. Один надрывается и рыдает о своих погибших или репрессированных предках, другая пережёвывает концлагеря, третий проклинает депортацию народов, но как это пошло и безвкусно! Перечитывали ли вы то, что когда-то насочиняли?

Оля и Феруза сдавленно хихикнули.

— То-то же, — подхватил Яков Львович — как быстро здесь все предали свои имена. — Писательство — это надолго. Графомания и кружки по интересам — на время. Кто из вас кем работает? Наум Ааронович?

- Литературный критик.
- Эстер Александровна?
- Редактор в издательстве.
- Феруза Рахминовна?
- Официантка.
- Ольга Григорьевна?
- Учитель истории.
- Эвелина Брониславовна?
- Дизайнер интерьеров.

— Что мы имеем? Четыре отрёкшихся, три писателя. Там сидит человек, пьёт свой некошерный шираз, думает, что нас не существует. Это доктор Пепперштейн, теолог.

— Лёня! — почти в полный голос воскликнула я.

— Тише. Не хочется, чтобы он возвращался. Никто никогда не вернёт две тысячи двадцать третий год.

— Так мы здесь собрались...

— Чтобы развенчать мифы о собственной уникальности, — договорил Яков Львович. — Ничего нового в литературе в наше время изобрести невозможно. Кто мы? Мечтатели и лентяи, вообразившие себя писателями, транжиры и прожигатели юности. Толком не учились, сочиняли не обдумывая.

Женщины разошлись. Наум Ааронович торопливо допил и исчез мрачный, сосредоточенный. Мы с Яковом Львовичем остались друг напротив друга. «В тебе растёт еврейский писатель», — хотелось услышать мне.

— Одни мы здесь о чём-то помним. Выпьем? — робко предложила я.

— Пожалуй, — безразлично отозвался Яков Львович и пододвинул бокал ближе.

— За жизнь?

— За жизнь? «Лёлики» мертвы. Оставим их в двадцатых годах, как оставили футуристов, абсурдистов, хеленуктов в каждом из своих времён. О чём пишешь?

— О нашем народе.

— Эстер, Эстер... одна ты осталась такая. Я давно уже на детские книги перешёл. О зверятах, об игрушках. Гонорары приличные. Иврит ради этого выучил. А кому сейчас нужен мамелошн²³? Еврейские фантазии... Нахман в фэнтези подался. Похоронили «Лёликов», можно и по домам. Прощай.

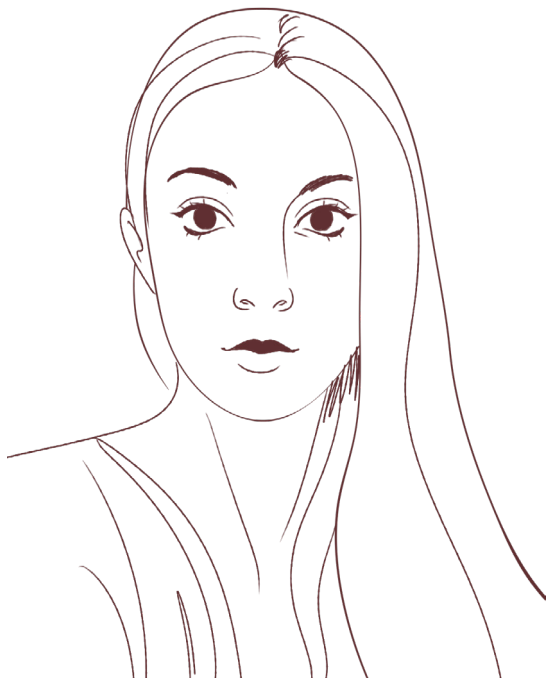
— Где же ещё тебя искать, как не здесь! — хлопая себя по бёдрам, как мать, воскликнул Мордехай. Я была тиха и задумчива.

— Как ты думаешь, что у меня общего с Остапом Бендером и Христом?

— Эстер, ты когда-нибудь допьёшься.

— Я вовсе не пьяна. Послушай меня! Мне тридцать три года. Что я успела? Уникального течения в литературе не создала, последователей растеряла, мёртвых «лёликов» не воскресила. Я была готова любить весь мир — даже близкие друзья не приняли мои порывы. Нового мессии из меня не вышло, придётся переквалифицироваться в еврейские мамы. И я, и Бендер — мы не антихристы, а просто авантюристы-неудачники. Быть может, таким видели и Иисуса? Но Иисус велик. А значит, наша пора ещё просто не пришла. Вдруг Бендер нашёл свой путь и перестал метаться? Кто знает, где стережёт меня счастье. Поедем, уложим детей вместе.

²³ Мамелошн (идиш) — родной язык.

Ольга Дякина

Писательница и художница. Родилась в городе Конаково (Тверская область), с 2017 года живёт в Санкт-Петербурге. Выпускница Института журналистики и литературного творчества (Москва). Публиковалась в альманахе «Этажерка», сборнике «Один счастливый день» от проекта «Чтения со смыслом», в программе «Пролит-культ» на «Литературном радио»; онлайн-журналах «Иначе», «Пашня» и т. д.

71

ДУШЕНЬКА

Когда-то давно в детстве прабабушка говорила мне, что бабочки — души умерших. Вчера к нам прилетела Тата. С каштановыми крыльями в сине-фиолетовую крапинку. Смотрю — она порх-порх-порхает по занавеске.

— Тата, Тата, Тата... Здравствуй! Коляя, смотри, тут тётя Тата.

Коля вынырнул из телефона и подошёл к окну, перед которым застыла я. На занавеске сидела бабочка. Я рассказала Коле поверье о душе, и мне показалось, что он, семилетний мальчик, понял всё гораздо лучше нас, взрослых.

С Татой мы дружили со школы: можно сказать, всю жизнь. Сколько помню её, она всегда что-то мастерила. То юбку себе сошьёт из остатков ткани, то пирог с яблоками испечёт и угостит соседей. О десертах Таты среди знакомых и вовсе ходили легенды. Вафельные рожки с начинкой, как в тортe птичье молоко, в её исполнении покорили нашего сына. Коля у нас поздний ребёнок. Мы уже и не надеялись с Сашкой, но чудо свершилось. Тата радовалась и постоянно твердила: «Вот видишь, а я что говорила. Главное верить».

— Папа, тут тётя Тата!

Коля сорвался на крик и всхлипнул. Ладошкой утёр сопли и прижался ко мне. Я погладила сына по русым волосам. Сашка выглянул из смежной с залом комнаты и посмотрел на нас с Колей уставшими от компьютера глазами. Он не спал толком вторую ночь из-за работы и выглядел совсем морёным: карие глаза обрамили синюшные круги, на подбородке проступила щетина. Да и утро выдалось трудным: мы навещали Тату на сороковой день.

Бабочка поползла вверх. И вместе с ней вдруг расплзлась пустота, которая стремительно поглощала всё вокруг: нас, маленьких и беззащитных перед лицом едкого горя, нашу двухкомнатную квартирку, облезлые дома напротив, двор с детской площадкой и стариками на лавочках, садик и школу через дорогу позади нашей хрущёвки цвета сушёного яблока. Ощущение пустоты стало невыносимым. Сообразив, что делать, я отдёрнула занавеску и помогла бабочке упорхнуть. Со странным чувством облегчения мы пошли пить чай с мятой.

Тата работала в парикмахерской. Стригла и красила волосы. Сложно даже вообразить, сколько голов она видела в своей жизни! С высокими и низкими лбами, маленькие, большие, со скрипящими от свежести волосами и с грязными пряжками; вытянутые, плешивые, с перхотью и даже немножко квадратные. А сколько волос Тата смела за двадцать лет работы! Думаю, из тех волос можно свалить великана. Тата порхала вокруг своих клиентов, а они говорили, говорили, говорили:

- Мой вчера напился.
- Мама умерла...
- Ребёнок заболел.
- Развелась!
- Наша соседка пьёт.
- С деньгами напряг.
- Не знаю, что делать?
- Полюбила его дурака, сил нет.

Они говорили, а Тата порх-порх-порхала вокруг них...

Женщина с ноготок. Дюймовочка. Так её частенько называли знакомые. Жила-была Тата в доме на окраине села, где кипела, копошилась жизнь, расцветала астрами на клумбах у закрытого Дома культуры и свисала огурцами с веток в парниках. Пять минут до работы — и Тата на месте. Фены гудят, ножницы режут.

— Ну, как там у тебя с Юркой?

Напарница Таты, Лидочка, всегда любопытничала. Носила мини-юбку и рыжую копну волос.

— Да то так, то сяк.

При встречах Тата признавалась мне: «Не люблю я, Соф, болтовню Лидочкину. Для меня работа, как речка наша летом. Погружаешься в неё и плывёшь. Плывёшь, понимаешь?» Я одобрительно кивала.

Тату знали и в селе, и в городе. А хоронить пришли немногие: дочь, бывший муж, любовник Юрка, парочка родственников и друзей. И мы с Колей и Сашкой.

Помню, как на похоронах подбежала суетливая соседка Таты, что была в отъезде и начала громко шептать, ворошить вопросами нависшее над нами горе:

— А что случилось, что случи...

В ответ раздалась голоса:

— Так сердечный приступ, жара то какая была. Она же сердечница.

— Ооооооой, горе какое горе, горе какое горе... Такая молодая, ещё жить да жить. Сорок пять лет. Гоооре, гоооооре...

Рабочее место в парикмахерской пустовало недельку. А потом прилетела новенькая девчушка с весёлым лицом и веснушками. Стала стричь, красить и сметать волосы. Вместе Таты теперь Лана. Все сельские ходят к ней и частенько напевают себе под нос та та та та та

ХУДОЖНИЦА

73

Тётя Марина долгое время была для нас загадкой. Под кроватью она хранила таинственную коробку из-под обуви. Эта коробка не давала покоя ни мне, ни моим братьям. Когда мы спрашивали тётю, что там, она произносила изыщное, непонятное для нас слово: карикатуры. Оно вылетало из её тонкого рта вороньим «кар», делало «ик» посередке, запиналось на «ат» и выплёвывало «уры» в окончании. Правда, при нас снимать крышку с коробки тётя Марина не спешила. Но мы уже знали, что она — художница. Мы видели через узенькую полоску между дверью и дверным косяком, как она старательно водит карандашом по бумаге. Нам воображалось, что она рисует замки, цветы и неизвестные страны. Когда же она наконец открыла свою сокровищницу, со всех листов на нас уставились смеющиеся рожи. Конечно же, мы разочаровались, но виду не подали. Только Илюша сморщил курносый нос, за что потом получил от меня нагоняй.

Длинные зелёные волосы, ниспадавшие с плеч, яркие платья в пол — тётя Марина походила на русалку. Старушки во дворе часто смотрели на неё с неодобрением и шептались: «Сатана в Марине!» Мы били стёкла этим ворчуньям.

Своими шалостями мы мучили не только старушек, но и саму тётю Марину. Как-то раз мы нашли на улице дохлого мышонка. Не помню уже, кому принадлежала

идея, но мышь перекочевала с тропинки у дома в сокровищницу тёти Марины. Пока Сашка отвлекал её разговорами на кухне, театрально жалуясь на родимое пятно под глазом, я и Илюша пробрались на цыпочках в комнату тёти Марины. Как только мы осуществили план и вернулись, Сашка, хитро сощурившись, попросил тётю Марину ещё раз показать нам свои рисунки. Она улыбнулась и пошла за коробкой. Мы переглядывались и ждали.

Конечно же, тётя Марина сразу поняла, кто это сделал. При этом она не закричала, как мы рассчитывали. Я лишь заметил, как дрогнула её нижняя губа. Тётя Марина взглянула на нас с грустью и скрылась за дверью. А нам стало стыдно. Так стыдно, как никогда потом не было. Я не знаю, почему, но мы с Сашкой во всём обвинили Илюшу. Наверное, из-за того, что он младшенький.

Тётя Марина после случившегося вела себя, как ни в чём не бывало. На следующий день даже спросила меня: «Вова, как думаешь, откуда взялся мышонок в коробке?» И посмотрела так удивлённо, будто бы и правда не знала. От её пронзительного взгляда стало ещё хуже. Мы решили искупить свою вину.

Каждый из нас достал из карманов зимних курток и других тайников всё, что у него накопилось из монет. Сашке особую радость доставили пятаки, провалившиеся через дырку в курточный низ. Найденные сбережения мы собрали в одну кучу и пошли в магазин. После долгих споров остановились на красном мармеладе ручной работы, который тётя Марина обожала. Перевязали сюрприз лентой, такой же зелёной, как её волосы, и положили на её кровать. Но на этом, как обычно, не угомонились. Нас заинтересовал большой шкаф, куда складывали одежду. И тут меня осенило...

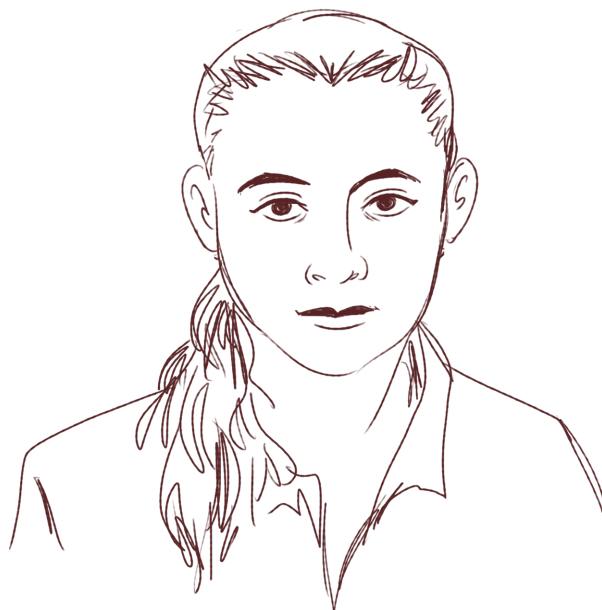
Илюша в шкаф не поместился. Мы вытолкали его из комнаты и сказали, что он должен создавать «эффект присутствия нас в доме». В шкафу мы с Сашкой, два долговяза, сидели в тесноте и пихали друг друга локтями. Из узкой щели выглядывали только наши любопытные глаза. Время застыло: тётя Марина никак не появлялась в комнате! Сашку даже сморила дремота, и он начал тихонечко посапывать.

Наконец тётя Марина вошла. Мне показалось, что на щеках её блеснули слёзы. «Это из-за нас она плачет...» — подумал я. Сашка шевельнулся, и шкаф скрипнул. Тётя Марина оглянулась. Я стиснул зубы: «Только бы не заметила нас!» — пульсировало в моей голове. Тётя Марина замерла на секунду и исчезла из поля зрения. Я выдохнул с облегчением. Хлопнула форточка, и я снова увидел тётю Марину.

И тут произошло то, от чего я чуть не закричал. Тётя Марина снимает с головы зелёные волосы, и вместо них я вижу стрижку под ёжика! Я прикрыл рот ладошкой. Она спокойно положила парик на тумбу и забралась на кровать вместе с коробкой. Тётя Марина раскладывала перед собой рисунки и радостно лопала мармелад. Сашка спал. А я никак не мог оторвать глаз от «новой» тёти Марины.

Юлия Афонина

Филолог, литературный блогер, магистрант филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

ДУШИ

На страницу бота телеграм-канала NN зашел аккаунт, аккаунт того типа, через которые сидят анонимы: средней руки мошенники, террористы и агенты, непризнанные и признанные государством за оных, потребители эротических яств разных жанров, коими в свое время неосмотрительно именовали исповеди вдовцов, — словом, все те, кто имел основание или имел причины думать, что имеет основание оберегать себя от разного рода утечек.

В аккаунте сидел господин, ни внешности, ни имени которого отследить было нельзя, так что он мог быть и красавцем, и дурной наружности, мог быть и толстым, и тонким, впрочем, он мог быть и ей, чем помешал бы в выборе корректного местоимения, но предусмотрительно указал ник Chick off. Ник означал «цыпленок, цыц», так что в национальной принадлежности владельца сомневаться не приходилось. Аккаунт был зарегистрирован на случайный номер, который г-н Чиков, будем называть его так, тайно от владельца перевыпустил и присвоил себе, чтобы и дальше что-то присваивать себе, но и утаивать себя.

Когда аккаунт подписался на страницу, господин был встречен ботом, или чат-ботом, как их называют в мессенджерах. Покамест чатбот подавал разные обычные в таких каналах блюда, как-то: сначала подпишитесь сюда, теперь выберите категорию товара, это все игра, и все совпадения с реальностью случайность; покамест ему все это подавалось, г-н Чиков выбирал, какие аккаунты хочет купить. Разные типы душ в зависимости от личных качеств — подходящие для букмекерских контор, подходящие

для создания кошелька и отмыва денег — стоили по-разному. Г-н Чиков выбрал самые обычные и приобрел 12 штук, со звоном кивнув (не от слова кивок, а от слова киви-кошелек) чатботу на кошелек 120 рублей.

За цену шаурмы, не той, которую повар с хрустом разрезает пополам, чтобы уложить на тарелку, являя румяное мясо в ласковых объятьях овощей, а той, что подается в бумажном пакете, который к концу короткого и страстного свидания с такой шаурмой пропитывается соусом и с трудом, как дамба, сдерживает потоки, так и стремящиеся выйти из русла руки. За цену именно такой шаурмы г-н Чиков приобрел файл с душами, то есть аккаунтами двенадцати людей на портале Госуслуги. В файле были паспортные данные, вплоть до серии и номера, СНИЛС, ИНН и, главное, логин и пароль от аккаунта на портале. Авторизуясь по очереди под каждым из имен, г-н Чиков отсеял семь неподходящих душ, часть из коих имели двухфакторную аутентификацию, часть не имели нужных данных, а часть и вовсе были для его деликатного дела слишком живыми. То есть активными на портале. Оставшиеся пять аккаунтов, страниц, строк в файле Чиков сохранил у себя в папочке, куда имел обыкновение складывать все, что ни попадалось.

76

Всякий ушлый пройдоха точно знает, что будет делать, когда получит в пользование чужую интернет-душу. Автор же не ожидает увидеть в рядах своих читателей пройдох подобного рода, посему считает необходимым пояснить, какие именно перед негодяем открываются возможности и тюремные камеры после суда о мошенничестве. Пройдоха этот, как автор полагает, первым делом получит займ на чужое имя. Иной мошенник увидит, что у купленной души числится дитё, и получит за него выплату, ни с каким дитём так и не поделившись. Или же, если вдруг он решит пожить не гривенниками, а сребрениками, то отправит души свободно волеизъявляться единственно правильным способом, выбирая нового префекта между Понтием и Пилатом, помогая победить правильному.

Господин Чиков все же не был мошенником посредственным, как и не был из породы тех, коих нынче зовут суперзлодеями, и его покупка не произвела совершенно никакого шума и не была сопровождена ничем особенным; только модератор телеграм-канала, просматривавший совершенные продажи, сделал кое-какие замечания, относившиеся, впрочем, более к покупке, чем к совершившему ее. «Вишь ты, идут двенадцать человек — подумал он. — Сотнями надо покупать». Этим мысль и кончилась. Но г-н Чиков не имел уже шагающих двенадцать душ, а имел пять, спокойно лежащих в папочке, в которой сопели не только они.

Автор уверен, что есть читатели такие любопытные, которые пожелают даже узнать план и внутреннее расположение папки. Пожалуй, почему же не удовлетворить! Вот оно, внутреннее расположение: папка с фотографиями паспортов, за нею шесть-семь файлов с логинами и паролями от ВКонтакте; потом папка с фотографиями и видеозаписями известного рода, которые используют для шантажа известного рода; и среди множества папочек и подпапочек лежит одна, дополнительно запароленная, содержащая скриншоты транзакций и чеки, которые расположены в хронологическом порядке и имеют в названии даты; чеки, которые складывались на память об успешно проведенных делах. Пароль от папки всегда так поспешно вводился хозяином, что наверно нельзя было сказать даже, как много знаков в этом пароле и насколько сложный этот пароль.

Весь следующий час был посвящен визитам; Чиков отправился делать визиты всем, кто располагал сведениями о пребывающих в его пользовании людях. То были работники сотовых операторов, служащие банков да титулярные советники, имеющие доступ к записям об имуществе, штрафах и ином совершенно секретном, хранящемся в государственных базах данных, откуда утечки невозможны, но продажи — вполне. Связался с ними Чиков через посредников в даркнете и телеграме и заказал все, чего еще не имел: номера телефонов, номера карт, соцсети, данные об имуществе, штрафах, и даже самое неважное, вроде утюга, который человек продавал в прошлом году на Авито, — все, что только было возможно пробить, г-н Чиков пробивал и записывал в свои файлы.

К концу дня все заказы уже были сделаны, и у исполнителей не возникало вопросов к заказчику — они и не возникали никогда. Цели тех, кто покупал информацию, были обычно ясны, и купленные души становились звеном пищевой цепи, тем низшим звеном, которым лакомится и охотник, и падальщик, и насекомое. Все должно было пойти таким же обычным чередом, покамест г-н Чиков не начал странное предприятие, о котором читатель скоро узнает и которое привело бы в совершенное недоумение всех коллег Чикова, если бы те вдруг об этом прознали.

Виктор Васильевич Михайлов

(1901–1990 гг.)

Доктор технических наук, действительный член Академии архитектуры и строительства СССР, член Американской академии железобетона, заслуженный деятель науки и техники РСФСР

78

ЖИЗНЬ В БОРЬБЕ

(повесть)¹

Глава 5. Первые горести. Смерть Джулии

Флора и Гретхен уехали. Их отъезд я переживал очень остро. Незаметно подошло время и нашего возвращения в Вену.

Последний месяц я много времени проводил с Джулией. Она была на 3 года старше меня, и в раннем детстве такая разница делает совершенно несовместимыми интересы и мировоззрение детей. Она уже 2 года училась в колледже, и ей под стать была бы Вера, ее ровесница.

Однако Джулия охотнее оставалась и беседовала со мной. Пожалуй, охотнее всех слушала она мои рассказы по вечерам.

— Витюша, — говорила она, — ты так здорово и образно рассказываешь разные истории, что невольно становишься как бы их участником. Как это у тебя получается: ты как-нибудь готовишься к рассказу?

¹ Главы 1–4 см.: «Нате» №3 2023 *Жизнь в борьбе* • Литературный журнал HATE (nate-lit.ru)
Вступительная статья М.В. Михайловой: *Яркая жизнь* • Литературный журнал HATE (nate-lit.ru)

— Нет, Джулия, — отвечал я, — просто у меня хорошая память. Когда я читаю книгу или рассказ, детали врезаются в мою память навсегда. Они становятся частью меня самого, отпечатком образов и событий. Мне не нужно как-нибудь напрягаться, вспоминать или выдумывать. Прочитанное я излагаю, как будто видел сам.

— Да, но ведь ты рассказываешь, — говорила Джулия, — прямо как взрослый, как поэт. Мне очень нравятся твои рассказы.

Во время купаний Джулия все время держалась вблизи меня, как бы покровительствуя мне: ведь она была старше меня. Когда Джулия пела, она пела для меня и улыбалась мне.

Вполне естественно, что я очень привязался к Джулии и, наверное, любил ее своей детской любовью даже больше Люли.

До нашего отъезда из Левико оставалось три дня. Мама паковала вещи, билеты уже были куплены. Венская хозяйка была извещена о дне нашего приезда просьбой подготовить соответственно квартиру.

Накануне отъезда произошло трагическое событие, оставившее во мне неизгладимый след на всю жизнь. Сейчас, почти 80 лет спустя, когда я пишу эти строки, я весь содрогаюсь от боли, которую перенес так давно.

Приехал господин Бенуцио, и утром мы пошли на озеро купаться в последний раз. Погода была прекрасная, вода теплая, гладкая и изумрудно чистая. Я говорил с Джулией, обещал, что буду писать ей письма.

— Джулия, — спрашивал я, — будешь ли ты отвечать мне? Не забудешь сразу, как расстанемся? Я скоро вырасту, стану взрослым, приеду и женюсь на тебе. Ты станешь знаменитой певицей, и я буду поклоняться тебе.

— Глупенький ты мой, — отвечала она смеясь, — ведь к этому времени и я вырасту и всегда на 3 года останусь старше тебя. Никогда ни догнать, ни перегнать меня тебе не удастся. Но мы всегда будем с тобой друзьями, и я буду охотно отвечать тебе. Пиши мне как можно чаще, твои письма будут мне приятны. И вообще не забывай, что у тебя в Вероне есть друг. И если ты попадешь в Верону, первым делом приходи ко мне.

В этот момент господин Бенуцио подозвал Джулию к себе и предложил поплавать с ним. Он был хорошим пловцом, и вместе с Джулией они всегда плавали далеко. Меня с собой они не брали, хотя я плавал не хуже их. Я сидел рядом с Люлей и смотрел в их сторону, поодаль сидела мама с Верой. Вера читала книгу.

Вдруг раздался крик о помощи. Вначале я не разобрался, откуда крик. Вскочил на ноги... и сразу понял, что это крик Джулии. Она плыла немного впереди отца, но теперь ее не было видно на воде.

Всё происходило как во сне. Голова Бенуцио исчезла под водой, он нырял... На какой-то момент из-под воды, еще далеко от него, высунулась рука Джулии и исчезла. Бенуцио плыл, нырял и вновь всплывал. Мгновения летели с бешеной скоростью. Мы были в каком-то оцепенении. Мама звала на помощь. Уже из дома бежали люди. По-видимому, Бенуцио удалось найти и схватить дочь сначала за руку, затем за волосы, и он поплыл к берегу. Слуги мчались к нему навстречу на лодках. Подъехали, подхватили девочку и втащили ее в лодку. Бенуцио кричал, чтобы скорее нашли доктора. Сам при этом со слугами делал искусственное дыхание. Пристали к берегу, прибежал доктор с какой-то подушкой. Дальше мы ничего не видели: Джулию унесли в купальню. Меня сотрясали рыдания, слезы потоком текли из глаз. Я только все повторял:

— Спасите ее, ради Бога! Люля, мама, Вера, что же вы ничего не делаете? Стоите как вкопанные, идите, помогите! Я не хочу, чтобы Джулия умерла! Это просто невозможно. Это ужасно.

Мама взяла меня за руку и насильно повела домой. Я упирался, рыдал и все повторял:

— Джулия, Джулия! Не покидай меня, не покидай, не покидай... — и плакал, плакал.

80 Скоро стало известно, что спасти Джулию не удалось. Она захлебнулась сразу, как начала тонуть. Говорили, что она зацепилась за что-то железное, когда заплывала далеко вглубь озера, и сильно поранила ногу. Стараясь освободиться от железа, она захлебнулась и умерла задолго до того, как ее втащили в лодку. Отец и мать ее были в невменяемом состоянии — ведь Джулия была их единственным ребенком.

Никого из них мы больше не видели. Они увезли тело дочери в Верону. Утром дача их стояла заколоченной. Только сторож мог бы рассказать, что происходило в доме вечером. Но он молчал, ссылаясь на то, что ему велено было ничего не говорить.

Я сидел и плакал, и никаким образом не могли меня успокоить. Перед глазами стояла картина, как я беседую с Джулией, веселой, здоровой и смеющейся, за 10–15 минут до ее смерти. До этого никто из близких у нас не умирал, только бабушка, но мне тогда не было еще двух лет, и я толком ничего не понимал. Утрата Джулии поразила меня как громом. Много раз после этого я вспоминал, как на моих глазах погибал человек и его не могли спасти. А сам я был маленьким и беспомощным ребенком. И ничего, ничего не мог сделать.

Приехав в Вену, мы рассказали Флоре и Гретхен о страшном несчастье, постигшем семью Бенуцио. Они не хотели верить нашему рассказу — настолько невероятным казалось им это событие. Гретхен плакала...

Только спустя какое-то время все постепенно улеглось. Ко всему люди привыкают и с любым горем примиряются. Так произошло и с этим ужасным событием: оно стало прошлым.

Глава 6. Зима в Вене

Замечательное место для нас было Левико, и мы совершенно справедливо полагали, что если поедем за границу и в следующем году, то местом нашего отдыха будет Левико и жить мы будем на той же даче. Мама даже договорилась за несколько дней до выезда с хозяйкой дачи о намерении повторить аренду на следующий год. Однако смерть Джулии, которую мы все так полюбили, в корне изменила наше отношение к Левико, к даче, особенно к озеру. Оно стало нам отвратительно и страшно. То, что произошло с Джулией, могло случиться с каждым из нас. Нет! Никогда больше не поедем мы в Левико, Левико для нас закрыто.

— Я сейчас же напишу хозяйке дачи, — сказала мама, — что по непредвиденным обстоятельствам мы не приедем на следующий год и что она может сдавать дачу свободно, кому хочет. Сейчас же все внимание должно быть сосредоточено на Верочке. Через неделю она начнет заниматься в колледже. Ей надо сшить форму, установленную для монастыря. Ты, Витюша, занимайся своими делами и не мешай нам.

Какими делами должен был заниматься я в Вене, она так и не сказала. Да и я не стал спрашивать. Может быть, она подразумевала занятия немецким языком с мадам Флорой? А может, имела в виду совершенствование моих знаний по русскому языку, арифметике и истории, необходимых мне для поступления в гимназию? Я терялся в догадках и решил считать своими делами пребывание у Гретхен, которая после левиковского происшествия стала мне еще более дорогой и близкой. О Джулии, как будто по уговору, мы никогда не говорили, как если бы дали зарок не делать этого. Хотелось поскорее забыть о страшном происшествии, случившемся с ней.

Дома, в Кутаиси, мама учила меня немного играть на рояле; вернее, она поставила мне руку так, чтобы я мог и при низком положении руки, без напряжения перебирать пальцами клавиши, извлекая ровный, нежный звук. Все говорили, что у меня хорошая рука, влиянием ее веса без напряжения создается приятный и певучий звук. Я пока еще мало в этом разбирался, познав музыку много позже, когда учился у профессора Айсберга² в Тифлисе. Сейчас же гаммам и арпеджио я отдавал немного времени, а большей частью разбирал и играл немецкие романсы, разные легкие песенки и тому подобную ерунду. Гретхен играла, несомненно, лучше меня, ведь я был только начинающим. Мы исполняли романсы и песенки в четыре руки и, надо сознаться, нередко сильно фальшивили. Поскольку я играл хуже Гретхен, мне доставался басовый ключ, который я не особенно любил.

² *Айсберг (Айзберг) Илья Семенович (1868–1942)* — российский пианист, композитор, педагог и музыкальный деятель. Учился у Н.А. Римского-Корсакова. В 1907–1917 — старший преподаватель музыкального училища Российского музыкального общества, затем профессор Тбилисской консерватории. Был директором Бакинской консерватории в 1924–1930. (Примеч. М.В. Михайловой).

Вера уже поступила в колледж св. Елизаветы и жила там. По воскресеньям за ней ходила Люля и приводила домой. Вера была стройная девочка, на ее шее висел крестик в золотой оправе, важная деталь этого монастыря. Меня прямо зависть взяла: такое красивое украшение! Я сказал маме:

— Нельзя ли мне тоже носить подобное украшение, например, зуб акулы или какой-либо другой амулет? Герои приключенческих историй всегда чем-то украшали шею или грудь, этим всегда отличались пираты. Может быть, ты купишь что-либо подобное?

— Ты еще очень мал, — ответила мама, — но, если мне что-либо попадет, обязательно куплю.

И сразу перевела разговор на другую тему:

— Я слышала, что вы с Гретхен музицируете, а это очень хорошо. Главное, не напрягай руку, когда играешь, иначе испортишь постановку. Теперь, когда я освободилась от забот о Вере и она хорошо пристроена, мы с тобой начнем заниматься музыкой. Правда, пианино, что стоит у нас, гораздо хуже, чем рояль мадам Флоры. У нее Бехштейн³ — такой же стоит у нас в Кутаиси. Однако, если его хорошо настроить, заниматься можно и на таком пианино. Может быть, мне пригласить хорошего учителя музыки? Он будет лучше, чем я?

— Нет, нет, мамочка, — воскликнул я, — учи меня ты!

Я страшно перепугался, что учитель заставит меня играть целый день, и у меня не останется времени для чтения с Гретхен и прогулок с Люлей по городу. Занятий и так много: немецкий с мадам Флорой, русский с мамой, теперь ещё и музыка... Для такого маленького мальчика (мне скоро должно было исполниться шесть лет) дел было более чем достаточно.

* * *

Большим событием в нашей жизни было Рождество. Верочка вернулась домой на зимние каникулы. Хозяйка купила нам такую большую елку, что ветви пришлось отрезать и снизу, и сверху: дерево не входило в комнату. Когда мы жили дома в Кутаиси, елку украшали взрослые: дедушка, мама, папа, Вера, Люля и прислуга. В Вене мама впервые разрешила украсить елку и мне. Трудно передать, как я этому обрадовался!

— Не пригласить ли к украшению елки мадам Флору и Гретхен? — предложил я. — Будет больше рабочих рук!

³ *Бехштейн* — знаменитая фирма, выпускавшая пианино и рояли, была основана Карлом Бехштейном в 1853 г. Марка «Бехштейн» очень быстро приобрела известность благодаря необычной для того времени прочности используемых материалов и высокой устойчивости инструментов к механическим нагрузкам.

Но мама отклонила предложение, считая, что это неудобно:

— А вот на елку пригласим их обязательно!

Мама заказала специальной фирме тьму-тьмушую украшений и розеток для свечей: их привезли накануне Рождества. Елочных игрушек было так много, что уместить их всех даже на таком большом дереве было просто невозможно. Лишние коробки с украшениями мама подарила хозяйке, чему та была несказанно рада. Вообще было видно, что нами, постояльцами квартиры, хозяйка очень довольна, а маму уважает.

Елка получилась на славу! В декабре в Вене темнеет очень рано, поэтому елку зажгли, как только за окном сгустились сумерки. И началось веселье! Вдруг на лестнице (а дом был спланирован так, что две лестницы соединялись общим широким внутренним коридором на четыре квартиры) раздался шум и гам:

— Дед Мороз пришел! — закричали дети. — Подарки привез! И Крампус⁴ с ним, одетый чертиком. Берегись Крампуса! У него длинный хлыст: он будет наказывать непослушных детей! Берегись Крампуса!

Раздался звонок, и в квартиру вошел Дед Мороз. Не загримированный член семьи, как это всегда принято у нас, а самый настоящий Дед Мороз!

— Здравствуйте, дети! — сказал Дед Мороз мне, Гретхен и Верочке. — Как вы вели себя, слушались ли взрослых? — обратился он ко мне.

С дрожью в голосе я пробурчал себе под нос что-то вроде: «Я был послушный!».

Мне было и страшно, и интересно. Я боялся Крампуса, о котором слышал много ужасов. Дед Мороз вынул из объемистого мешка большие пакеты и начал читать привязанные к ним таблички.

— Это Вите, — прочел Дед Мороз и протянул пакет мне. — Это Вере, — протянул пакет сестре. — Это Люле, — и вручил большой сверток Люле. — Это госпоже Марии, — и дал маме небольшую коробочку. — Это Гретхен, — и вручил девочке большой сверток. — А это мадам Флоре, — и тоже дал ей маленькую коробочку.

Не успел Дед Мороз окончить раздачу подарков, как в коридоре поднялся гвалт, а в дверь сильно застучали:

— Откройте сейчас же!

Сердце у меня замерло, а потом быстро-быстро застучало.

— Откройте же дверь! Откройте!

Люля подошла к двери и открыла ее. На пороге стоял Крампус!

⁴ Крампус — легендарная фигура в фольклоре альпийского региона, «рождественский чёрт», спутник и одновременно антипод Николая Чудотворца.

— Мы здесь хорошие и прилежные, — неожиданно для себя вдруг громко закричал я, — спросите Деда Мороза!

Дед Мороз утвердительно качнул головой и сказал:

— Витя сказал правду. Здесь и дети, и взрослые — молодцы. Возьми от них го-
стинец!

Люля подбежала к столу и протянула Крампусу тарелочку с пакетиком, обвязан-
ным ленточкой. Крампус взял пакетик, повернулся к нам и крикнул:

— Это хорошо, что вы хорошие дети! Ведите себя как следует, а не то... — и он
громко щелкнул своим хлыстом по полу. — Прощайте! — и выскочил в коридор.

Деду Морозу мы тоже вручили пакетик съедобного. Он распрощался с нами и
ушел. Я стал проситься в коридор. Люля взяла меня за руку и вывела наружу. Там стоял
невыразимый шум. Крампус гонялся за ребятами постарше нас вверх и вниз по обеим
лестницам. Хлыстик Крампуса задевал того или другого мальчика, и дети спасались в
своих квартирах.

Боясь, что и нам ненароком может достаться от Крампуса, мы с Люлей спешно
эвакуировались в квартиру, где занялись закусками и танцами вокруг елки.

— Мамочка, — спросил я, — откуда взялся Дед Мороз, ведь это не переодетый
знакомый или друг? Откуда он узнал наши имена? И как он сам от себя вручил нам по-
дарки по назначению? Я внимательно всматривался в лицо Деда Мороза, но не узнал
его. Это настоящий Дед Мороз? Правда?

— Конечно, настоящий, — ответила мама.

Однако через несколько дней ей надоели мои приставания, она сдалась и рас-
сказала, что Дед Мороз и Крампус были присланы по ее заказу специальной фирмой,
что мешок с подарками, купленными ею самой, стоял в передней, накрытый скатер-
тью, что конверт с деньгами — чаевые — Деду Морозу незаметно подсунула Люля, а
подарок Деду Морозу вручила она сама, что мы все видели.

Разоблачение меня успокоило, однако я немного огорчился, что все это всего
лишь инсценировка.

Назавтра мы были приглашены на елку к мадам Флоре. У Гретхен мы отпраздно-
вали Рождество без Деда Мороза и Крампуса, но так же весело.

В пакете, что мне вручил Дед Мороз, был хороший шерстяной матросский ко-
стюмчик и цепь на шею с изумительным серебряным свистком. Я свистел так часто,
что вскоре мне это запретили. Разрешали свистеть только во время прогулок — и то
в дозволенных местах

* * *

В одно из воскресений мы поехали в Пратер, чтобы посмотреть его зимой. В саду дети катались на коньках по залитым льдом аллеям. Я испытал большое огорчение, оттого что не умею кататься на коньках. В Кутаиси городских катков не было. А из-за короткой зимы и мы никогда не заливали площадку перед беседкой в саду, потому я никогда и не вставал на коньки. Это был большой пробел в моем воспитании. Мы смотрели, как весело катались дети на площадках и аллеях Пратера, где танцевали взрослые танцевальные пары. «Надо обязательно научиться кататься и бегать на коньках!» — решил я. Завершили мы визит в Пратер прогулкой возле закрытых аттракционов.

Ходили на вечер, устроенный монастырским колледжем, где Вера выступала с классическим монологом. Выступила весьма успешно: все аплодировали. Наверное, способность хорошо говорить и рассказывать с большим пафосом — это у нас в семье наследственное.

* * *

Я забыл упомянуть, что, вернувшись из Левико, я написал подробное письмо отцу (раньше я с ним не переписывался), где рассказал о трагической судьбе Джулии. Он, правда, ее не знал: мы с Джулией познакомились после его отъезда — но мой рассказ его очень тронул. По-видимому, он понял, что Джулия была для меня чем-то большим, чем сестра или подруга.

Отец ответил не очень скоро, но в письме постарался меня успокоить. Много было в его письме о нашем саду. Он заверял, что сад в полном порядке. Что за садом, кроме него, смотрит дедушка. Что при такой двойной заботе мой любимый сад в полной безопасности. Осенью урожай фруктов был очень большой. Весь сбор был справедливо роздан квартирантам дома и служащим аптеки. Дедушка при этом говорил, что это всем подарок от его внука. «Представляешь, — писал папа, — как все были рады и с каким добром тебя вспоминали!».

С этого момента у меня с отцом завязалась регулярная переписка. Мне всегда было, о чем написать. Мама писала отцу реже. Незаметно кончилась зима, приближалось лето, и надо было думать о летнем отдыхе. О Левико не было и речи. По совету друзей дедушки на этот раз мы остановили свой выбор на курортном местечке Веве⁵ близ Лозанны. Однако, прежде чем сделать окончательный выбор, было решено сначала попутешествовать: осмотреть Венецию, затем Женеву и только после этого снять там квартиру.

⁵ Веве — город на западе Швейцарии, во франкоязычном кантоне Во. Один из основных центров Швейцарской Ривьеры, расположен на берегу Женевского озера, между Лозанной и Монтрё.

* * *

В Вену приехал папа, и все вместе мы — папа, мама, Люля, Вера и я — отправились в Венецию, этот замечательный город на воде, где вместо улиц повсюду каналы и передвигаться можно только в гондолах (в большинстве случаев, особенно вечером, еще и под аккомпанемент гитары). В Венеции необычно было все: и Палаццо Дожей — дворец правителей города и округи, и площадь голубей, где их великое множество, и застекленный мостик-галерея над узким каналом, с которого рубили головы врагов династии, и остров Лидо с его дворцами и роскошными пляжами: там вокруг уже не каналы с их не очень чистой водой, а открытое море, пенистый прибой и манящая голубая даль. Голуби на Палаццо Дожей такие ручные, что можно их свободно кормить и гладить по спинке: они не улетают.

В Венеции мы пробыли 5 дней, а затем перебазировались в Лозанну на Женевское озеро. Озеро красивое, чистое — но не чета левиковскому. Местечко Веве — небольшой городок, утопающий в зелени садов. Однако стиль городка сохраняется во всем. Купаться здесь запрещено; берега как такового нет; все прибрано, очищено, выметено. На каждом шагу маленькие рынки, где есть все, что нужно, и хозяйке незачем идти в магазин. На дощечках я увидел какие-то маленькие лапки:

— Что это? — спросил я.

— Это лягушачьи ножки, совсем свежие, первосортные!

Но мне сразу захотелось убежать от такого яства!

— Мама, — спросил я, — неужели швейцарцы едят эту дрянь?

— Не только едят, но и очень любят, — сказала мама.

— Пойдем отсюда, — прошептал я, — меня просто тошнит.

И озеро, и Веве, и окружающие люди вдруг перестали меня интересовать. Отдыхать здесь? О нет, ни за что!

Я заметил, что и маме курорт не понравился. Придя в гостиницу, мы застали папу за чтением письма. Он был серьезным и задумчивым. Когда я хотел рассказать, что здесь едят лягушек и надо быть очень осторожным в ресторане, он перебил меня и сказал маме:

— Надо, дорогая, возвращаться в Вену, а там, возможно, начать сборы для возвращения на родину.

— А как же лето? Мы так мечтали провести лето с тобой! В чем дело, что случилось? Зачем такая спешка?

— Об этом я расскажу позже. Сейчас выйду купить газеты. Садись и корми детей.

С этой минуты разговоры шли только о скором возвращении домой. Я этому был несказанно рад. Ко мне возвращается наш сад! Опять буду владеть своими садовыми

богатствами. Люле, по-видимому, тоже надоело жить на чужбине. Она считала, что немцы очень сухие люди.

— Нет, я не говорю обо всех немцах, — воскликнула она. — О мадам Флоре и Гретхен ничего плохого не скажешь: они люди душевные и очень приятные. Но другие...

Одна Вера была недовольна возвращением на родину:

— Что же, бросить колледж и опять возвращаться в Заведение св. Нины? Ведь здесь учат совсем по-другому; я, наверное, очень отстала от своих девочек на родине!

На следующий день мы были уже в Вене. Гретхен приняла новость о нашем скором отъезде с большой болью в сердце. Она очень привыкла и привязалась ко мне, считала меня как бы старшим братом, товарищем, другом. И вдруг разлука! И может быть, вернее всего, навсегда. Она даже расплакалась от огорчения, весь вечер сидела около меня и все спрашивала:

— Что же, вот так просто и уедешь? Только сидели вместе за роялем — и уже разошлись в разные стороны! Это несправедливо!

У меня самого глаза были на мокром месте. Вечером, лежа на кровати, я даже тихонько, чтоб не слышали, всплакнул. А на утро приставал к маме:

— Нельзя ли взять Гретхен с собой? Она пожила бы у нас, сколько захочет, я бы показал ей наш сад. Она, наверное, такого сада не видела. Мамочка, возьмем Гретхен с собой! Ну, дорогая, милая мамочка! Возьмем Гретхен с собой!

— Дорогой Витюша, — ответила мама, — это не так просто сделать. Во-первых, мадам Флора может не согласиться, во-вторых, кто отвезет ее обратно? Наконец, времена теперь стали беспокойные. Если бы мадам Флора и Гретхен могли поехать вдвоем, это было бы другое дело. Но ведь мадам Флора работает в школе — вопрос так просто не решится!

Вечером мама и мадам Флора посоветовались и решили, что сейчас их поездка совершенно невозможна. Мама хотела сказать, что деньги, по существу, мадам Флоре и Гретхен нужны только на дорогу, а жизнь у нас в гостях ничего им не будет стоить. Но потом передумала: она хорошо знала, что мадам Флора не согласится.

Итак, прощай, Вена! Осенью я поступлю в гимназию в младший подготовительный класс. Еще вопрос, примут ли меня в этом году? Ведь мне всего шесть лет, а принимают туда семилетних детей. Может быть, мне поможет авторитет дедушки, который построил в гимназии современный спортивный зал.

Глава 7. Снова дома

На вокзале в Риони⁶ нас встречал дедушка, повар и садовник. Они перевели нас на тупиковую ветку Риони-Кутаиси. Извозчики подвезли нас к дому (он совсем не изменился), и я сразу побежал в сад: хотелось убедиться, что всё в порядке, что всё на своих местах.

Мушмулиновые деревья у беседки, пожалуй, еще более повзрослели: их листва совсем закрыла стволы и ветки. За время нашего отсутствия неугомонный дедушка начал и теперь уже заканчивал строительство нового дома прямо против сада у въездных ворот. Мы приехали в воскресенье, когда строительные работы не велись. В саду я проходил до тех пор, пока за мной не прислали Люлю.

— Мама сердится, — сказала она, — с дороги надо выкупаться, переодеться и вообще привести себя в порядок, выпить чай — и на боковую, спать! Иди скорее домой!

Я выполнил все требуемые от меня задачи и как убитый упал на кровать. Утром встал раньше всех, оделся во все новое и на цыпочках направился в сад. По дороге с четвертого этажа строящегося дома меня окликнул дедушка. По стремянке я быстро поднялся к нему. Он стоял вместе с инженером, автором проекта дома, и о чем-то с ним спорил:

— Вы говорите, что для каменщиков со следующей недели не будет работы по крайней мере на месяц. Это плохо. Если мы их отпустим, найти в нужный срок новых будет очень трудно. Нет, нельзя их отпускать! Надо вести строительство так, чтоб работа была всегда. Подумайте об этом.

— Витя, — обратился дедушка ко мне, — пойдём в сад. Расскажешь мне, что делал за границей.

Он взял меня за руку, и мы пошли прямо к Риону. Я заметил, что в реке Рион стало меньше воды. Взрослые накануне сказали, что дождей было очень мало, а весенний разлив был необыкновенно спокойным. Дедушка заметил:

— Никогда я не видел, чтобы река так далеко отходила от маленькой стенки нашего участка. В половодье эта стена затоплялась, и бурные воды Риона подмывали наш участок, унося части земли. А теперь посмотри: вода отошла метров на 15, а то и больше. Остались лишь песок, галька и крупные валуны.

— Дедушка, так чего ты медлишь и не сделаешь настоящую подпорную стену, ограждение нашей земли от Риона? — воскликнул я. — Метров эдак на шесть вглубь реки. Этим ты убьешь сразу двух зайцев: прирежешь хороший участок к нашему саду и найдешь работу для каменщиков, о которых говорил инженеру. Посмотри: многие

⁶ Риони — железнодорожная станция вблизи Кутаиси.

наши соседи уже сделали такие надежные стенки, и разлив Риона им нипочем. В Левико я видел, как возводились устои автодорожных мостов. На место привозился только цемент, а песок, гравий, булыжник добывали прямо на берегу, из запасов реки. Так должен поступить и ты. А через 2-3 месяца, когда начнется паводок, ты гордо будешь смотреть на воду, омывающую стену! Важно только не медлить ни одного дня!

Дедушка внимательно посмотрел на меня, погладил по голове и сказал:

— Ну и молодец же ты у меня, Витя! Золотая головушка! Быть тебе великим строителем!

Почему он назвал меня золотой головушкой, я тогда не понял. Волосы мои были светло-русые и уж никак не рыжие. Мне совершенно не хотелось быть рыжим, вроде нашего дворника, которого так и прозвали — Рыжик. Дедушка вскочил со скамейки, на которой мы сидели, и побежал домой, чтобы застать инженера на месте.

Вечером дедушка прямо захлебывался от возбуждения, рассказывая о моем предложении.

— Только подумайте, такой малыш, от горшка два вершка, а рассудил, как самый опытный строитель! Отвоеванный у реки участок мы назовем «Территория Виктора». Пусть внук сам решит, какие деревья там посадить и какую беседку там построить. А в день 29-го мая ежегодно мы будем устраивать иллюминацию и праздник с фонарями в честь новоиспеченного строителя!

— Дедушка, ты ведь знаешь, — воскликнул я, — что я буду звездолетателем и построю такой звездолет, на котором за несколько часов можно долететь до Марса, Юпитера, Сатурна и далее, а за несколько месяцев — до созвездия Андромеды. Ты прав, я буду строителем, но летающих кораблей. Мне очень часто снятся такие сны.

— Будем считать, что ты станешь и строителем, и механиком. Ты на это способен, золотая твоя головушка.

— Никакая она не золотая! — не выдержал и воскликнул я. — Это у дворника золотая — рыжая головушка.

Все засмеялись, а я не понял, почему, но решил попросить дедушку никогда не называть мою голову золотой.

Всё произошло как по волшебству! Оказывается, у инженера сохранился старый проект стенки. Буквально спустя 2-3 дня чертеж был готов: стенка на нем красовалась вровень с другими на этом же берегу, на проекте стояло разрешение губернатора, рабочие делали разбивку, завозились грохоты для просева песка и гальки...

Меня дедушка назначил сверхглавным прорабом стройки. К уже имеющимся восьми каменщикам пришлось пригласить бригаду из 10 человек. Нам сопутствовало везение: стенка росла на удивление быстро. Рион тем временем отошел еще дальше. Дождей все не было. Через полтора месяца фундамент уже на метр возвышался над

берегом реки. Нужно было поднять стенку еще на три метра — так считали дедушка и инженер. А я полагал, что достаточно и двух метров.

— Дедушка, откуда ты возьмешь землю, чтобы засыпать яму, которая образовалась после постройки стенки? Земли надо много: от Заводской улицы до Водовозной!

— Об этом не беспокойся! Землю мне охотно привезут. Вот увидишь!

Возведение стенки окончили в сентябре, за две недели до первого паводка. Действительно, землю всё везли и везли откуда-то. Откуда, дедушка так и не сказал. Но я сам всё разведаль: везли с бульвара, где возводили плавательный бассейн города. Оказывается, за эту очень хорошую землю дедушка даже не платил.

Окончание строительства мы отпраздновали грандиозным ужином, на котором дедушка заявил, что привезенная земля-набережная поступает в мое распоряжение. Я должен в недельный срок высказать свои пожелания.

— Надо, чтобы наша набережная, — сказал дедушка, — стала лучшим уголком нашего сада!

Пожеланий у меня было много. Часть их мы воплотили в жизнь: со стороны Заводской улицы построили хорошую беседку, набережную засадили акациями, которые очень быстро растут, почти как тополь...

Когда начался паводок (а он был столь же мощный, сколь сильным было мелководье) было страшно смотреть на несущуюся, бурлящую, пенящуюся воду. Так и казалось, что мощный поток снесет созданную набережную, как спичечную коробку! Но ничего не случилось: стенка выдержала сильный напор воды и этим подтвердила свою прочность.

Глава 8. В гостях у тети Елены на Зеленом мысе

Зима в этом году была суровая. Несколько дней даже лежал снег, и мы вволю наигрались в снежки. Вера вновь училась в Заведении св. Нины. Полуторагодичный перерыв не сказался на ее учебе, тем более, за границей она преуспела в языках и теперь в знании французского и немецкого была самая передовая. Также делала значительные успехи и в музыке.

Весной, перед наступлением лета, я усиленно работал с мамой над своим русским. С иностранным дело у меня обстояло даже лучше, чем у Веры. Но русский язык требовал значительной доработки. Я читал русские книги — громко, чтобы убрать небольшой иностранный акцент. Мама говорила: позор, когда у коренного русского мальчика страдает русское произношение.

Лето мы решили провести на Зеленом мысе под городом Батуми. Этим дачным участком управляет муж тети Елены, Никодим Антонович Бялуский⁷. Он увлекался ботаникой и превратил участок в усадьбу с отличным ботаническим садом. В то время дача эта считалась одной из лучших в окрестностях Батуми. В 1905 г. у супругов было уже пятеро детей. Позже родились еще четверо. Мы с мамой неоднократно приезжали к родственникам в гости на одну-две недели. Теперь же мы получили приглашение провести у них всё лето.

Чтобы читатель мог более ясно представить себе, что такое дача тети Елены на Зеленом мысе, отмечу, что это был участок земли, занимающий один из возвышенных склонов прибрежных гор. На одном склоне (высотой 150 метров) располагался богатый, красиво украшенный двухэтажный дом — дача в 12 комнат, включая службы. На каждом этаже имелась большая комната площадью 120 кв.м., которую окружали небольшие комнаты, где жили многочисленные дети и прислуга. Три комнаты были отведены для гостей. Две большие комнаты были одновременно и гостиной, и музыкальным залом, и столовой, где в определенные часы принимали пищу, проводили литературно-музыкальные вечера и праздничные увеселения. В доме было три выхода. Два из них на первом этаже: один — на главную площадку дома, обсаженную камелиями; другой, подсобный, выходил в сад. Третий выход был расположен на уровне второго этажа и открывал проход на большую верхнюю площадку, а через нее на нижнюю спортивную площадку.

Склон горы был обсажен тропическими фруктовыми деревьями и опоясан кольцевыми аллеями. К морю спускались две каменные лестницы, между которыми располагался ступенчатый каскад водопада, создававший великолепное зрелище. В некоторых местах каскада виднелись небольшие островки, на которые были перекинuty стальные мостики. Лестницы и ступенчатый водяной каскад были достопримечательностью Зеленого мыса, привлекали туристов и дачников. Никодим Антонович гордился этим уголком, держал при нем сторожа и охотно разрешал гостям любоваться видом. Конечно, трудно описать в нескольких словах все заветные места тетиной дачи. Одно можно сказать точно: Никодим Антонович вложил в нее много сил и умения, всего себя посвятил этому уголку.

Дети тети Елены — Котик, Света и Мари (Мария иначе себя называть не разрешала) — были со мной и Верой однолетки, и поэтому нас очень привлекала возможность проводить время в их обществе. Мари была замечательной девочкой, и неуди-

⁷ Бялуский Никодим Антонович — провизор в Батуми. Его аптека располагалась в частном доме по ул. Дондукова-Корсаковской. При доме был небольшой завод по производству искусственных минеральных вод. В 1911 г. он избирался гласным Батумской Думы. Об этой линии семьи известно немного. Елена с детьми эмигрировала, обосновалась во Франции. Муж, по всей видимости, остался в России. Его следы теряются. Известно, что их сын Константин учился в Ленинградском университете. Его дело хранится в ЦГА СПб. Об уникальной усадьбе на Зеленом мысе упоминает М.Т. Мазуренко в книге «Утраченная Колхида» (2012).

вительно, что годы спустя она стала звездой экрана в Англии⁸. Но об этом позже. Тетя была очень строгой матерью и требовала, чтобы дети проводили день по жесткому расписанию: купаться в море один раз, не менее двух часов посвящать спорту, не менее двух часов читать, писать и заниматься учебой. Обязательно вечером собирались вместе в гостиной, вели культурные беседы, музицировали, пели, играли в литературные игры.

Именно здесь, на Зеленом мысе, я научился играть в теннис, который очень люблю и в котором впоследствии достиг больших высот: на даче я мог бесконечно тренироваться, посылая мяч в стенку. При игре на теннисной площадке все удивлялись резкости моей подачи в крайний угол приемного квадрата, учитывая мой юный возраст и худенькую фигурку. Моя худоба, как считала тетя, являлась следствием долгого плавания в море. Действительно, плавать для меня было все равно, что ходить. Долго и далеко плавая, я практически не уставал.

Я учился играть на рояле уже второй год. Так как на даче рояль был всегда занят, мне для занятий отвели время рано утром, когда все еще спали. Особого контроля за тем, что и как я играю, не было. Гаммами и упражнениями я по-прежнему занимался мало, а большую часть времени тратил на разбор и проигрывание нот, которые лежали на рояле и принадлежали тете. Моя учительница музыки в Кутаиси Грасильда Вячеславовна считала меня очень способным к музыке, говорила про абсолютный слух и хорошую левую руку. Она настоятельно убеждала маму избрать для меня музыкальную карьеру, в которой я добьюсь совершенства и стану всемирно известным пианистом, а может быть, и композитором. Мама знала мое решение стать конструктором воздушных кораблей и звездолетов и не настаивала на музицировании; однако считала, что каждый культурный человек должен уметь хорошо играть на рояле, независимо от рода занятий. Рояль мне нравился, и потому с мамой я был полностью согласен.

Еженедельные «журфиксы» (так тетя называла художественно-музыкальные вечера по субботам), меня крайне занимали. Я выучил несколько романсов Брамса и считал, что, когда очередь дойдет до меня, я легко отделаюсь проигрыванием их на рояле. Однако действительность застала меня врасплох.

— Следующий наш «журфикс», — сказала тетя, — посвящается истории города Кутаиси и вообще Западной Грузии. Основное сообщение нам сделает Витя Михайлов, который совсем недавно приехал оттуда. И, пожалуйста, Витя, не думай протестовать! Я знаю, ты приготовил для выступления что-то на рояле. Это ты продемонстрируешь в конце вечера. Но сначала о Кутаиси: мы с твоей мамой родились в Кутаиси, однако не знаем, чем известен город.

Сначала я хотел самым решительным образом отказаться. Но потом сообразил, что впереди целая неделя, у меня припасен кой-какой интересный материал по истории города, в котором я родился, и я не ударю лицом в грязь: смогу рассказать о Кутаиси

⁸ Об этом факте точных сведений не сохранилось.

и вообще обо всем районе почти до Батуми занятные исторические предания. Однако я очень волновался и почти всю ночь после этой новости не мог уснуть. Как жаль, что с нами нет дедушки, который был большим знатоком истории края!

Наступила суббота. Дети посматривали на меня с любопытством и тихонечко посмеивались, удивляясь моему спокойствию. Но я, подолгу сидя на сливовых деревьях, успел во всех деталях сочинить свое выступление.

Итак, субботний «журфикс» начался. Сначала тетя длинной тирадой рассказала о прошедшей неделе и наших поступках. Всё — в строгом, но мирном духе. Затем она заявила, что передает слово мне. Я поначалу страшно оробел, некоторое время стоял молча, не зная, как начать (а ведь речь была хорошо разучена!). Но потом собрался и провозгласил:

«Кутаиси — древняя столица Грузии, основанная за 3,5 тысячи лет до нашей эры. За 300 лет до нашей эры Кутаиси, а затем Вани⁹, небольшой город вблизи, являлись столицами Колхидского княжества. Слава о Колхиде как о стране, несметно богатой золотом, распространялась по всей Европе. В Элладе говорили, что колхидский князь владеет Золотым руном, в котором накоплены несметные богатства. И вот знатный купец Синдбад-мореход построил многovesельное судно „Арго“ и с богатыми товарами отправился в Колхиду. Аргонавты были в пути долгое время и наконец достигли дельты реки Рион. Кругом были дремучие леса Колхиды, с непроходимыми болотами и заводами. Идти по руслу реки Рион аргонавтам было очень трудно. Река Рион беспокойная: повсюду отмели, попадание на которые могло привести „Арго“ к гибели. Однако путешествие закончилось благополучно: „Арго“ вошел в столицу Колхиды Вани, где в это время жил князь. В Вани почувствовали аргонавты гостеприимство грузинского народа. Песням, пляскам, угощениям не было конца! Аргонавты убедились в несметных богатствах князя и его окружающих. Ожерелья, головные уборы, кольца, диадемы и другие украшения на женщинах — всё было из чистого золота! По-видимому, золото залегалось в горах и оттуда вместе с песком заносилось рекой в отмели и затоны. Аргонавтам рассказали о добыче золота из песков Риона: шкуры овец мехом вверх раскладываются на дне реки, на них кладут камни, и через несколько дней в шкурах застревают зерна тяжелого металла — золота.

Князь города Вани был очень обрадован товарам, привезенным аргонавтами, и готов был все их закупить. Однако, когда аргонавты заговорили о Золотом руно, он нахмурился и заявил, что Золотое руно — это сказка. И прибавил, что готов заплатить за привезенные товары золотом, то есть, золотыми украшениями, изготовлением которых славятся умельцы Колхиды. Так и порешили. По приглашению князя аргонавты въехали в старую столицу Грузии Кутаиси. По существу, тогда это был не город, а хорошо защищенная крепость, где жители страны отсиживались во времена набегов персов и турок.

⁹ В античную эпоху на территории современного небольшого поселка Вани находился один из самых значительных городов древней Колхиды, расцвет которого относится к III-IV вв. до н.э.

Крепость дважды была разрушена, дважды восстанавливалась и укреплялась всё лучше и лучше. Сейчас крепость лежит в руинах, на ее территории ведутся раскопки. Уже найдено много реликвий, золотых украшений, старинных вещей. Многие из них переданы Историческому музею Грузии.

Аргонавты нагрузили свое судно драгоценными подарками, одежаниями и богатыми золотыми украшениями — и тронулись в обратный путь. Князь отрядил аргонавтам почетный отряд, который следовал за ними до самого устья Риона. Однако с тех пор никто аргонавтов не видел и ничего не слышал о них: в Элладу они не вернулись. То ли на них напали пираты, то ли морские разбойники перебили аргонавтов, а „Арго” потопили, то ли корабль разбила буря... Может быть, аргонавты попали в плен к народам, населявшим турецкие земли, и погибли в тюрьмах. Память об аргонавтах, символах древней связи грузинского народа с далекими народами Эллады и Рима, сохранилась в Грузии на долгие века».

Я окончил речь. От волнения весь вспотел и стоял красный как рак, со слезами на глазах. Тетя Леля встала, подошла ко мне и поцеловала:

— Откуда у тебя столько сведений и фактов? Я, например, ничего этого не знала.

Все засмеялись. Позже, когда мы сидели на берегу моря или вечерами собирались перед сном, дети просили меня рассказать что-нибудь интересное. И я рассказывал. А они слушали, иногда задавали вопросы. Особенно нравились им мои рассказы о звездах, созвездиях и далеких звездных мирах. Тут, конечно, я давал волю своим рассуждениям, толкованиям и мечтаниям. Все уже знали, что я будущий звездоисследователь, и относились ко мне с гораздо большим уважением, чем поначалу.

Мушмула зрела буквально на наших глазах, но лазить на молодые мушмулиновые деревья, что росли прямо под окном комнаты, отведенной маме и мне, было строго запрещено. «Видит око, да зуб неймет», — часто повторял Никодим Антонович. Однажды садовник принес лестницу и снял обильный урожай с деревьев. Мне садовник сказал, что новый урожай будет в октябре. В этот день мушмулу нам давали на десерт. Однако одно дело — есть мушмулу, сидя на дереве, и совсем другое — есть ее за столом. И я невольно вспомнил о мушмуле в нашем родном саду.

Лето подходило к концу, пора было возвращаться домой. Мама была в положении, и мы очень ждали появления новой сестренки или братика. Я хотел сестру, Вера — брата. Жалко было расставаться с морем. В конце лета оно было такое синее-синее, что прямо загляденье: вылезать из него совсем не хотелось. Котик¹⁰, старший сын тети Лели, был отменным пловцом, и я научился у него искусству нырять и прыгать в воду с высоты. Конечно, плавание в море нельзя было сравнить с купанием в Рионе, где плавать разрешалось только в мелководье, в присутствии взрослых. Здесь за нами никто не смотрел, и мы делали всё, что захочется.

¹⁰ О Константине Бялуском см.: ЦГА СПб. Фонд Р-7240.Опись1. Дело 253. Личное дело студента Ленинградского государственного университета.

Денис Сорокотягин

Актер театра и кино, пианист, режиссер, художественный руководитель «DAS-театра». Автор книг «Во всём виноват Бэнкси», «Синдром Шишигина» (2022), «Изменение формы. Особая книга» (2023).

ВТОРОЙ СЛОЙ

(этюды)

1.

Многие верят, что будет как прежде, и молятся (как умеют) о том, что когда-нибудь всё* это кончится, и они смогут вернуться в то допрежье. Над словом всё — звездочка — и где-то в конце этой книжки, которая ещё не написана, и вряд ли вообще будет иметь финал, я или кто-то за меня разместит примечание или развёрнутый комментарий для будущих поколений. Содержание этого комментария мы, сглатывающие это «всё под звездочкой» ежесекундно и уже рефлекторно, будем знать, как себя, то есть знать и не знать, и при этом — уверенно — утверждать, что всё было в нашей жизни не напрасно (иначе сход с ума), что оно сделало нас сильнее или, наоборот, ослабило. Всех, кто меня зовёт в допрежье, я посылаю куда подальше, все, кто усиленно ностальгирует (years ago), знайте: мне необходимо выучить новый язык безъязычья, а вы старательно вкладываете в мою голову старые тексты о главном, о вечном — удивительно, что это «вечное» осталось вечным даже сейчас, став при этом ещё более недостижимым. Что я не могу ощутить его близости к себе, что оно вряд ли вместится в меня хоть какой-то своей частью. Где-то оно существует, это допрежье, с его прежней остротой восприятия, чувствования, с запахами давно покинутых людей, подъездов,

где на втором этаже из пяти сварили суп: какой он на вкус, я мог узнать по запаху, чаще всего он был никакой, ничем не отличающийся от других супов похожей категории «что было — в котёл», но для меня он был особенным, его варили бабушка или дедушка, поодиночке или вместе, посолив каждый за себя, пересолив в итоге, но так и не взяв на себя вину за пересол.

Нет, всё же вспомню. Тягу не следовать туда, куда не хочется. Как можно вспомнить тягу? Оказывается, можно: снова ощутив ее в себе. Я был маленьким — это определение исчерпывающее для этого воспоминания, — меня вели от бабушки-дедушки в квартиру, где жили мама-папа (пока еще вместе). Два дома — полярных по своей сути — гостевой бабушко-дедушкинский был ближе по причине, с одной стороны, понятной (папа выпивал и не всегда был похож на себя), с другой стороны, иррационально-необъяснимой тяги (опять тяга!) к другому возрастному пласту — близкому мне, повзрослевшему, поседевшему внутри себя маленькому старичку. Идти от одного дома до другого десять минут, по одной улице с красивым и поэтичным названием (хочу сказать именем) Белореченская. Меня ведут, я следую за ведущим (не помню, кто это был, да это и неважно), на середине пути, рядом с магазином «Мебель», я вдруг понимаю, что не хочу идти в ту, другую квартиру, и принимаю внутри себя решение немедленно вернуться туда, откуда вышел несколько минут назад. Но ведь ты только что там был, — говорит мне неважно кто. Я плачу и, движимый своей упрямой инерцией, устремляюсь всем телом назад, пытаюсь пробить твердолобым намерением неотвратимость перехода в другую квартиру, хочу назад — к бабушке-дедушке, к супу, от которого в моем памятном хранилище остался только цвет — мочевато желтый — и какие-то бледно-рыжие всполохи моркови и общее понимание, что суп не был и близко вкусным, однако он существовал там — в другом мире, из которого не хотелось уходить ни только в тот день, но и вообще никогда.

И меня вернули в тот дом, зареванного, усталого от плача и дороги туда-сюда, от боданий за право быть там, где хочется быть: видимо, мой поводырь, этот неважно кто, был не промах и долго не сдавал позиций, но детское победило, а взросло-стариковское во мне расхлебывало победу, держа в руках алюминиевую ложку, глядя в полную тарелку невкусного супа с плавающими морковинками. Я ел и думал, думал и ел, и когда мозг был занят думой, вкус отходил на второй план, мне нужно было придумать, как обмануть судьбу и не вернуться, никакой рефлексии победителя, мучительная работа мысли с перерывами на вкус вареной морковки, который мало кому нравится из детей, но с годами — взрослея — ты начинаешь ценить этот терапевтически-уютный вкус (во всяком случае, его начал ценить я). Тогда же морковь претила, выворачивала, рвалась наружу, путала мысль. Кто же знал, что суп — лишь предлог? Только я.

Я не вернусь в допрежье. Не зовите меня туда. Эти диафильмы с остатками слов, предложений — не для меня. Я поступлю по-своему, снова обману всех, рискуя запутать самого себя. Хочется вспомнить многое, но не из точки сегодняшнего дня, поэтому я буду модернизировать прошлое, взламывать его, дополняя тем, что никогда не было, а могло (на полях). Раз пока нет возможности предугадать будущность, кроме общего катастрофического фона, который скоро, наверное, покроет и нас. Проступим ли мы через него, отбросим хотя бы тень, сохранимся, проявимся ли хоть с какой-то стороны, неизвестно никому, даже тем, кто в небесных сферах. Даже они в растерянности разводят руками.

2. Деду

Ты ведь, наверное, знаешь, что случилось со всеми нами. Давай я не буду рассказывать тебе об этом, хотя я привык делиться с тобой всем пережитым. Я в Москве, в пончиковой на Камергерском, которая больше не носит названия «Крайспи Крим», а называется как-то по-другому, так коряво, что даже сотрудники не до конца понимают, где они работают.

Я дал себе слово каждый год в день твоей смерти писать маленькое письмо тебе, и вот прошло два года, а кажется, что сто два, кажется, что за этот год я повзрослел на десять лет и боль нашей разлуки притупилась и почти (ты представляешь, и, наверное, всё во благо) исчезла, на неё навалились другие боли, но в то же время я ещё никогда не ощущал так остро твое живое присутствие во всем, что я пытаюсь делать сейчас.

Я сею добро, жду всходов, искореняю из себя зло, которое, как сорняк, лезет через чудом восстановленную почву. Я ухожу от стороннего зла, несу в себе свет (фонарь, ночник, огонёк, долгий блик). Я стараюсь всеми силами светить, лучеиспускать, обнимать и принимать тех, кто летит на этот новый и для меня самого свет. В этом году я отчётливо понял, что я не из тех, кто летит, а из тех, кто стоит и светит другим летящим. Я должен светить, наверное, в этом и есть главная задача моей жизни.

С самого детства я узнал, что такое травма войны, афганский синдром, видя своего папу (твоего сына), считывая тот системный сбой, который произошел во всём его жизненном устройстве. Он был как сложносочиненная фигурка из тетриса, никак не попадающая в уже имеющиеся пазы, на которые наваливались другие фигурки, еще и еще: игра кончалась, а зияющие просветы, дыры так до конца и не остались залатанными. Они вторгаются в мои сны и сейчас: мне снится дача, лето, какая-то понятная всем идиллия отдыха, я сижу на металлической скамеечке, которая сохраняет прохладу, несмотря на то, что стоит на солнцепеке и должна уже была нагреться, я загораю и параллельно мою тарелки, заляпанные жиром и кетчупом, остатками от шашлыка,

беру отмокающие тарелки из вытянутого странного таза и натираю их, и, отражаясь в них, вижу себя почему-то в военной форме, в фуражке, обритого по уставу, перевожу взгляд на тазик и вижу, что это никакой не тазик, а гроб, а скамеечка подо мной — другой гроб. Точнее, они части одного, цинкового, того самого, и, судя по всему, сделанного кем-то под меня по спец. заказу. Солнце продолжает светить на тарелку, на красные (это не кетчуп) и коричневые (не шашлык) пятна. Я просыпаюсь и показываю средний палец изготовителю этого всего. Рядом со мной мои дети, твои правнуки, я смотрю в их смелые глаза, слежу за их свободными руками, они лучше меня, ты видишь это, они всегда желают отличиться (в хорошем и даже плохом), боятся быть похожими (это пока), и у них это получается (пока), но здесь они солидарны со мной (и с тобой). Один на всех жест несогласия. Одно на всех желание, чтобы это всё поскорее кончилось и что-то другое началось: осторожно, бережно, с трепетом и великим покаянием. Но конца не видно. И сон во сне никак не закончится.

Написал и задумался (на секунду), а зачем тебе это всё. Тебе ведь хочется о чем-нибудь хорошем: о спектаклях, о готовящихся премьерах, о книгах, которые скоро выйдут, о замечательных людях, без которых бы ничего этого не случилось. Каждый спектакль, текст, книжка — живое доказательство моего присутствия здесь, в этой точке пространства.

А сегодня был на пробах в кино. Это, наверное, мои третьи пробы за восьмилетнюю жизнь в Москве (я расценил их как твой подарок мне в день твоего ухода, ужасный оксюморон, но ты со своим фирменно-странным юмором оценил бы его). Никогда не ищу возможности сниматься, обычно возможность сама находит меня. Это был разговор с режиссёром, знакомство. На первый его вопрос — как дела? — я ответил: 8 из 10. — Куда делись ещё две? — Я молчу, зная, что и 8 из 10 — это заранее придуманная и, как выяснилось, рабочая схема, чтобы сберечь себя для какого-то неясного будущего. Будет ли в нём кино, для меня не так важно. Будем ли в нём мы — вот что меня волнует. И если случившийся вслед за этим теплый, внимательный и острый по мысли разговор с режиссером, которому я рассказал, что сегодня должен написать «Второй слой», — если всё это подстроил оттуда, «сверху» ты, спасибо тебе.

Надо заканчивать, иначе рискую превратить письмо в подобие исповеди. В заключение хочу привести стихотворение Инны Лиснянской. Я полюбил ее стихи (на всю жизнь). Когда в жизни вдруг проглядывает вечное, до страшного остро поступает и желание жить. В стихах же не может быть иначе:

Судил меня Бог, и щадил меня Бог,
Берёг, и стерёг, и наказывал,
Но ни на одну из возможных дорог
Перстом никогда не указывал.

Сама по нутру своему выбирай
Свой путь, свой удел, свой уклад,
Не то преисподней покажется рай,
И раем покажется ад,

А выбрала, так никогда не жалея
Ни песен, ни башмаков!..
И выбрала я печальных друзей
И беспечальных врагов.

(И. Лиснянская, 1966 г.¹)

До следующего года. До следующего слоя. Твой Дениска.

¹ Источник: ВАВИЛОН: Тексты и авторы: Инна ЛИСНЯНСКАЯ: «Одинокий дар»: Виноградный свет (1947-1975) (vavilon.ru) (дата обращения: 08.06.2023).

Кристина Куплевацкая

*Книжный обозреватель портала
«Красный Север», г. Ноябрьск*

ЧИТАЮЩИЕ В ТЕМНОТЕ

100

Раннее утро, дом постепенно оживает от тёплого зимнего сна. Позвякивают чашки, жужжат электрические бритвы, урчат коты, выпрашивая завтрак, хнычут дети, бастуя против детского сада. Воздух за пределами одеяла прохладный, немного сквозит из подъезда, двери которого начали выпускать жильцов многоэтажки в рабочий день. Пахнет кофе, парфюмерией, не до конца затушенной сигаретой, кремом для обуви, нагревающимся пластиком бытовой техники. Человек просыпается, открывает глаза, но мир вокруг него так и остаётся погружённым в темноту.

По данным Международного агентства по профилактике слепоты, на ноябрь 2020 года примерно 284 миллиона жителей Земли имели те

или иные нарушения зрения, порядка 39 миллионов из них были полностью его лишены. Заболевания глаз регистрировались более чем у 19 миллионов детей. В России количество незрячих и слабовидящих на тот момент превышало 210 тысяч человек¹. И несмотря на то, что уровень медицины заметно растёт, в ближайшие годы можно ожидать значительного увеличения числа слабовидящих или незрячих россиян. По нескольким причинам:

1. Вхождение в состав РФ новых территорий, на которых, как и в любой точке мира, проживают люди, имеющие проблемы со зрением.

2. Осложнения после Covid-19, которые проявляются в виде тромбов, в том числе сосудов глаз.

3. Увеличение процента выхаживания новорождённых с экстремально низкой массой тела: офтальмологические проблемы типичны для таких детей.

4. Увеличение продолжительности жизни при недостаточно высоком её качестве приводит к росту в популяции возрастных офтальмологических изменений.

Итак, ясно, что довольно большое число россиян живёт в мире, контуры которого размыты, а то и вовсе существуют в виде чего-то умозрительного. Всероссийское общество слепых, основанное в 1925 году, взяло на себя обязанности по адаптации, социализации и трудоустройству людей, имеющих проблемы со зрением. И почти сто лет работа эта ведётся с разной степенью успешности. В данной статье я хочу акцентировать внимание на доступности литературы для слабовидящих и незрячих россиян. И начать предлагаю с «Российской государственной библиотеки для слепых».

Помимо библиотечной и издательской деятельности, эта институция с ноября 2013 года реализует проект «Интернет-радио РГБС»². Предполагается, что любой пользователь Интернета может зайти на сайт библиотеки и послушать то или иное художественное произведение, а также программы о литературе. Что ж, давайте посмотрим,

какой репертуар предлагают на 5 ноября 2022 года*. Оказывается, он не меняется с сентября, то есть третий месяц у слепых слушателей «Интернет-радио РГБС» день сурка. Но, может быть, программы хотя бы актуальные и помогают человеку быть в курсе современного литературного процесса? Чтобы поддержать беседу о книжных новинках или посоветовать другу свежий роман российского автора? Нет. Антон Чехов, Андерсен, Джеффри Арчер, Роберт Шекли, Михаил Зощенко, Константин Симонов, Тэффи — вот чьи произведения звучат сегодня (и два предыдущих месяца) в эфире интернет-радио. Да, всё это важно и интересно, но совершенно не даёт представления о литературе наших дней, не помогает незрячему человеку вписаться в современный культурный контекст. Фонды самой библиотеки, к сожалению, тоже не замечены в своевременном обновлении. Если от раздела «документы рельефно-точечного шрифта» и не ожидаешь особой свежести (всё-таки перевод и издание текста на Брайле — процесс трудоёмкий, долгий и затратный), то в «говорящих» книгах хочется найти новинки хотя бы трёхлетней давности. Их там нет. Отдельно отмечу, что незрячие люди не имеют возможности читать повести и стихи современников, произведения которых публикуют в толстых литературных журналах: свежие номера не переводят на Брайль и в аудио-

* Справедливости ради заметим, что в июне 2023 года репертуар радио сменился, однако программа состоит из всё тех же Чехова, Андерсена и Вознесенского.

формат. Хотя, с учётом озвученного ранее количества слабовидящих и незрячих людей в стране, ориентация редакций ещё и на их потребности могла бы значительно увеличить аудиторию толстых литературных журналов.

«Что за толстые журналы? — удивляется Андрей, когда я спрашиваю его, знает ли он о каком-то из таковых. Андрей — профессиональный массажист, зрения лишился в первые годы жизни из-за генетического заболевания. Вырос на Кавказе, там же обучался в медицинском колледже на отделении «лечебного массажа», на Крайний Север приехал работать и в ближайшие годы планирует оставаться здесь. — Нет, я не знаю про такие. И не представляю, кто бы мог мне рассказать. Хотя я читаю некоторые газеты и журналы, если у них есть сайт. У меня скринридер на домашний компьютер установлен, с ним и читаю».

Скринридер — программа экранного чтения, которая преобразует контент интерфейсов в речь или шрифт Брайля. Обычно незрячие люди сами должны озаботиться поиском и установкой подходящего для их компьютера и смартфона скринридера, какой-то масштабной государственной программы по предоставлению такого рода помощи нет (или она реализуется в неполном объёме).

«Я знаю, кстати, что сейчас скринридер установлен по умолчанию в некоторых моделях электронных книг, но надо понимать, что это не отечествен-

ное ПО, как и сами устройства, так что есть риск, что из-за санкций слепые люди в России скоро останутся без многих облегчающих жизнь программ и устройств. Первое заметное, чего лишился именно я, — сервис аудиокниг: он недавно ушёл из нашей страны. Сервис был платным, но я к нему уже привык, адаптировался к интерфейсу, сам мог быстро находить книги или лекции интересные. И там же книги выходили почти в одно время с магазинами, я в основном детективы скандинавские слушал и что-нибудь по психологии. Сейчас пробую новое приложение, российское, оно заметно дороже и не очень удобное в использовании, часто жену зову, чтоб она мне подсказала, где „поиск“ или „перемотка“», — рассказывает Андрей.

С марта 2020 года сервис «Литрес» запустил проект «Библиотека»³. Посетители любой государственной публичной библиотеки могут получить в отделе абонемента код для доступа к пятидесяти тысячам электронных и аудиокниг из каталога «Литрес». Проект этот был запущен как поддержка библиотек и читателей на период пандемии, но мог бы оказаться полезным и для незрячих людей. Если бы им кто-то о нём рассказал.

«Что? — удивляется Андрей, когда я говорю ему о „Литрес: Библиотеке“. — Я не знал. А откуда? Я здесь в библиотеку не хожу. Не знаю, может, и есть какие-то мероприятия специальные, но как о них узнать? В Кисловодске были

чтения для слабовидящих, мы собирались раз в месяц, ведущий читал новый рассказ или несколько стихов, говорил об авторе. В основном о местных писателях говорили, из КавМинВод, но иногда и просто про новинки книжные. Здесь я о таком не слышал. Может, в местных библиотеках вообще не думают о слепых как о целевой аудитории».

Действительно, сообщество незрячих людей в ЯНАО не назовёшь большим и активным. Отсутствие специализированных учебных заведений приводит к тому, что детей и молодых людей с проблемами со зрением родители стараются увезти в другие регионы, где у них будет возможность получить профессию. Там же они и стремятся трудоустроиться после учёбы. А люди, потерявшие зрение в зрелом возрасте, инвалидизируются не только по части физического здоровья, но и социально — вынужденно превращаясь в затворника. Так незрячий становится ещё и невидимым, и его интересы не учитываются при составлении библиотеками плана мероприятий на год. Конечно, не стоит возлагать ответственность только на методистов муниципальных бюджетных учреждений: часто серьёзным препятствием в реализации интересных и важных проектов становится отсутствие финансирования. Так, в 2018 году Софья Тарасевич, сотрудница тюменской библиотеки, организовала волонтёрский проект, в результате которого силами местных мастериц на свет появилась тактильная

книга «Чёрный и белый»⁴. Сказку ямальского писателя Ивана Истомина адаптировали для незрячих детей и передали в областную библиотеку для слепых, постоянными посетителями которой на тот момент были сто детей. Материалы для тактильной книги собирали волонтеры и сотрудники библиотеки, на следующий год Софья Тарасевич подавала заявку на грант для создания уже четырёх тактильных книг для незрячих детей, но о масштабировании опыта и выводе проекта на окружной и все-российский уровень речи всё ещё не идёт. При этом в соседней Финляндии, например, создание тактильных книг — направление, финансируемое государством.

Не лучшим образом с материальной точки зрения обстоит дело с созданием «говорящих» книг. Уточню, что это не просто аудиокниги, а специальный криптозащищённый формат: прослушивать файлы можно с помощью тифлофлешплеера. В сентябре 2022 года Тюменская библиотека для слепых объявила о начале масштабного проекта «Доступный формат»⁵. В течение года, до ноября 2023, сотрудники библиотеки будут проводить кастинг дикторов и чтецов, обучать отобранных участников и записывать в формате «говорящих» книг произведения тюменских авторов: писателей и поэтов. В ноябре 2023 года пройдут презентация «говорящих» книг тюменских литераторов и размещение файлов в Первой международной онлайн-библиотеке для инвалидов

по зрению «Логос». Наталья Россомахина, заместитель директора Специальной библиотеки для слепых, уточняет, что проект «Доступный формат» реализуется при поддержке департамента культуры Тюменской области, но не забывает повторить, что дикторов приглашают к сотрудничеству в качестве волонтеров. То есть финансирования на оплату труда читателей не предусмотрено.

С творчества тюменских писателей перейду к ямальским читателям. Несмотря на то, что 2022 год объявлен Годом культурного наследия народов России, мне не удалось найти сведений ни об одном проекте, который был бы направлен на адаптацию для людей с нарушениями зрения произведений на национальных языках. Даже если не брать во внимание языки коренных малочисленных народов севера, а говорить о тех, у которых число носителей гораздо больше (башкирский, белорусский, азербайджанский — представители этих национальностей в ЯНАО проживает много), ситуация плачевна. При этом запрос на чтение на родном языке есть, и благодаря инициативным группам работа в этом направлении ведётся. В октябре 2022 года в Ноябрьске совместными усилиями «Лиги отцов» и Центра детского творчества стартовал проект «Папины сказки»⁶, в рамках которого мужчины города начинают притчу, сказку или рассказ на своём родном языке. Конечно, придумывая «Папины сказки», Андрей Упыр, руководитель «Лиги отцов», не думал

о специальных потребностях детей с нарушениями зрения, но, поскольку тексты записаны в аудио и видео форматах, они доступны и для незрячих. Однако инициатива ограничивается десятком текстов для детей и не является регулярной. То есть тексты на языках народов Ямала (и России в целом) так и останутся невидимыми для большого числа читателей.

Если подводить итог этому скромному исследованию, можно выделить несколько направлений, которые остро нуждаются в государственной поддержке и финансировании:

1. Создание тактильных книг для детей с глубокими офтальмологическими нарушениями.
2. Масштабная и регулярная работа по переводу книг в формат «говорящих».
3. Своевременная адаптация актуальных произведений российской литературы в форматы, доступные для незрячих и слабовидящих.
4. Аналогичная работа с корпусом толстых литературных журналов.
5. Перевод в форматы, доступные для незрячих и слабовидящих, современных произведений на языках народов России.
6. Упрощение (возможно, путём субсидирования) для незрячих людей доступа к сервисам аудиокниг.

Примечания:

1. 13 ноября — Международный день слепых // Министерство просвещения РФ. — URL: <https://edu.gov.ru/press/3129/13-noyabrya-mezhdunarodnyy-den-slepyh/> (дата обращения: 01.06.2023).
2. Программа передач Интернет-радио РГБС. Июнь 2023 // Российская государственная библиотека для слепых. — URL: <https://rgbs.ru/radio/> (дата обращения: 01.06.2023).
3. Литрес: библиотека. — URL: <https://www.litres.ru/o-kompanii/biblioteka/> (дата обращения: 01.06.2023).
4. В Тюмени шьют книги, с которыми невозможно расстаться // портал «Красный Север» — URL: <https://ks-yanao.ru/news/obschestvo/v-tyumeni-shyut-knigi-s-kotorymi-nevozmozhno-rasstatsya-> (дата обращения: 01.06.2023).
5. Специальная библиотека для слепых проводит кастинг для создания «говорящих» книг // Департамент культуры Тюменской области. — URL: <https://www.litres.ru/o-kompanii/biblioteka/> (дата обращения: 01.06.2023).
6. Ноябрьск вместе со всем Ямалом отмечает День народного единства // Новости Ямала и России — URL: <https://tvmig.ru/news/noyabrsk-vmeste-so-vsem-yamalom-otmechaet-den-narodnogo-edinstva/> (дата обращения: 01.06.2023).

МИР, ВЫВЕРНУТЫЙ НАИЗНАНКУ

(Лукиянова А. *Это не лечится.* — М.: Альпина.Проза, 2023. — 176 с.)

«Это не лечится» Анны Лукияновой — история, где нет ярких событий, испытаний и смертей. Читателя не раскачивают на эмоции. Зато есть Аня. Ей семнадцать лет. Как и ее ровесники, она учится в одиннадцатом классе. Но, в отличие от них, Аня «болела мыслями» и всякий раз, чтобы успокоиться, пересчитывала предметы, которые ее окружают.

Мы знакомимся с Аней в переломный момент ее жизни. Вот-вот она окончит школу. Вот-вот закончится ее детство. И она уедет из дома.

Анин дом — это мир. Мир внутренний, где живут выученные наизусть слова из словаря Ожегова, тревоги за всё и вся и мысли о людях, ведь «о себе

Анастасия Лобацкова

Магистрант филологического факультета РГГУ, автор обзоров и рецензий, бета-ридер.

Аня думала мало, а о других много». И мир внешний — образцовая семья, однако, как оказалось, «образцовость никак не влияет на счастье или несчастье, она просто есть как красивая побрякушка». А ещё школа, окна которой выходят на кладбище. Аня как раз сидит у окна, за одной партой с Вадиком, одержимым вопросами о смерти. И родной Киров, где «везде можно только пешком», а вдоль его улиц — пятиэтажки «швами наружу». При этом Аня чувствует себя девочкой из ниоткуда и на происходящее зачастую смотрит будто со стороны.

Казалось бы, если главная героиня всё видит и воспринимает иначе, задача писателя — показать нам её изнутри. Однако Анна Лукиянова выводит нас за пределы внутреннего мира главной героини, при этом реальность, воссозданную в повести, читатель видит её глазами. Такой эффект возникает потому, что о событиях мы узнаем от всезнающего рассказчика, но писатель использует приемы, характерные для режима повествования от первого лица.

Например, источником истории об учительнице химии становится разговор, который некогда подслушала Аня, а точнее, «разобрала перешептывания на кухне». Возникает вопрос: если рассказчик и так всё знает, почему он доверяет словам ненадежного нарратора, каким могла бы стать Аня, если бы повествование шло от ее лица? Стирается ли граница между рассказчиком

и героиней?

В таком случае интересно понаблюдать за тем, как в повести решается вопрос о будущем и прошлом героев. Во-первых, Аня часто фантазирует, причем не только о том, что ждет ее дальше, но и о том, как будут вести себя люди из ее окружения: «Вот [Аня] пишет по ночам плачевные стихи о сердце, которое кровит. Вот Вадим случайно находит одно из таких стихотворений, ему, разумеется, ничего из этого не надо». То, о чем Аня не знает, она додумывает: «Аня вдруг представила, как бывшая Гущева жена душит его вот этим неизбывным: ты на мне женился или на своих походах?..» Благодаря чему, с одной стороны, мы замечаем, что у Ани развито воображение, а с другой — образы второстепенных персонажей становятся более объемными.

Во-вторых, рассказчик периодически забегают вперед и сообщает о том, как сложится судьба героев спустя несколько лет. Так об однокласснице Ани он говорит, что «на диетах она научится сидеть через пару лет».

Иными словами, писатель дает нам возможность услышать Аню, погружает нас в её мир, но при этом сохраняет необходимую дистанцию, чтобы главную героиню мы увидели со стороны. Возможно, поэтому Анна Лукиянова не заостряет внимание на особенностях главной героини, связанных с ее ментальным расстройством. Подобно тому как у семьи образцовость «просто есть», эти цифры и бесконечное мытье

рук у Ани тоже просто есть.

С первых глав мы привыкаем и к Ане, и к ее видению мира. И к самому миру произведения с его ощутимыми метафорами, близкими к метафорам в романе Даши Благовой «Южный Ветер». В повести «Это не лечится» мы не встретим «пижамных» и «костюмных» людей из «Южного ветра». Однако по улицам Кирова «все шли упакованные в капюшоны», продавщицы на рынке «вросли в свои прилавки», а сама Аня — «в черном брюхе толстовки, проглоченная одиночеством».

Подобное уже воспринимается как данность. Зато от главы к главе перед нами открываются новые грани внешнего мира произведения. Для чего это делает писатель: чтобы раскрыть образ главной героини или, наоборот, чтобы показать ту среду, в какой взрослеет Аня? Учитывая режим повествования и структуру, которой придерживается писатель, можно предположить, что описание среды оказывается более важным.

А значит, стоит несколько слов сказать о структуре повести. Читая «Это не лечится», мы наблюдаем за тем, как неспешно осень сменяет лето, затем наступает зима, за ней — весна. Время движется циклично. Перед нами — один год из жизни Ани. Но практически в каждой главе появляются новый персонаж со своей историей и новый объект инфраструктуры города.

Так мы встречаем учителей из Аниной школы, где «мужчин был дефи-

цит». Особенно сильно это сказывалось на «не только незамужней и, что самое обидное, даже неразведенной завучихе». Знакомимся также и с нетипичной старушкой-физкультурницей, убежденной в том, что «человек начинается с боевого духа, а не с мышц», и с учительницей химии, которую Аня представляла в образе заколдованной невесты.

А еще в течение школьного года мы вместе с Аней оказываемся и на рынке, и в поликлинике, и в больнице. Пространство продолжает расширяться, а вопросы становятся всё серьезней: «если любовь к родине выслана мертвыми птицами, на что смотреть сперва на любовь или на птиц?»

В повести «Это не лечится» писатель буквально выворачивает наизнанку мир провинциального города. Главная героиня из-за своего обсессивно-компульсивного расстройства отделена от окружающего мира, но и одновременно находится внутри него. Но вот экзамены сданы. Аня сходила вместе с классом на выпускной. Вот-вот «эта школа продолжит жить дальше без нее».

Обратной дороги в детство нет. «Из дома уехать невозможно», — к такому выводу еще в самом начале книги приходит Аня. Но время сделало круг, и она — вновь в поезде, только вот «поезд будет битком, а она нет». С Аней останется только тот мир, который она держала в себе «лет с пяти, он помещался в маленькую головку <...>, а потом мир

начал расти быстрее, чем сама Аня».

Прочитав эту повесть, кто-то из нас узнает в Ане себя, кто-то в описаниях Кирова увидит свой родной город. А если этого не произойдет, неужели эта книга кого-то оставит равнодушным? Не оставит.

Ведь, обнажая внутренний и очерчивая внешний миры главной героини,

писатель делает всё, чтобы мы почувствовали примерно то же, что и Анина мама после того, как она в одном из эпизодов повести излила душу: «когда прячешься от других кажется, что с тобой всё не так, а вывернешься наружу, посмотришь за угол — там у каждого свое аномальное <...>, в этом отклонении от нормы и есть человеческая норма».

ЗЕРКАЛА И ЛЕСТНИЦЫ ИСТОРИИ

(Побяржина Х. Валсарб. — М.: Альпина.Проза, 2023. — 240 с.)

*Они ныряют над могилами,
С одной — стихи, с другой — жених,
И Леонид под Фермопилами,
Конечно, умер и за них.*

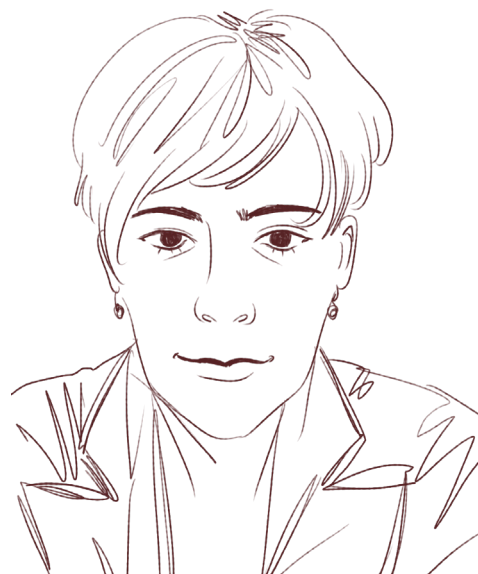
(Г. Иванов)

108

В короткой (пока) истории дебютного романа белорусской писательницы Хелены Побяржиной уже случились два крупных успеха. Первый — «Валсарб» — нашли в «самотёке». Легче заметить иголку в стоге сена, чем сильный текст — среди ежедневного потока писем в большое издательство. Вторым успехом — прямым следствием первого: не прошло и полугодия после выхода, как роман оказался в шорт-листе огромной и влиятельной премии «Большая книга».

Эти смиренные заметки не имеют целью вскрывать механизмы успехов. Более того: причина писать о «Валсарбе» появилась раньше, чем он прошёл в финал «Большой книги». Эта причина —

интерес к текстам о памяти, в первую очередь — исторической. События последнего времени заставляют если не всех, то многих с удвоенной прытью зарываться в личное и общественное прошлое, выискивая там слишком разные вещи: утешение, корень всех зол, удобные аргументы, почву для вины...

Елена Нещерет

Литературный критик, книготорговец

Как только в настоящем что-то появляется, это что-то, увы, кидаются искать в прошлом.

«Валсарб» так же неудобен, как спуск по лестнице спиной вперёд. Внимательные читатели уже усмотрели в перевёрнутом (Валсарб–Браслав) названии ассоциации с ивритом, читаемым справа налево, а добрые критики вытащили из этого названия-перевёртыша красивую метафору про город, отражённый в зеркале истории.

Как ребёнок, родившийся после появления интернета и системы Юникод, внесу свою горсточку земли в растущий курган толкований: и название, и эпизоды, где девочка пытается читать польское по-русски, а русское — по-польски, напоминают случаи, когда «едет» кодировка текста. Способов кодирования кириллицы в Юникоде, как известно, два, и, если их перепутать, связный текст превратится в некрасивый отечественный аналог *lorem ipsum*.

Отсюда растёт одна из магистральных проблем романа: проблема непонимания. Перед героиней — девочкой без имени — с одной стороны лежит мир вещей и знаков, с трудом поддающийся дешифровке, а с другой — мир людей, который мог бы дать ключи к шифрам, но беспрестанно от неё отгораживается: безразличием взрослых и непониманием сверстников.

«<...> я уже знаю, как буквы складываются в слова, меня Баба научила по псалтырю. Жаль только, что я не понимаю этих слов, лишь некоторые. Как

и пения девушки на хорах. Потому что это польские слова и написаны не такими буквами, как "ларёк", "хлеб" и "сувениры". Я не умею читать "ларёк", "хлеб" и "сувениры", я просто откуда-то знаю, что на магазинах по дороге в костёл написаны эти слова. Я умею читать слова в Бабином молитвеннике, но не понимаю, что они означают».

В речи героини каждая вещь и каждый персонаж постоянно отбрасывают веер теней-значений, всё и всех можно «прочитать» разными способами. Этот метод так же приводит к головокружению, как долгий взгляд на фотографию с множественной экспозицией или наложенные друг на друга несколько прозрачных слайдов с разными изображениями. К счастью, есть отрывки чёткого, не двоящегося повествования. К несчастью, они делают больно иначе. Это эмоциональные взрывы — моменты прямой речи призраков, которые приходят к героине в сны и пугают её наяву. Соответственно, любой резко очерченный момент без двойственности толкований — момент чьей-то гибели. Личная человеческая память почти всегда милосерднее, чем эпизоды, которые призраки каждую ночь показывают через героиню — нам. Милосерднее, потому что сохраняет обычно клочки, обрывки страшного, без осознания картинка целиком. А когда есть и повествователь, и наблюдатель, приходится видеть больше.

Я поймала Побяржину на книжном фестивале и немного расспросила.

Хелена рассказала об обратной связи от первых читателей: все ждали, что её героиня вот-вот «разговорит» призраков, от которых бегают наяву и которых (безуспешно) старается выгнать из своих снов. Кажется, это потому, что мы — читатели — привыкли к наблюдатель-лю-функции, достаточно сильному (или лишённому воли), чтобы досмотреть любую жуткую сценку до конца.

Героиня Побяржиной выбирает не смотреть и не слушать. Одновременно с ней автор выбирает всё-таки возвращать имена, вспоминать всех. Здесь стоит сказать, что христианская традиция поминовения усопших (называния, перечисления имён) включает в себя неременную просьбу о покое. Параллель «не помянуты — не упокоены» прямо, вот этими самыми двумя словами, не проговорена в самом романе, но неизбежно приходит в голову любому жителю Европы (специально не говорю «христианину», потому что эти знаки въелись в реальность далеко за пределами всех ответвлений христианства), оказавшемуся на кладбище или на заупокойной службе.

Есть, впрочем, ещё одно промежуточное звено между «вспомнить» и «подарить покой». Это звено — оплакать. И здесь мы подходим, наконец, к тому, зачем в этой битве автора, насылающего кошмары, и героини, пытающейся от них убежать, вообще нужен третий, то есть читатель.

Дело в том, что горевание — взрослая работа. Плакальщица —

фигура женщины, нечто пережившей. Само умение оплакивать — признак зрелости. Девочка, пока не вырастет, на такое просто не способна. Она чуткий инструмент, транслятор и свидетель. Причём свидетель достаточно беспристрастный, потому что эмпатия — тоже механизм, полностью формирующийся уже у взрослого. Не оплакивает тот, кто не сочувствует, не сочувствует тот, кто не терял. Всё логично.

Согласно такой логике, «Валсарб» — не только роман о механизмах памяти и горевания, но и роман взросления. Какое оно — это взросление? Прежде всего — одинокое. Как и положено, потому что опыт бывает только личный. На чужих ошибках учатся только люди эмпатичные, то есть взрослые. Ошибка — это промах. Промах — это потеря. Значит, чтобы вырасти и начать учиться на чужих ошибках, нужно пережить череду личных потерь. Здесь нас подстерегает тот факт, что потери могут случиться и не по вине человека (самые страшные из них действительно так и случаются). Кстати, вина — тоже довольно взрослое чувство. По крайней мере, более взрослое, чем страх.

В мире детства вообще очень много страха и непонимания. Поэтому дети очень устойчивы и к тому, и к другому. Поэтому девочка может отвернуться от призраков, пробежать мимо, отказаться их слушать. Поэтому роман заканчивается там, где героиня выросла и научилась оплакивать. За пределами текста она сможет плакать о личных

потерях — младшей сестре и деде. В пределах текста остаётся только детство, в котором оплакивания нет: есть только ошеломлённое молчание над свежей могилой. Это состояние длится весь роман: тёплые, нарочито ностальгически прописанные моменты детства как калейдоскопа вещей и империи неразрешённых загадок двоятся и толпятся по краям моментов гибели «бывших людей», как двоится граница зрения у того, кто плачет над мёртвым (в нашем случае плачут читатели).

Ещё один важный момент: героиня растёт, а её словарь и любимые игры в слова-перевёртыши не меняются. Легенда о нимфе Мирсине дана на первых пятидесяти страницах и нагоняет нас на последних тридцати. Слова, прочитанные задом наперёд, и перескоки с кириллицы на латиницу тоже остаются с нами вплоть до финала. Но при этом в романе есть ощущение взросления. Как так?

События нарастают, время уско-

рывается, в оцепенение невольного свидетеля вплетаются ужас, гнев и боль собственных потерь. Детские страхи изгоняются взрослой болью: «Нет больше ночных призраков на сонных дорожках по пути в уборную, я их прогнала. Велела выметаться. Запретила появляться в моей комнате. Бросила. Отреклась. Сняла с себя ответственность. Бог не есть Бог мёртвых, но живых, ибо у Него все живы. Вот пусть Он ими и занимается. К тому же, если сам Бог — умер, разве кто-то другой имеет значение? Разве что-то другое имеет смысл?»

За пределами текста, в традиции, с которой невольно знакомы все читатели «Валсарба», пока он не переведён на другие языки, ответ на заданный в цитате вопрос лежит на поверхности другой цитаты. Значение имеют слова. Потому что бог не только умер, но и воскрес, а история об умершем и воскресшем боге начинается так:

«В начале было Слово».

Полина Угарова

Выпускница филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, магистрант филологического факультета НИУ ВШЭ.

ВСЁ И БЫЛО ИНАЧЕ, ЧЕМ БЫЛО

(Веденяпин Д. Что Париж — бери выше. — М.: ОГИ, 2020. — 70 с.)

112

«Что Париж — бери выше» Дмитрия Веденяпина, вышедший в ОГИ в 2020 году, объединил в себе стихотворения 2018–2020 годов. Название сборника сразу задает определенный горизонт ожиданий, определенную планку. Несмотря на то, что перед нами уже зрелый автор с устоявшейся поэтикой, в новом сборнике — утверждение динамики и преодоление жанровых и языковых границ. В стихотворении, открывающем книгу, заявляется поиск новой оптики, сопряженной с движением вверх. Лирический герой хочет быть шаром, который может

*Взлетать и смотреть на жужжащих
В открытых быстро и ресто́.*

Многочисленные насекомые, встречающиеся в сборниках Веденяпина, в этой книге подчеркнута становятся жителями неба и воздуха, оставаясь при этом символическими составляющими «автомифа», о котором писал Владимир Коркунов¹. Высота и полет как желанная возможность смены перспективы, доступная бабочкам, стрижам, ласточкам, осам и другим насекомым, — один из основных лейтмотивов сборника.

Постепенное развитие и нагнетение темы движения вверх выкристаллизовывается в строку:

*Главное ж, как обычно, происходило вверху:
Там, где порхала летучая мышь и выше.*

Название, таким образом, получается многозначным: оно не только манифестирует продолжение творческого поиска, но и фокусирует читательское внимание на чем-то более важном и неуловимом, что находится как бы «над»: над городским пространством — эксплицитно, над миром вещей — символически. И задача поэта в том, чтобы как раз «взять выше», чувствуя то заявляемое «главное», как это делает лирический субъект стихотворения «Озон. Рождение слова»: он вдыхает озон (= разлитое в воздухе невыразимое), и выдыхаемый воздух приобретает осязаемую форму, становится словом. Воздух мыслится как свободное пространство эйдосов, и сама муза неподвластна зрительным органам чувств — ее можно только осязать, она превращается в воздух:

*Ее лица не видел я,
Лишь чувствовал ее дыхание.*

Слово «эйдос» использовано неслучайно: в одноактной пьесе «А и Б сидели на трубе» в первой же реплике заявляется «платоновский диалог». И в этом же тексте сформулирована основная проблема всего сборника, заключающаяся в «тягостном чувстве несоответствия слов как таковых той реальности, которую они якобы представляют». Обычные слова «стареют — это факт», их сочетания перестают отвечать творческой задаче, болезненно ощущается изнашиваемость языковых средств, что обуславливает постоянный рефрен этой темы: «*В просторной*

комнате из слов / На удивленье мало слов», «Аз, освоив все буки, споткнулся на твердости слова / И с наказом постичь мирозданье пока не выходит». Литература не приемлет не-искренности и не-натуральности слов, поэтому герой последнего стихотворения не может читать А.Н. Толстого: «когда же наконец закончится / этот жуткий выдуманный язык, / а он все не заканчивался и не заканчивался. Я не выдержал и бросил».

Поиск верного слова сопряжен с традиционным для живущего на несколько стран Веденяпина использованием иноязычных вкраплений, что напоминает попытку ребенка-билингва что-то сообщить этому миру, который при этом не осознает, что смешивает слова из разных языков. В личной беседе автор упоминал, что прибегает ко всем известным словам и выражениям, однако это не совсем так. Более того, он не только орнаментально вплетает заимствования в ткань своего текста, но и трансформирует язык, изменяя ставшими классическими строки Верлена: «*Il pleure dans mon cœur...*» в «*On pleure dans mon cœur...*». Русский язык, пусть и с привлечением разных пластов лексики (например, архаизмов типа «зане», «абие» и тому подобное), не может в одиночестве справиться с поэтической задачей, о чем говорит лирический субъект в стихотворении «С пустой корзинкой», которое предваряется эпиграфом, состоящим из одного слова «*yet*»:

*Лес в полосках верже
Весь светился то ярко, то слабо,
Как еще и уже —
Англичанка меня поняла бы.*

В русском между «еще» и «уже» нет такой сложной взаимосвязи, как в английском, где значение будет зависеть не от формы слова, а от других факторов, что актуализирует тему несходства сходного, о которой писал Шкловский².

Выбор языковых средств — постоянный предмет рефлексии, совершающейся прямо на глазах читателя. Во многих стихотворениях сборника находим буквальную попытку обнажения приема, попытку поправить себя на ходу, позволяя читателю стать соучастником творческого процесса. Герой осознает неточность слов, но пока он не может по-другому: *«Сверкали зарницы — мне кажется, о / (Да что значит „кажется“ — точно!) / О Боге, конечно — о чем же еще?!», «Разве я виноват, что родился и вырос в Москве — / Тот еще оборот (я про это „родился и вырос“), «Складываются их судьбы, разбиваются их сердца, / Слагается (странное слово, да?) их счастье», «Нет, получился какой-то Бунин, начинаем еще раз: / Ветер смял занавеску. / Ты, оглянувшись, крикнула мое имя. / Жить оставалось вечно. // Нет, еще раз: справа пихты и сосны», «Куда выходит эта дверь? / Не знаю даже. / Смеркается — ведь так теперь / Никто не скажет. // Для тех, кто чувствует родство / Вот с этой рощей, / „Темнеет“ тоже ничего, / Но как-то плеще».*

Преодолеть исчерпанность слова, создать настоящую поэзию, которая будет «речью помимо слов», можно, если, как герой одного из стихотворений, самому «стать музыкой». Это как бы растворение в чистом искусстве позволяет «взлететь под своды», в небо, где живут птицы и насекомые и откуда как раз можно увидеть «главное».

Однако «Что Париж — бери выше» пока только обозначает проблему. Вероятно, осознание необходимости в точном выборе слов может привести к трансформации художественной манеры, но в целом перед нами все тот же Веденяпин, который пока только предчувствует создание нового языка и останавливается на этапе обнажения приема.

Формально сборник выстроен, как и предыдущие книги: он представляет собой полижанровое образование (традиционные рифмованные стихотворения, верлибры, одноактная пьеса, палиндром и так далее), многие тексты были опубликованы в фейсбуке и на других платформах, но функционирование как одно художественное целое призывает читателя увидеть между стихотворениями новые объединяющие линии: в сборнике 2020 года это постоянная рефлексия над используемыми словами.

В целом в книге получают свое развитие мотивы, на которые указывали В. Коркунов и И. Дуардович в рецензиях на предыдущие сборники. Тема детства

и сопряженной с ней ностальгии всё так же значима, в стихотворениях встречаются имена, уже знакомые по прошлым книгам. Одушевленная природа переживается как через непосредственный детский опыт, так и через опосредованный — стихотворный, отсылающий к мировой поэзии. И создается ощущение, что внимание приковано не к предметам и материальным вещам, а к щелям

между ними («Вопрос один, да даже не вопрос — / В протуберанцах нерожденных звезд — / А нечто между ласточек и ос — / Сгоревших солнц и разоренных гнезд — / Ответ, да даже не ответ, как муха, / Просверкивает — вжих — и тишина — / Едва, но все же различимый на / Периферии зрения и слуха»), наполненными — пока — чем-то невыразимым, чему впоследствии суждено обрести форму и стать словом.

Примечания:

1. Коркунов В.В. Между детством и вечностью // Знамя. № 6, 2016.
2. Шкловский В.Б. Тетива: О несходстве сходного. — М.: Советский писатель, 1970. — 376 с.

НЕЗАМКНУТОЕ КРУЖЕНИЕ

(Першин А. *Общий язык: Книга стихотворений*. — М.: СТУХИ, 2021. — 48 с.)

Сборник Андрея Першина объединил стихотворения, написанные в 2007–2021 годах. Их встреча на страницах «Общего языка» дружественна: в сборнике нет старых и новых стихотворений, все они живут здесь и сейчас.

Немногостишия будто прикреплены к странице французской булавкой — лишь бы не разлетелись до того, как читатель их увидит! — и легко переходят в многомерное пространство. Траектория движения — вслед за поэтической строкой, по незамкнутому кругу. В момент, когда круг вот-вот сомкнется, последняя строка растворяется в воздухе. И вот, после паузы-созерцания, поэтическая воля запускает новое кружение. Интонационный контур

Алевтина Бояринцева

Литературный и музыкальный критик,
журналист, педагог.

строк — это множество «возможно» и ни одного «категорично». Интонация слышна, но не уловима: все акценты остаются за пределами строк.

Заботился ли поэт о звуковых модуляциях и стыках конкурирующих согласных? Иногда интонационная идея оказывается настолько яркой, что метафорическая «музыкальность» становится музыкальностью вполне реальной — вплоть до ощущения звуковысотности, тональности:

*протяни свое лето
на гибкой ладони
задержи этот вдох
или запах медвяный*

В этом музыкальном стихотворении есть главный звукообраз — тянущийся «и». Само дление яркого, звонкого гласного (не зря вокалисты любят его) совпадает со значением главного глагола — «протяни». Все стихотворение, как лейтмотивом, пронизано «и»: «гибкой», «раздари», «исповедь», «простит», «подхватит». И вот уже кажется, что все оно звучит в Ми мажоре — одной из самых радостных, звонких тональностей. Благодаря композиторскому отношению к фактуре слова, краске звука, автор создает иллюзию музыкального бытия текста — играя с тональностями, меняя темп, утверждая в репризе любимый Ми мажор:

*протяни в никуда
и за это
за это <подразумевается замедление и фермата, то есть остановка — А.Б.>*

*твое лето простит
и подхватит тебя <музыкант услышит, как мелодию поддерживают два аккорда - доминанта и тоника — А.Б.>*

Волевое авторское решение — не бояться встречи со своим голосом. Еще большая смелость — слушать звучащее пространство:

*то-то мне достался голос
изумленный
сам не свой
<..>
не могу же я без
этих песен и шума вести разговоры*

Стихотворения Андрея Першина не отшельники в художественном пространстве — они общаются с мировым «собранием лирических стихов», но сдержанно-этикетно, избирательно. Это отражение кодекса диалога поэта и искусства. Автор, казалось бы, открыт к очень непохожим явлениям в живописи, литературе, художественной фотографии. Однако открытость остается пристрастно избирательной. Из Лермонтова, к примеру, припомнен образ паруса — без живописных излишеств, только карандашом:

*когда бы ветер так шумел
то мог бы разве колебаться
просторный парус
не удел*

От лермонтовского «Они любили друг друга» (вольный перевод Гейне) тянутся соединительные нити к немногостишию:

*могли же понадеяться они
влюбленные тоскующие эти
так долго пребывающие в пути —
соединит их что-нибудь на свете!
(«в собрании лирическом стихов»)*

Свободные, но деликатные вариации на тему Александра Блока — еще одна нелинейная форма общения с поэтом другого времени. Ставший классическим образ-топос «ночь, улица, фонарь, аптека» представлен Андреем Першиным в мифологическом отражении. Тьма, рифмующаяся с бессмысленностью в блоковских строках, в вариациях рифмуется с таинственностью:

*голые тысячи фонарей
будто бы тысячи лет
не освещают дороги всей
не открывают бед*

*не потревоженный их покой
все-таки весь разъят
где безымяннее тьмы ночной
сотни существ глядят*

Игры с числом так же стали способом варьирования блоковской темы: фонарь отразился в тысячах зеркал, четверть века превратилась в тысячелетия. Многозеркалье проступает и в отказе от личного, единственного, числа. Александр Блок использует формулу «я = ты»: «живи», «умрешь», «начнешь». В вариациях же «я» и «ты» нет: есть множества. В них отрицание имени («безымянность») — это утверждение отсутствия.

Блок предлагает осознать трагичность повторяемости, безысходность круга («исхода нет», «и повторится все, как встарь»). Но в последней строке с ее нарушенной инверсией («аптека, улица, фонарь») он вдруг выходит из придуманного им круговорота, как выходят из игры. И в вариациях Андрея Першина блоковское

«повторение, как встарь» остается несбывшимся пророчеством. Здесь predeterminedный сценарий жизни: «все-таки весь разъят». Незамкнутость круга для поэта не тайна, и он не окутывает ее дымкой метафорических приемов. Но Андрей неравнодушен и к тайнописи. Его строки могут быть красиво-странными, намеренно загадочными. Их чтение напоминает поиск кода незнакомого языка. Если код не найден, иллюзию понятности создадут интонация-жест (абрис, воздушный контур), отточенные рифмы. Интересно то, как автор подсказывает читающему, что перед ним — текст-энигма. Он сталкивает высокое и обычное, категоричное и неуловимое, привычно правильное и «так не бывает»:

*кто чем смиряется
легко
заката угли розовеют
парное пахнет молоко
теленоч прочно тянет шею*

*теперь стратегии простой
обнимет устное лекарство
не соревнуются душой
не победит непостоянство*

Из чего выросли стихотворения этого сборника? Из совпадений ощущений и слова. Ощущений полимодальных. В них всё: цвет (и бесцветие), звук, прикосновение, аромат, вкус (без горечи, с морской солью). Ищет ли поэт слова или они находят сами?

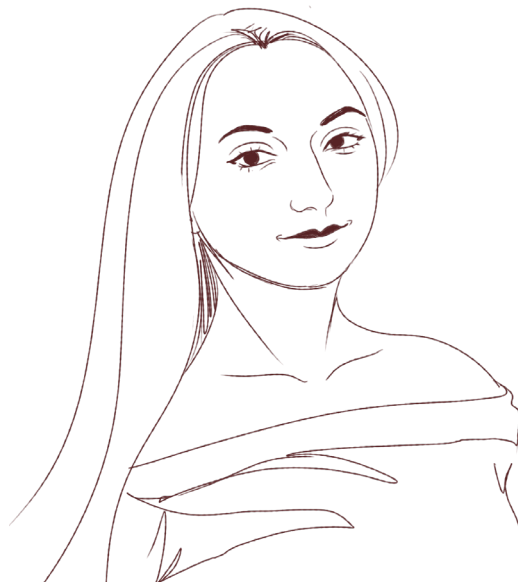
*нет у слова немой окраины
потому и живут не зря*

ПЛАНИДА ПОСТМОДЕРНИСТА

(Бычков А. *Лучше Ницше, чем никогда*. — СПб.: Алетейя, 2022. — 300 с.)

«Лучше Ницше, чем никогда» — сборник эссе, рецензий, интервью Андрея Бычкова, а также его воспоминаний о Мамлееве, Хоружем, Яркевиче. В довесок — несколько рецензий «несомненных», как пишет главред «Алетейи» Игорь Савкин, «в культурном сообществе фигур» (Мамлеев, Малявин, Яркевич и др.) на прозу самого Бычкова. В разделе «Антропологическое письмо» скрываются нетривиальные лекции о «Мысли» Андреева, «Даме с собачкой» Чехова, «Ревизоре» Гоголя и «Возвращении Чорба» Набокова. Авангардный прозаик, эссеист, лектор, психотерапевт, физик — в сборнике эти лики Бычкова сплелись воедино. Многотонный культурный багаж, включающий европейскую философию XX века, древнегреческую философию, наследие буддизма и даосизма, — всё это расцветывает эссеистику особыми красками, превращая автора в пусть и незримого, но эрудированного и оригинального собеседника.

Согласно устоявшимся ритуалам в литпроцессе, чтобы написать рецензию на нон-фикшн, следовало бы вооружиться каким-нибудь обрывком изречения Фуко, Делеза, на самый худой конец, Набокова или Хайдеггера. После хорошо бы развить весьма пространную мысль, с тем чтобы попутно обволакивать ею изречения рецензируемого.

Дарья Тоцкая

Прозаик, литературный и арт-критик, искусствовед, художник. Проживает в Краснодаре. Окончила СПбГУКИ (2012). Шорт-лист независимой «Русской премии» (Чехия) за роман «Море Микоша». Победитель конкурсов критики «Эхо» и журнала «Волга-Перископ», конкурса эссе журнала «Интерпоэзия». Картины выставлялись в ЦДХ в Москве, в Словакии, Румынии, Украине, Венгрии, Сербии, Болгарии.

Обмотав автора всякой чужеродной смысловой ветошью наподобие мумии, закончить всё следует на патетичной ноте. Но пушить павлинокритический хвост скучно, так не лучше ли пуститься в свободный полет?

Сборник «Лучше Ницше...» — это такой метатекст, разросшийся, как гриб, за пределы текста и поглотивший автора (впрочем, как гриб может поглощать? Разве что как в сериале «Ганнибал»)

и почти насильно сделавший его своим героем. Герой — «печальный демон», обреченный наблюдать то, что наблюдает, — потому что совесть и тяга к справедливости не позволяет ему отвернуться и сделать вид, что ничего такого не происходит. «Справедливости больше нет, но разговоры о чем-то таком остаются», — с игривой легкостью, как умеют разве что женщины (и Флобер), Бычков пишет о падении нравов. «Премиальный писатель как отличник. Он отвечает на уроке, что хотят от него учителя». Оскар Уайльд, аплодирует, не снимая перчаток. «Литературная революция невозможна. И остается только горький, отчаянный нигилизм». Ницше сочувственно всплескивает руками, уподобляясь отрешенным святым на картинах Эль Греко.

Ницше нужен Бычкову для того, чтобы водрузить его, как знамя, на пику, которой он соберется колоть литературную посредственность и обыденность. Принял шаблонное решение в искусстве — проиграл вечности. Если Мария Корелли в «Скорби Сатаны» держалась за выдуманного ею «немассового писателя» Джеффри Темпеста (он позволял ей показывать изнанку издательского бизнеса тех лет и механизмы популярности ремесленнической, массовой литературы), то в случае Быčkoва Джеффри Темпест — это сам автор.

Но как только речь пойдет о философии, Ницше будет Бычковым оставлен на пройденных ступенях: «В конце концов, кто кого выдумал, Бог человека

или человек Бога, может быть и не так важно». Современная психология очень хочет подобраться со своим инструментарием к фигуре Бога, рассматривая его как абсолют, человеком выдуманный, а значит, характеризующий самого человека. Психологию как науку отличает состояние относительной молодости, хаотичности границ, в которых пока еще возможны смелые и нетривиальные открытия. И этим она напоминает Искусство. Симбиоз психолога и прозаика в одном лице многообещающе хотя бы потому, что психолог (как, впрочем, и настоящий прозаик), не бежит от неудобных вопросов, чтобы невротически нравиться всем.

«Смерть — это прежде всего образ, образом она и остается», — цитирует Бычков француза Башляра и добавляет: «Образ — это след смерти». Мало кто захочет в современном мире погружаться до таких глубин и осмыслять смерть — «существо» страшное, неудобное, мешающее назойливой мухой очередным материальным целям индивида. Даже если эти размышления приведут к ответу на фундаментальный вопрос «что есть человек». Ведь как было у шумеров: по образу «первых богов» Тиамат и Апсу были созданы «вторые боги», принявшие главой Мардука, но «первых богов» знатно раздражавшие своими нравами; а люди уже были созданы «вторыми» из тела «первых». Кто-то увидит в этом всего лишь «сказку» о стычке богов, а кто-то прочтет о противостоянии зародившегося сознания

и бессознательного, ждущего своего часа, чтобы поглотить все. Выходит, это история и о смерти, и об устройстве психики — но скольким эти двери откроются?

Да, при чтении любых текстов Бычкова, будь то проза или эссеистика, приходится расчехлять либо гугл, либо собственный культурный багаж. «Попсовых хитов» и «фейерверков» для привлечения внимания у Бычкова нет, ведь только массовая литература прыгает вокруг читателя, как нянька в детском саду — у литературы с «дверями» другие повадки.

«Бэкон хотел написать Распятие. Но так и не написал. Божественного человека больше нет», — говорит Бычков. И здесь стоит держать в уме многочисленные триптихи Бэкона, озаглавленные «Три этюда для распятия», «Три фигуры у подножия распятия», etc. Бэкон действительно не написал распятие и Христа. Художник лишь упоминал его в названиях, по факту же оставил только густой фон цвета крови, хаотичную перспективу, как в закоулках бессознательного, и кричащих, потерянных существ-чудовищ. Они выглядят так, будто Бога и нет, и спасение человечества невозможно.

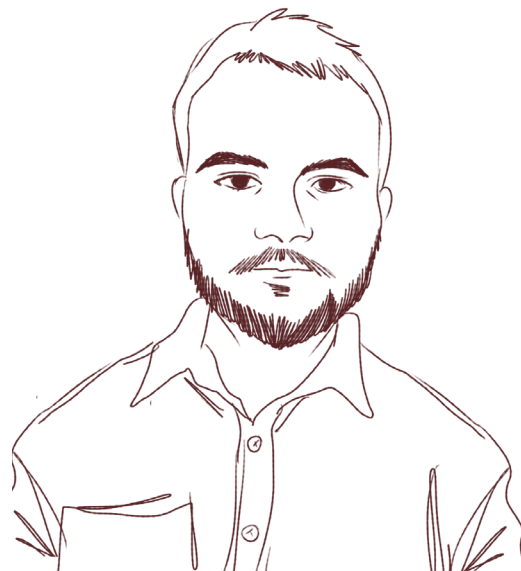
«И эта пустыня цвета бордо — бардо — где тебе уже мстят еще до твоего рождения», — описывает свои впечатления Бычков (Бардо — состояние промежуточности между чем-либо в буддизме). Не мог написать такие работы творец, верящий в справедливость бытия. «Все люди, которых я любил, мертвы. Но думаешь о них не переставая: время не лечит», — отмечал Бэкон. — «Я не припоминаю ни одного дня своей жизни, когда бы не думал о смерти». Видел ли автор записки Бэкона или же поддался интуитивному порыву — душевное состояние художника он разгадал, эта дверь ему открылась.

Где-то за изнанкой холста, там, куда не доплескивается гнетуще-бордовая краска, распивает французские вина матричный детерминист и сандист Меровинген. «C'est bien, Monsieur Vuchkov», — произносит он, держа книгу высоко, прямо перед глазами, ведь должность de facto менеджера вселенной заставляет его принимать именно такую позу. Будто побывав на подобных приемах и зная, что он здесь не один, о будущем Бычков говорит скромно: «В планах нет планов, лишь попытки»...

КАР-КАР. О СПЕКТАКЛЕ «ВОРОН» В АЛЕКСАНДРИНСКОМ ТЕАТРЕ

В запоздалых открытиях есть своё удовольствие. Они особенно ценны в театре, во многом подчинённом диктату премьеры. Рецензии пишутся по горячим следам и неминуемо вплетают спектакль (да и себя вместе с ним) в конкретный временной фон. С премьеры пройдёт полгода, критики отметятся на страницах газет и журналов и начнут новую гонку за оригинальное и своевременное высказывание. Покрывшиеся пылью, дремлют на полках и интернет-страницах заметки, а спектакли продолжают жить — иногда уже совсем не похожие на себя прежних. Ещё более не похожим на себя становится время. Следы остывают, покрываются снегом и грязью, и где тот несвоевременный критик, что обновит их своим дырявым ботинком или вовсе пойдёт новой дорогой к старому месту, пренебрежительно сплёвывая по пути на едва различимый контур чужого башмака?

На спектакль «Ворон» в Александрино я опоздал на семь лет. Проворонил. Ещё дольше находился я в неизвестности относительно творчества Николая Рощина. Новое и неожиданно приятное знакомство подарил случайный приезд в Петербург. Опыт неофитского, девственного и к тому же запоздалого смотрения на спектакль кажется любопытной точкой входа для его анализа, задаёт чистоту эксперимента. С одной стороны, будучи зрителем спектакля

Илья Дударенко

Выпускник театроведческого факультета ГИТИСа. Сфера интересов — история русского авангарда, теория кино, исследование перформативных практик.

с позиции *tabula rasa*, не имея никаких предшествующих представлений ни о деятельности режиссёра, ни об отзывах критики, я имею возможность поговорить о «Вороне» с феноменалистской точки зрения. С другой стороны, познакомившись задним числом с рецензиями, сопровождавшими премьеру спектакля, я обрёл своего рода незримых оппонентов, диалог с которыми интересно вести через временной зазор, разделяющий нас и наше восприятие. Проводя такого рода рецепцию рецепции, я нахожусь в изначально более удобной позиции: у критиков из 2015-го нет ни моей временной дистанции, ни возможности мне ответить.

Словом, сложилась идеальная ситуация для того, чтобы обернуть свой скудный зрительский опыт себе же на пользу.

Выбрав для постановки не самую популярную из фьяб Гоцци, Рощин будто бы изначально стремится отгородить свою работу от всего общепринято «гоцциевского». От куда более известных и до сих пор частых на театре «Турандот» или «Любви к трём апельсинам» навязчиво тянется шлейф карнавальности и импровизационности. Конечно, это корневые интенции для комедии дель арте, с эстетикой которого неразрывно связано драматургическое наследие великого венецианца. Но именно эта неразрывность, непреложность связки, кажется, настояживает режиссёра и побуждает его идти по иному пути в работе с пьесой. Рощин желает вычистить гоцциевский тип театральности от всех коннотативных наслоений, чтобы обнаружить под ним главное — Театр, отражающийся в собственном зеркале.

Линия на игру с традицией намечается уже в открывающей сцене спектакля. Вступительное слово даётся мнимой наследнице Гоцци (Мария Лопатина), которая на намеренно вычурном итальянском лопочет из ложи бенуара бюрократические идиомы о родстве итальянской и русской культуры, о важности продолжения этих традиций в «столь сложное время». Красный атлас её платья и гротескная манерность подачи — объекты напускной театральности, а сама она — смутный призрак

былого театрального аристократизма, неслучайно появившийся в бывшей императорской ложе. По отношению к монохромному мраку сцены, строгим смокигам и уродливым маскам героев спектакля эта дальняя родственница Гоцци смешна и избыточна. Она лишь мешает начаться Театру, поэтому зрители и персонажи пренебрежительно слушают её вполуха, с нетерпением желая приступить к главному.

А главное только раскрутит волчок тотальной игры. Но здесь, видимо, не избежать дежурной и скучной ремарки с кратким описанием сюжета. Отдавая дань замшелой рецензентской традиции, позволим себе, подобно режиссёру спектакля, обращаться с ней вольно и бесцеремонно, поскольку она, как и дама в атласном платье, лишь отдаляет нас от сути. Итак, компилятивный пересказ фьябы Гоцци «Ворон». Авторы: Алёна Карась¹ («Российская газета»), Татьяна Джурова² (журнал «Театр») и Илья Дударенко (публикуется впервые). Кто где — разбирайтесь сами, если это вообще может кого-то интересовать: *Сказка о двух братьях, один из которых (Дженнаро) поехал за невестой для другого (Миллон), чтобы спасти того от страшного заклятия, наложенного при убийстве ворона. Дженнаро в поисках девушки, чьи щеки белы, словно мрамор, волосы черны, словно вороново крыло, а губы алы, словно кровь, находит красавицу Армиллу, дочь колдуна Норандо, и похищает её у отца. Помимо Армиллы, Милон раздобыл для брата*

коня и сокола для охоты. Позже призраком возвестит проклятие Норандо Миллону — воплощённое в коне, соколе и Армилле, и Дженнаро — тот, напоминая, должен будет превратиться в камень, если откроет Миллону правду о дарах.

Незатейливый сюжет о роке, возмездии и сказочном примирении противоборствующих сил Рощин, предпочитая взять на себя и сценографическую работу, оформляет в конструктивистском стиле. В просвечивающих балках и перегородках узнаются контуры корабля и замка, массивная машинерия непрерывно двигается, собирая то один, то другой пространственный конструктор. Всё это неминуемо толкает на рифмы то с татлинской башней, то с его же театральными работами. Но то, что у Татлина и конструктивистов было большой художественной и социальной идеей, становится у Рощина намеренной имитацией, поминально-шутливой рефлексией по всему русскому авангарду — эпохи грандиозных открытий, которые нынешней реальности остаётся только десакрализовывать. Оттого так долго и неприкрыто от зрителя статисты двигают туда-сюда декорационные машины. Пенсионно скрипят колёсики да постукивают балки — действие замирает, отдавая честь Театру, играющему в самого себя.

Помимо конструктивистских эманацій, были в спектакле и гигантские чудища, и призрак служанки с отрубленной головой, грациозно разбрыз-

гивающий кровищу из шеи, и вообще много-много крови. От тарантиновской жестокости не было жутко, от крови пахло клюквенным соком, а от внутренностей убитого из пушки коня — бутфорским пластиком. Но так и нужно, ведь Театр внутри спектакля всё больше бунтовал, желал жить своей жизнью без оглядки на меры и приличия. Отсюда напыщенный гигантизм визуального оформления, непрерывные залпы пушек, неприкрытая кровожадность. Театр, как маленький ребёнок, впервые оставленный без присмотра, упивался своей свободой: «И так могу, и это тоже умею».

И вот тут самое время вернуться к моим оппонентам из 2015-го. В те годы российский театр ещё не был столь захвачен визуальными фокусами, сколь сейчас, когда визионерские экзерсисы задавливают актёров в каждом втором спектакле, становятся сценической доминантой, редко согласующейся с общим замыслом высказывания. И вот тогда Рощину хоть и раздавали поклоны за давно не виданный визуальный размах (даже дали художественную «Золотую Маску» за «Ворона»), но при этом не избегали намекнуть на «избыточность и неисправимый маньеризм» (Григорий Заславский). Критика здесь предвосхитила надвигающуюся театральную тенденцию на бесплодный оптический бум, но поторопилась с выбором конкретной мишени. Дух тотальной самоупивающейся игры в Театр, кажется, так и не был до конца замечен критикой,

то ударяющейся в трактовку аллюзий, то тщетно ищущей в спектакле басенную мораль. Хотя тот же Заславский весьма точно уловил в «Вороне» атмосферу детской шалости, но не признал её главным сценическим законом: «<...> спектакль в какой-то момент напоминает игру в войнушку двух малышей-фантазеров, где на очередную выкидку неприятеля соперник мгновенно придумывает что-нибудь свое: а у меня — сто пятьдесят сиксилионов стозарядных пушек! а у меня — реактивный космический звездолет с оптическим прицелом и миллионом атомных боезарядов!»³.

Дополнительный аргумент в защиту роцинских визуальных экспериментов обнаружится в череде актёрских успехов в «Вороне». Артисты не съёжились под громадностью сценографии и не растворились под орчьими масками. Последнее, пожалуй, даже более показательно. Маска — единственный намёк, оставленный Роциным на дель артовскую эстетику, и ещё один модус игрового существования. Она же — торжество имперсонализма, обнажённая театральность. Дженнаро — героико-самоотверженный у Гоцци, в исполнении Тихона Жизневского оборачивает свой пафос в ироническую тональность, патетически отставляет ножку и поднимает голову вверх, купаясь в красавости своих реплик и искренности своих намерений. Доблестный в гоцциевской сказке Пантalone, верный слуга Дженнаро, на сцене

Александринки трансформируется в Панталону — шутовскую женскую роль, виртуозно исполненную Еленой Немзер. В её лице маска нашла редкого союзника, играющего не вопреки личине, а сливаясь с ней, и именно в этом слиянии становящегося собой. Пик её буффонного бенефиса пришёлся на тот момент, когда спектакль окончательно высвободился из пут каких-либо связей с гоцциевским оригиналом. Недовольная наследница Гоцци, протестующая против того, что всё пошло не по сюжету, была выкинута из спектакля самими персонажами. И вот тогда, в сцене свадьбы Миллона и Армиллы, Панталона-Немзер затянула блатной, чужеродный текст, чудовищно раблезианский, но до колик смешной монолог про «слёзы и дерьмо».

Роцин хорошо понимает, что освобождение потаённых сил театра невозможно без актёрской свободы. Хотя ему явно близка техника марионеточного актёра, ведь Армиллу — такую невозможную и недостижимую — он делает именно куклой, уродливой и не говорящей ни слова. «Марионетками» под властью волшебника Норандо (Игорь Мосюк), единственного безмасочного персонажа, в конце спектакля станут и остальные герои. Норандо у Роцина оборачивается своего рода резонёром — воплощением воли художника-демиурга и, в конце концов, самого Театра, теперь способного самостоятельно решать, в какой момент ему пора заканчиваться. Рядом

с Миллоном, рыдающим над окаменевшим братом, Норандо появляется одновременно как *deus ex machina* и как браток-решала из 90-х. Он разговаривает ультиматумами, а персонажи покорно повинуются его словам. По Норандо, всё проще простого: надо замкнуть круг мщения и грохнуть Армиллу (на секундошку, его дочь). «Да запросто», — отвечает обрадованный Миллон и льёт бутафорскую кровь из распоротой шеи жены на каменную глыбу. Спектакль заканчивается — Театр наигрался.

В «Вороне» Николаю Рошину удалось то, что на самом деле удаётся не многим из современных режиссёров. Очевидная постмодернистская интенция спектакля не обернулась депрессивным собиранием обломков былой культуры, как не обернулась десакрализация

разного рода театральных традиций бунтарским опрокидыванием памятников. Приёмы эти, напротив, послужили созданию глобального игрового пространства, в котором, подобно лучшим образцам русского авангарда, «всё входит во всё, всё переплетено со всем и всё восстаёт на всё»⁴.

И всё же в запоздалых открытиях есть своё удовольствие. Сомневаюсь, что, посмотрев «Ворона» в уже кошмарно далёком от нынешнего времени 2015-м, мне бы дышалось на нём так легко и смеялось так громко, как в 2023-м. В этой дадаистской несерьёзности крайне нуждаешься именно сейчас, в эпоху сгущённых туч и засилья серьёзных, высоколобых или, о ужас, злободневных спектаклей. Такая детская игра в Театр находится по ту сторону свободы и отчаяния.

Примечания:

1. В Александринке сыграли премьеру сказки Гоцци // Российская газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rg.ru/2015/10/13/voron.html> (дата обращения: 22.01.2023).
2. Добро пожаловать в пустыню чудесного // Петербургский театральный журнал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ptj.spb.ru/blog/dobro-pozhalovat-vpustynyu-chudesnogo/> (дата обращения: 22.01.2023).
3. Николай Рошин не смог скрыться за масками // Независимая газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ng.ru/culture/2016-04-07/8_roshin.html (дата обращения: 22.01.2023).
4. Гирин Ю.Н. Картина мира эпохи авангарда. М.: ИМЛИ РАН, 2013. с. 27.

КИНОРАБОТЫ «КВАРТЕТА И»: ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ 2020-х

«Квартет И» — московский комедийный театр. В его составе с момента основания неизменно числятся Л. Барац, Р. Хаит, А. Демидов, К. Ларин и режиссёр С. Петрейков. Коллектив известен не только театральными постановками, но и фильмами «День радио», «День выборов», «О чём говорят мужчины» и их продолжениями, а в последние годы «пробует себя» в жанре сериала.

Работы, о которых пойдёт речь сегодня, — это «Разговорник» (фильм, 2020 г.), «В Бореньке чего-то нет» (сериал, 2021 г.), «О чём говорят мужчины. Простые удовольствия» (фильм и сериал, 2023 г.). Они объединены вместе неслучайно: во-первых, все четыре (или всё-таки три?) кинокартины — жанровые эксперименты для «Квартета И», во-вторых, некоторые монологи и сюжеты «странствуют» от одной работы к другой. Авторы продолжают многие свои традиции из фильмов 2000-2010-х годов: «разговорный жанр», «чеховский» комизм (наполненный драматизмом и иногда трагизмом), «жизненные» темы, психологизм, пафос «простых» человеческих ценностей (дружба, семья, искренность, свобода личного выбора и т.п.), любви к жизни и бесконечной самоиронии.

А что нового? Как минимум, жанр. «В Бореньке чего-то нет» — это первый¹ сериал «Квартета И». «О чём говорят мужчины. Простые удовольствия» —

Анастасия Миронова

*Магистрантка филологического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова*

второй, выпущенный уже через два года на той же платформе «Start», что и первый. «Разговорник» тоже вышел в интернете, в онлайн-кинотеатре «IVI». В начальных титрах он значится «как бы фильмом» (с отсылкой к «Как бы радио» из более ранних работ), а в целом близок к жанру телеспектакля.

Снятый в условиях ковидных ограничений, «Разговорник» составлен из монологов, которые актёры произносят со сцены перед небольшим зрительным залом. Дополнительные персонажи и вставные эпизоды (частые в серии фильмов «О чём говорят мужчины») отсутствуют, а четыре героя на сцене — автобиографические. Материал разделён на «Главы» по темам («Чтобы понимали», «Про женщин», «Пьяные истории», «Все люди разные», «Иллюзии и

надежды», а также пролог и эпилог).

Сериал «В Бореньке чего-то нет» — история кинорежиссера, который спустя 20 лет работы для массового зрителя решил «высказаться» и снять «настоящее» кино, чтобы было «не стыдно». В отличие от большинства работ «Квартета И», этот сериал «сюжетный», хотя основная смысловая нагрузка лежит на монологах и диалогах. Актёры предстают не в своих привычных «амплуа». Впрочем, это уже не в первый раз: новые и неожиданные герои появлялись в фильмах «Быстрее, чем кролики», «Громкая связь» и «Обратная связь»².

«О чём говорят мужчины. Простые удовольствия» — четвёртая по счёту работа в серии «Мужчин...». Снято в лучших традициях этой серии: четыре друга, биографические имена, устоявшиеся «амплуа», путешествие (на этот раз пешком, по Садовому кольцу), разговоры о «жизненном и наболевшем», разбор психологических «кейсов» под алкогольные напитки и душевную музыку... Казалось бы, всё в рамках ожидаемого, так что удивляться нечему. Однако вышла интересная история: под одним названием существуют фильм и сериал.

Ещё в 2021-м году «Квартет И» и платформа «Start» планировали выпустить новых «Мужчин...» в формате сериала³. По всей видимости, именно сериал и был снят изначально, а потом, «вырезав» около часа материала, из него сделали фильм и показали в кинотеатрах. Картина многим не понравилась.

Цитировать не будем (хотите — поищите сами), но значительная часть негативных комментариев сводится к тезису «Квартет уже не тот». И даже если не впадать в подобные крайности, нельзя не заметить изменения в тональности фильма относительно предыдущих. Я, в свою очередь, начинала писать эту статью именно по фильму, а не сериалу, и подготовила формулировку «комизм "с грустинкой" перешёл в лиризм и драматизм».

Сериал вышел буквально на днях, и откликов на него ещё мало, но, думается, рейтинг будет выше, чем у фильма. Про сериал хочется по-простому сказать: «Да, "берёт", попали!» Это такая сложная для искусствоведческой теории категория, которая «на профессиональном» объясняется целостностью произведения, лаконизмом выражения, соответствием формы содержанию и т.п. — а на обывательском наречии выражается в словах «попал» автор или «не попал». И разговорная формула точно передает смысл, хотя и содержит в себе некоторую субъективность оценки. С другой стороны, когда художник «попадает», это всё-таки ощущают многие, пусть и не все. Короткая история из жизни. Я пересматривала новых «Мужчин...» в некоторой компании. Потом мы сели вместе в машину, поехали — и началось: «Слушайте, мы же вчера правильно гуляли! "Шли, куда идётся, пили, что пьётся...". Ой, а мне понравилось "завсегдатай" и "никогдай". Да там ещё "иногдай" был!». То есть,

после первого просмотра люди вспоминают, цитируют, смеются, ассоциируют юмор из фильма со своей жизнью. Поэтому с долей теоретической бездоказательности скажем, что сериал, кажется, получился «на уровне» уже полюбившихся зрителю и ставших своего рода «классикой» произведений «Квартета И».

Все три интересующие нас работы (если фильм из серии «О чём говорят мужчины» считать лишь обрезанной версией сериала) выходили на онлайн-платформах и ориентированы на интернет-форматы. Они поделены на короткие части до 30 минут: «Разговорник» на «главы» (напомним, по темам), «Боренька...» и «Мужчины...» — на серии. В «Бореньке...» каждая серия отмечена интервью с одним из героев, где создаётся «правильный» образ съёмочного процесса, контрастный реальному хаосу на площадке. В «Мужчинах...» серии называются по главному напитку или блюду, который пьют или едят герои и которому в каждой серии посвящён монолог Ростислава Хаита в роли сомелье.

Эти три (или четыре) кинокартины объединяются и общим материалом. Видимо, «Разговорник» оказался не так популярен и не нашёл своего зрителя, раз сценаристы решили повторить шутки и истории из него в других работах: в совершенно неизменном виде в сериалах звучат анекдот про врачей в зрительном зале (дважды в «Бореньке...»), история про курицу в продуктовом

магазине (там же), рассуждение о слитном или раздельном написании ругательных выражений («Мужчины...»). Переписывается история про клятву при поступлении в вуз: в «Разговорнике» она относится к Лёше и Славе, в «Мужчинах...» — к Камиллю и Игорю, причём в первом случае оба героя успешно поступили, а во втором — нет, и клятва оказалась нарушена. Меняется и история про «тетрадь доходов»: в «Разговорнике» Камилль рассказывает про доходы всего коллектива, в «Мужчинах...» — своим друзьям про семейный бюджет. Из менее очевидного: в обоих сериалах есть общий характерный жест — набрасывание куртки на голову в знак дружеской поддержки. Притом в «Бореньке...» этот жест в пятой серии «подытоживает» один из ключевых по смыслу диалогов Максима и Юры на тему «настоящего» искусства. В «Разговорнике», кстати, этого нет, хотя деталь примечательная. А вы набрасываете куртки друзьям на голову?

Темы в этих работах в целом остаются «типично-квартетовскими». Например, тема творчества, вокруг которой построен весь сериал «В Бореньке чего-то нет», была одной из ключевых в «Дне радио» (только не в столь «высоком» варианте), а более узкая тема современного искусства обыгрывалась в первом фильме «О чём говорят мужчины». Анализ «жизненных» ситуаций стал ещё более подробным и тонким в истории Камилля и Игоря («Мужчины...»). Неизменно и обращение к литературному

материалу. Отметим, например, чеховские мотивы в «Бореньке...»: продажа старого отеческого дома, образ цветущей яблони (такой похожей на вишню!), тему жизненной «прозы» и попыток ее преодолеть через искусство, образы самого Антона Павловича (и в «Бореньке...», и в «Мужчинах...»). Напомним, в «Дне выборов 2» также цитировался Чехов, а в фильме «О чём ещё говорят мужчины» одним из героев был Л.Н. Толстой. В «Бореньке...» не менее важны отсылки к классике кино: фильму «Восемь с половиной» Ф. Феллини («кино о кино», тема творческого кризиса, некоторые любовные коллизии), «Зеркалу» А. Тарковского (образ дома с зеркалом, сны героя, движение камеры по дому) и др.

Таким образом, в целом в работах «Квартета И» 2020-х годов мы видим продолжение и развитие всё тех же тем, сохранение «разговорного» характера кинокартин при смене

форматов, жанров и композиционных решений. Как и всегда, монологи и диалоги в фильмах прописаны в «фирменной» манере, сочетающей комизм и психологизм. Приведём для примера по цитате:

«Когда тебя понимают, это прямое свидетельство того, что ты есть». («Разговорник»)

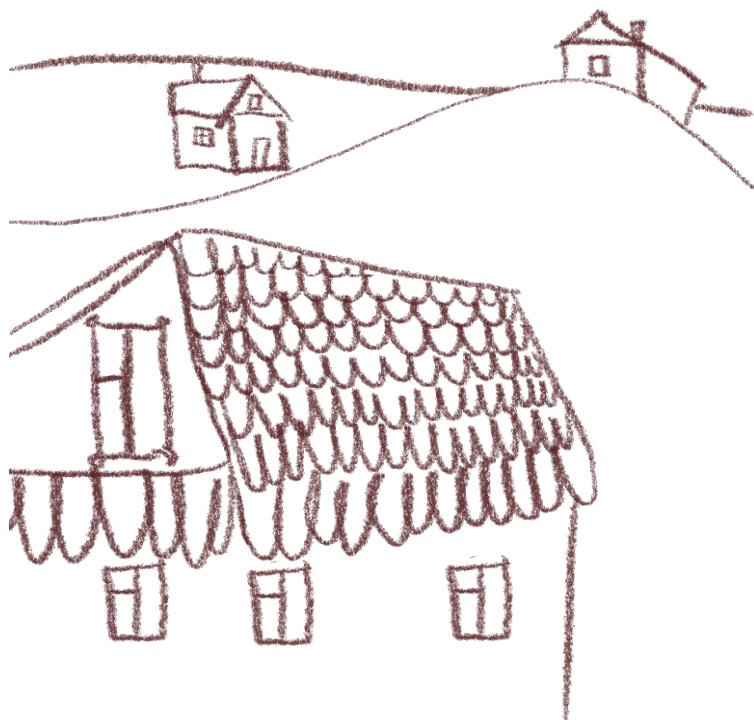
«Переживает... Фильмы х*ровые снимать не надо. А если снял, так сиди и слушай, какой он хороший». («В Бореньке чего-то нет»)

«И вообще, Бродского можно не читать, достаточно его просто любить. И для этого, кстати, возможно, лучше не читать». («О чём говорят мужчины. Простые удовольствия»)

И да, всё рекомендуется к просмотру! Только скромный совет от автора статьи: «Мужчин...» всё-таки посмотрите в формате сериала.

Примечания:

1. И об этом часто повторяли создатели, вопреки ошибочному мнению зрителей. В одном из постов (от 02.11.21) официального сообщества ВКонтакте читаем: «...первый сериал Квартета И. Точно первый. (Квартет И по Амстелу — не сериал, а рекламный проект)». URL: https://vk.com/kvartet_i?w=wall-1331551_96239 (дата обращения: 01.06.23).
2. Последний фильм, к слову, тоже вышел в 2020-м году. Это сиквел «Громкой связи» и продолжает его темы, стилистику и т.п. Эти два фильма в контексте всего творчества «Квартета И», на наш взгляд, стоит рассматривать вместе друг с другом и отдельно от остальных.
3. Камилль Ларин, актер «Квартета И»: «Во мне заложена привычка: нужно что-то выдавать, чем-то радовать, удивлять» [интервью, беседовал А. Комаров] // Газета «Культура», 16.09.2021. URL: <https://portal-kultura.ru/articles/theater/335087-kamil-larin-akter-kvarteta-i-vo-mne-zalozhena-privychka-nuzhno-chto-to-vydavat-chem-to-radovat-udivl/> (дата обращения: 01.06.23).

Контакты:

+7(915)36-88-739

E-mail: nate.lit@mail.ru

Сайт: <https://nate-lit.ru/>

Мы в социальных сетях:

https://t.me/NATE_lit

